

ISSN 0131—0097
ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1991
НЕ ИМЕЙ СТО РУБЛЕЙ...

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 7 (3317)
9—16 февраля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фотоплакат Льва Шерстенникова. (См. в номере материал «Есть ли выход?».)

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп. Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 21.01.91. Подписано к печати 05.02.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 72. Цена 1 рубль.

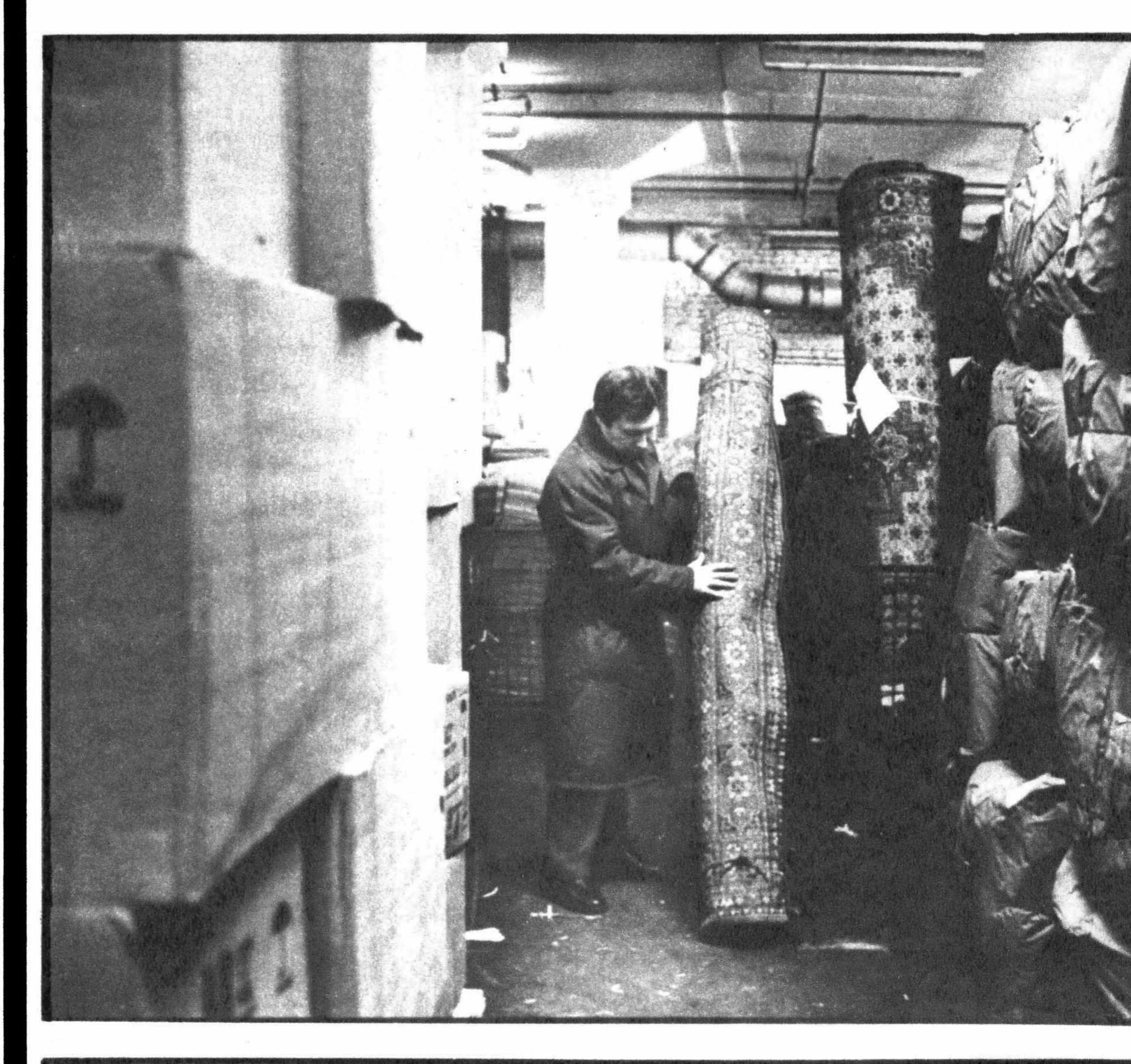
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

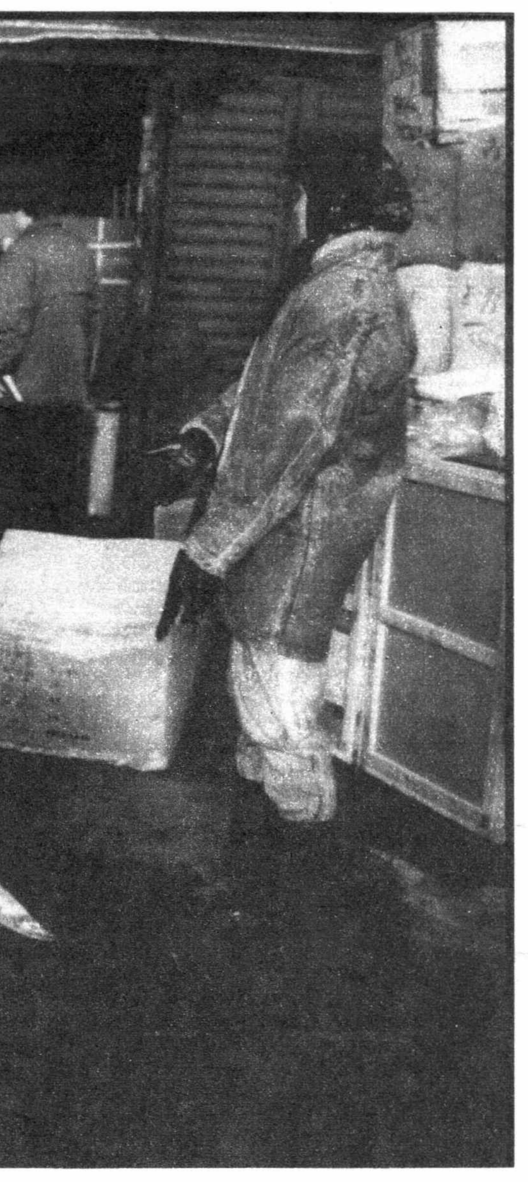
Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Людмила САЛЬНИКОВА
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ЧЕРНАЯ КОШКА В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ

«О БОРЬБЕ С КАНЦЕЛЯРСКОЙ ВОЛОКИТОЙ И САБОТАЖЕМ. ОТ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ.

Разбитые окончательно в открытой борьбе с Советской властью еще в марте, разные саботажники, контрреволюционеры и провокаторы проникли в советские организации, главным образом экономические и продовольственные с целью подорвать их изнутри и задержать строительство социалистической страны.

Путем канцелярской волокиты в продовольственных организациях, путем умышленной отправки грузов не по назначению, путем уничтожения годных к употреблению продуктов под видом испорченных, умышленной задержкой в доставке продовольственных грузов,— эти провокаторы стараются теперь повергнуть в пучину голода рабочие массы, оказав этим поддержку наступающим на революционную Россию бандам белогвардейцев.

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия, обращаясь ко всем саботажникам и провокаторам, проникающим в советские учреждения, говорит им: БЕРЕГИТЕСЬ. У революционного пролетариата для вас — иуд существует только одно наказание — СМЕРТЬ...

Председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии «Известия», 11 августа 1918 г.».

Итак, мы имеем уже два документа, посвященных борьбе с экономическим саботажем. Что из них вытекает? Под серьезной угрозой оказались конституционные права граждан. Ведь согласно действующему законодательству следственные действия, то есть обыски, выемки и тому подобное, можно производить только после возбуждения уголовного дела, то есть когда признаки преступления налицо (ст. 108 УПК РСФСР). В нарушение закона органам внутренних дел и госбезопасности дано право производить эти действия в порядке «оперативно-розыскных мероприятий по обнаружению признаков преступления», то есть на всякий случай. Права расширены до степени произвола, отпадает надобность в органах следствия, судах, адвокатуре. Вновь наступают времена ВЧК?

А. ЛАРИН,
доктор юридических наук

В рейд по магазинам Красногвардейского района Москвы мы отправляемся внушительной компанией. Работник ОБХСС, представители районного отдела КГБ, рабочий контроль. Торговые работники встречают незваных гостей с завидным самообладанием.

— Ветчина импортная почему тут? В стол заказов. Для медалистов. А шпроты для многодетных. Вино? Бронированное. Телефонограмма пришла вчера. Ветераны, знаете, так возмущались, что шампанское даем. Водку требовали. А то инвалиды вздумали с шести утра очередь занимать. Говорю, всем хватит. Не верят. Чуть не драку у дверей устроили. Ну, народ... А один, не могу прямо, пришел на другой день: давайте мне положенные двадцать граммов сыра — и все тут! Ему двести восемьдесят граммов попало вместо трехсот. Честно, ей-богу! Как чей кусок масла в сейфе? Девочки... Чье масло? Ищи, Валя, чек, ищи, не нервничай, мы подождем... Вот, пожалуйста. Что вы, у нас все на доверии. А... Этот контейнер с колбасой не продаем. Да. Потому что недовес. Будем экспертов вызывать.

Профессионалов видно сразу. Работники ОБХСС легко ориентируются в нагромождении ящиков и коробок, накладные и ведомости пробегают непринужденно, как утренние газеты. Сотрудникам госбезопасности труднее. Они никак не приноровятся к условиям работы — слишком шумным и многолюдным для них. Разве их это дело — врываться в магазин с шашкой наголо?

Поначалу иные бесстрашные продавцы просто не пускали сотрудников КГБ на свою заповедную территорию: кто такие? Какое право имеете? А прав-то действительно никаких. Когда в ноябре прошлого года прозвучало постановление Верховного Совета СССР «О положении в стране», где говорилось о привлечении органов госбезопасности к наведению порядка в экономике, впечатление было сильное. Но никто не обратил внимания, что могущественному ведомству забыли дать полномочия, не определили, как действовать. Полагали, наверное, что одно название ведомства насмерть напугает всех жуликов. Ничуть не бывало! Народ теперь раскованный, смелый. И взятки стали предлагать чекистам, и угрозы в ход пустили. В общем, обращаются с серьезными работниками как с простыми смертными. Вот она — демократия!

Очень интересно было узнать точку зрения начальника отдела БХСС Красногвардейского РОВД Москвы Леонида Владимировича Веденова.

— Не задевает ваше профессиональное самолюбие, что вам, вроде как не справляющимся, дают на подмогу чекистов?

— Только спасибо говорим. Посчитайте: в нашем районе около 200 точек торговли. А в отделе у меня два человека сидят на продторговле и двое — на промтоварах. Можно такими силами что-нибудь сделать? А мы, между прочим, на втором месте в городе по выявленным преступлениям в торговле.

Увы, убедиться в этом нам не удалось. Если судить по рейдам, в которых мы участвовали, советские продавцы — самые честные продавцы в мире. Обнаружить не то что матерого злодея, сжимающего костлявой рукой голода столицу, но даже приличного тайника с дефицитом нам так и не посчастливилось. Видимо, торговля легла на дно, мудро пережидая борьбу с саботажем.

Однако прилавки пусты. И какое-то объяснение этому должно быть. Если торговля ни при чем, может быть, необходимые товары просто не доходят до магазинов?

Не знаю, как в других местах, а в Москве, на Бирюлевском мясоперерабатывающем комбинате, так борются с экономическим саботажем: приемщик взвешивает готовые к отправке тележки с колбасой, а за его спиной всю смену стоит сотрудник госбезопасности, неусыпно проверяя точность веса; другой работник госбезопасности сидит в соседней комнате на телефоне и передает своим коллегам в райотдел, на какой машине и в какие магазины ушла очередная партия колбасы; наконец, еще один бдительный чекист, прежде чем выпустить груженую машину за ворота, хорошенько ее взвешивает.

— Наших ребят можно фотографировать только со спины,— вежливо предупреждают два человека в штатском, сопровождающие нас по комбинату.— Сами понимаете, мальчики знают несколько языков, подготовлены для работы за границей...

Директор комбината Ариас Антонович Альбино честно смотрит нам в глаза. К нему никаких претензий быть не может, каждый день он отправляет 180—200 тонн мясных продуктов, ничуть не меньше, чем раньше.

Вообще, если сложить продукцию всех столичных мясоперерабатывающих комбинатов, получится более тысячи тонн ежедневно. Значит, каждый москвич по утрам может делать себе к чаю бутерброд со ста граммами колбасы.

— Как бы увидеть эти сто граммов, Ариас Антонович! Ведь нет колбасы в магазинах. Совсем нет... Может, аппетит у населения прорезался, не хватать стало расчетной нормы? Нельзя ли побольше выпускать?

— Отчего нельзя... Только за перевыполнение плана мне ничего, кроме штрафа, не светит. Почему? Да потому, что лишнюю продукцию никто не возьмет. То есть, конечно, колбасу, пельмени или окорок у меня бы любой магазин с руками оторвал, но тогда ему срежут фондовые поставки мяса. Мол, у вас уже есть чем торговать, обойдетесь...

Вот так. Неведомые командиры распределения уверенно решают за нас, чего и сколько мы должны съесть. И ни грамма больше! Мы яростно бьем себя в грудь, уверяя, что на всех парах несемся к рынку, но распределительная система казарменных пайков по-прежнему держит нас мертвой хваткой. Вот она, реальная, осязаемая власть над миллионами соотечественников. Тот, кто ею обладает, лучше других должен понимать нынешнюю ситуацию. И уж наверняка нести за нее ответственность.

Дозваниваюсь до заместителя начальника Главного управления государственных продовольственных ресурсов при Государственной комиссии СМ СССР по продовольствию и закупкам Александра Ефремовича Юкиша.

— Как вы, Александр Ефремович, объясняете абсолютную пустоту магазинов?

— Слишком велик неудовлетворенный спрос при колоссальной денежной массе. Если раньше на каждый рубль, имеющийся у покупателя, товаров было по крайней мере на два рубля, то теперь не наберется и на двадцать копеек. Хватают все. Поставки ресурсов в Москву не сократились, а спрос возрос. Смешно сказать, но уже несколько месяцев не могу купить себе обыкновенный костюм. Звоню на московскую швейную фабрику, там говорят, что шьют исправно.

— А если между товаром и покупателем устранить посредников, то есть вообще отменить пресловутые фонды?

— Теперь объемы производства планируются самими предприятиями. Ни Госплан, ни министерства им не указ. Но пока прямые связи между поставщиками и потребителями не гарантируют снабжения населения всем необходимым. Приходится действовать с помощью старых структур распределения. Фонды — регулятор потока товаров, продуктов.

Опять концов не найти. Всесильные фондодержатели сами, оказывается, страдают от хаоса в экономике и покупательской паники.

Но где, где же тогда прячется преступная мафия, перекрывшая нам кислород, доведшая нас до голодной черты?

В руки мне попадаются сложенные гармошкой многометровые сводки на конец декабря прошлого года об остатках невывезенных грузов с железнодорожной станции Москва-Товарная — Ярославская. С января 1989 года не вывезено 1768 килограммов дефицитных импортных лекарств, получатель — аптечный склад № 1 Мособлаптекоуправления. Срок годности лекарств наверняка истек. Отказываются получать 2250 килограммов купленной на валюту модельной обуви с августа 1989 года работники ГУМа. С октября 1989 года томится на складе 1500 килограммов импортной радиоаппаратуры, предназначенной базе снабжения ХОЗУ МВД СССР. Центросоюз ровно год не хочет забрать 2240 килограммов импортной одежды. И так далее, и тому подобное.

Может быть, наконец, след найден? Как спрячешь дефицит в подсобке магазина? А для утаивания товаров на железнодорожных складах возможности прямо-таки безграничные. Сроков хранения груза не существует. А пока он не поступил в магазин, торговые работники за него никакой ответственности не несут. Правда, существуют штрафы за сверхнормативное хранение, но столь мизерные, что даже недавнее их пятикратное повышение ничего не изменило. Ведь выплачивает их не конкретный виновник, а государство, то есть в конечном счете мы с вами — и без того обделенные покупатели. В прошлом году с Главмосавтотранса было взыскано 700 тысяч рублей штрафов. Часть этих денег пошла тем же железнодорожникам. Получается, они тоже заинтересованы тянуть с разгрузкой.

После поездки на саму станцию Москва-Товарная — Ярославская стало окончательно ясно, до чего выгодно долго держать товары в складских помещениях. Нарушенные упаковки, сорванные пломбы, раскуроченные ящики — тут явление будничное, нормальное. Ну, подумаешь, грузчик ненароком зацепил край ящика, отлетела плохо державшаяся досточка, а из образовавшейся бреши вдруг, как из рога изобилия, посыпались заморские туфли, или коробочки с фотопленкой, или еще что-нибудь эдакое. Кто считал, сколько просыпалось? Кто видел, куда это подевалось? Естественная убыль...

— Прошлогоднее постановление Верховного Совета СССР «О положении в стране», где говорилось о привлечении органов госбезопасности к борьбе с экономическим саботажем, свалилось на нас как снег на голову,— признается начальник отдела 6-го Управления КГБ СССР, член оперативного штаба по борьбе с экономическим саботажем этого же управления Юрий Васильевич Тихомиров.— Что такое саботаж? Юридически это явление никак не квалифицировано. Есть статья 172 УК РСФСР, в ней говорится о халатности должностных лиц. Еще есть статья 68, посвященная диверсиям, и статья 69, в которой речь идет о вредительстве. О саботаже нет упоминания. Нельзя эмоцию, совокупное общественное мнение выдавать за нормативное толкование состава преступления. Мы не раз обращали внимание правительства на нарастание деструктивных тенденций в экономике. По мере перехода к рыночным отношениям расхлябанность и бездействие будут сменяться активной деятельностью теневой экономики. Но мы не успеваем предвидеть последствия своих действий. Смотрите, сколько программ перехода к рынку предлагается, но ни в одной из них нет проверки принимаемых решений на криминогенность. Как можно бороться с саботажниками, если нет мер пресечения и никто не несет юридической ответственности за содеянное? Мы пока можем только фиксировать нарушения и сообщать о них органам внутренних дел, прокуратуре, которые и без того завалены уголовными делами...

Итак, гигантский маховик запущен. Поди догадайся, что работает он вхолостую, ведь ежедневно газеты, радио и телевидение наперебой сообщают о новых разоблачениях расхитителей народного добра. Очередная политическая кампания по поиску «врагов народа» обставлена шумно и с размахом. Благо, опыт по этой части богатейший. Семидесятилетняя история существования нашего государства доказывает: как только в стране назревает кризис, за который правительству предстоит держать ответ перед своими гражданами, незамедлительно находится виноватый, на которого списываются все грехи. Много десятилетий этот прием работал безотказно, поскольку вместо жизненных реалий мы привыкли иметь дело с идеологическими мифами и заклинаниями, набор которых становился тем богаче, чем безнадежнее делалась действительность.

Экономические саботажники просто не могли не вернуться к нам из дедовских времен. Общество на грани экономической катастрофы. Система демонстрирует свою полную неспособность вести народ к цивилизованной, достойной жизни. Длительное, упорное пренебрежение объективными экономическими законами, здравым смыслом во имя все тех же мифологических догм довело страну до предела, за которым разруха, голод, гражданская война. Но признать это — значит подписать Системе смертный приговор. Делается отчаянная попытка спасения. Оказывается, пустые магазины — дело рук неких сговорившихся злоумышленников. Надо лишь найти их, конфисковать у них припрятанные продукты и ширпотреб — и наступят благополучие и сытость.

Разумеется, есть у нас и жулики, и воры, и ущерб они наносят немалый. Можно в любой газете найти множество тому примеров. Но все они отнюдь не причина, а лишь закономерное следствие хаоса, безответственности, некомпетентности, царящих в народном хозяйстве. Никто не спорит — мафия в нынешней ситуации чувствует себя очень вольготно. Но что она собой представляет? С кем мы боремся? Неужто нечистая на руку продавщица гастронома или вороватый кладовщик на базе способны так сотрясать нашу экономику? Других героев подпольного бизнеса оперативные сводки предложить не могут. Настоящего, матерого мафиози нам показывают только в лихом кинобоевике...

Напуганными людьми управлять легче. Им проще внушить необходимость «твердой руки» и крайних мер. В последнее время нас усиленно убеждают в неслыханном разгуле преступности. Истошные крики «Наших бьют!» вызывают у населения страх, подавляют волю. Под шумок создается рабочий контроль, на улицах появляется военный патруль, органы внутренних дел и госбезопасности получают право беспрепятственно входить в каждое учреждение. А для отвлечения от этой леденящей реальности нам предлагают хорошо знакомую игру по поиску черной кошки в темной комнате, тем более когда ее там нет.

ВОЙСКА НА УЛИЦАХ

Георгий РОЖНОВ
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Итак, то, что еще 29 декабря прошлого года предначертали в совместном приказе № 493/513 министр обороны СССР Д. Язов и министр внутренних дел СССР Б. Пуго, то и свершилось. С 1 февраля года нынешнего в г. Москве, столицах союзных и автономных республик, краевых и областных центрах, городах, где имеются крупные промышленные центры (гарнизоны), организовано совместное патрулирование работников милиции и военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота. Отныне наш с вами покой охраняют, как сказано в том же приказе, наиболее подготовленные военнослужащие, вооруженные стрелковым оружием. Бдить они будут либо пехом, либо, если притомятся, а внутренний враг обнаглеет вконец, на бронетранспортерах. А коли совсем станет невмоготу — им тут же помогут дежурные подразделения в составе роты-батальона с вооружением и боеприпасами к ним — их резерв создан в каждом гарнизоне.

Номер этого приказа, как уже заметили понимающие в подобных документах толк люди, нолем не увенчан, а стало быть, секрета не представляет, текст его самочинно полностью опубликован во многих газетах, кроме официозных, а ведущая ТСН Татьяна Миткова даже показала его всем полуночникам, не убоясь гнева надзирающих за ней цензоров. Все эти вольности и прессы, и телевидения, отсутствие входящих в моду окриков или опровержений могли значить только одно: неведомо как попавший в руки журналистов приказ действительно существует, и оба подписавшие его министра срама за это не имут.

Есть у меня и еще одна тревожная уверенность — братание милиции с армией и флотом поддержат не только истосковавшиеся по сильной руке неосталинисты, но и, боюсь, многие наши обыватели, затравленные уличным хулиганьем, обнаглевшими рэкетирами, грабителями и насильниками,— шквал преступности-то действительно возрастает! Уповать на милицию, которая то и дело жалуется то на нехватку кадров, то на скверную оснащенность, а то и вовсе заливается краской от случаев коррупции и прямого предательства в своих же рядах? Пусть уж лучше грохочут по улицам наших городов бэтээры с голубыми беретами на броне да чеканят шаг лихие морские пехотинцы — вот уж тогда будет порядок, вот уж тогда нагоним страха на разных там бандюг и злодеев!

Увы, дорогие мои сограждане, какой бы обездоленной и слабосильной ни была наша милиция, ни армия, ни флот ей не помогут и тем более ее не заменят даже не в самой главной ее функции — патрулировании на улицах. Ведь кого только мы не принуждали подставить плечо постовым милиционерам — и осодмил, и бригадмил, и народные дружины, и последнее чиновное изобретение — рабочие отряды, а толку? Да никакого и быть не могло, потому что нельзя, бессмысленно, глупо призывать в помощники к профессионалам дилетантов, какими бы добрыми порывами они ни руководствовались. Чего же тогда оба союзных министра уверены, что танкист, летчик, сапер, мотострелок, ранее именовавшийся пехотинцем, или военный моряк смогут хотя бы грамотно рассеять хулиганящую ораву или изловить вышедшего на вечернюю охоту грабителя или насильника? Если даже предположить, что не милиция будет подчиняться армии, а наоборот (приказ об этом умалчивает),— на кой черт в подчас молниеносной схватке у милиционеров будут путаться под ногами помощники, ничего не смыслящие ни в слежке за подозрительными лицами, ни в погоне за злоумышленником, ни в грамотном его задержании без лишней стрельбы? Или, напротив, схватятся за автоматы без нужды или направят их не в ту сторону?

Уверен, что и нынешний маршал, и будущий генерал МВД, скрепляя своими подписями достопамятный приказ, никаких иллюзий насчет правоохранительных талантов сухопутчиков и моряков не питали, да и не могли — слишком свежи даже в их памяти армейские набеги на Тбилиси, Баку, Вильнюс и Ригу, куда танки и БТР, по официальной версии, тоже входили для наведения общественного порядка и защиты граждан с помощью автоматных очередей и саперных лопаток. И, наконец, о каком взаимодействии армии и милиции можно сегодня говорить, если в том же Баку или в Вильнюсе военные и работники местных МВД стояли по разные стороны баррикад? Поверьте, я не утрирую, не сгущаю краски и не нагнетаю страсти — кто нам даст гарантию, что такое противостояние не может случиться в Москве или Ленинграде, во Львове или Кемерове? Дай Бог, чтобы я ошибался и оба высоких подписанта доказали нам свои благие намерения, придавая армии и флоту полицейские функции! В своих последующих рассуждениях я постараюсь понять логику именно их поступка — а может быть, у нас действительно нет иного выхода, кроме как остановить победное пока шествие преступности всей нашей военной мощью? И так уж вдруг появился приказ двух министров, который, как ни крути, перекладывает ответственность за поддержание общественного порядка с Министерства внутренних дел на Министерство обороны? Какой уж тут

Окончание на стр. 31.

■

В недавно ушедшем году мой брат Павел Николаевич, 1931 года рождения, не без моей помощи стал участником войны. Факт, конечно, непримечательный: разве мало людей, к которым через многие десятилетия возвращается справедливость. Но на одну деталь хочу обратить внимание. Он стал участником не Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, а корейской войны (1950—1953 годов).

В 1951 году ушел служить в ряды Советской Армии. Уже в феврале 1952 года стал «китайским добровольцем». В этом качестве сражался на корейском фронте, пока в одном из боев не был тяжело контужен. Почти полгода он был на излечении в Пекинском военно-полевом госпитале.

Сегодня многие военные специалисты и историки утверждают, что в этой войне участвовало незначительное количество наших подразделений (летчики, связисты и т. д.), но никто не вспоминает о так называемых наших «китайских добровольцах». Центральный архив МО подтвердил, что мой брат был среди них. Уверен, многие помнят, как печать того времени сообщала: за прошедшие сутки «китайскими добровольцами» сбито 2 или 3 самолета противника. В связи с этим хотелось бы спросить историков, кто же на самом деле сбивал американские самолеты: истинные китайские добровольцы или советские «китайские добровольцы»? Или те и другие?

И еще. Почему воевавшие на той, до сегодняшнего дня почти неизвестной войне должны с огромными трудностями добиваться права называться участником войны? Не проще было бы решить этот вопрос централизованно, то есть достать из секретных архивов списки и выслать их в военкоматы по месту жительства, ибо в военкоматах таких списков, естественно, нет. А ведь наши люди воевали не только в Корее, Афганистане, но и в Египте, Анголе, Эфиопии.

Недавно американцы заявили, что останки их воинов, погибших в других странах, будут перезахоронены на родине. А что же мы?

В. Н. ДМИТРЕНКО,
преподаватель
Полтава

■

Высылаю копию распоряжения, подписанного генералом армии Варенниковым.

«Прошу в срок до 19.01.91 г. организовать массовое направление телеграмм от коллективов, военных советов, командования и всего личного состава частей до полка и отдельного батальона включительно в адрес нового председателя Гостелерадио Кравченко Леонида Петровича.

Взятый председателем комитета новый курс в защиту Вооруженных Сил полностью соответствует интересам нашего народа.

Получение наших телеграмм от воинских организаций поддержит нового председателя.

Варенников».

Считаю, что данное распоряжение является грубым давлением армии на правительство и Верховный Совет. Многие военнослужащие не разделяют взглядов генерала армии Варенникова и считают, что никто не давал ему права выступать от имени армии и народа.

Как знать, может, начальство МВД тоже рекмендовало поддержать Кравченко? Чтобы он со спокойной совестью показывал (по просьбе, разумеется, трудящихся) «БТРы» и танки, вооруженных солдат и милиционеров, совместно патрулирующих для «поддержания воинской дисциплины на улицах городов» (см. приказ МО и МВД № 493/513).

Распоряжение Варенникова пришло под грифом «секретно», и по понятным причинам фамилию свою и адрес сообщаю только для редакции. Если честно, кишка слабовата, не тяну пока до майора Лопатина.

С уважением

майор К-В.

■

Письмо воспитанника Петрова потрясло меня. Нет, не безграмотностью, этим нас в воспитательно-трудовой колонии не удивишь. Витя согласился, чтобы копию его письма я отправила в вашу редакцию. Только прошу имя его изменить, у него еще будет достаточно трудностей после освобождения.

Галина Ивановна, пишет вам бывший воспитанник детдома Петров Виктор. Я уже писал, но вы не ответили, видно, не получили, я пишу новое. Сейчас я в колонии усиленного режима. Да, конечно, вы скажете: вот Петров опять попал. Да, попал, потому что был глуп. Но тут большая вина и ваша.

Когда мне было семь лет, вы сказали, что у меня есть бабушка, дали адрес, и мы вместе написали ей письмо. После самоподготовки я встретил Таню, которая несла письма, но моего там не было. Я решил еще написать бабушке, спросил адрес, а вы мне ответили: какой адрес, у тебя никого нет. И тут я понял, что это обман, вам все равно.

В третьем классе я начал поиски родных, я знал, что они есть. Убегал с уроков. Галина Ивановна, почему вы меня не слышали, ведь сколько раз я говорил, что ищу родителей. Вы говорили, нет у тебя матери, но я этого не слышал, знал, что это огромный обман. Вы попрекали мою мать, что она бичиха и пьяница, и мне было больно. Это ваша большая ошибка, что вы в свое возрасте не хотели помочь детям. Неужели вам нас не было жалко?

Я прожил в детском доме девять лет и многое понял. Понял, что вы только для вида. Вспомните второй класс, когда мы плохо вели себя на уроках. Вы не проводили с нами беседу, вы пожаловались нашим шефам, и вы знаете, как после ваших слов они нас избивали. Но кулаком ребенка не воспитаешь, он станет злеė, и ему тоже захочется кого-нибудь избить. А потом выработается привычка избивать, отнимать, оскорблять. Вспомните Димку, за что его убили, ведь за какую-то игрушку. Кто научил? Взрослые ребята, а кто их учил? Говорю о том, что видел, сейчас гласность, и не буду бояться, как другие.

Галина Ивановна, скажете, что в детдоме был достаток, но нет же. Когда привозили ковры, они лежали на складе, вы их держали пять лет и списывали, чтобы унести домой новые, красивые, опрятные, а взамен приносили свои старые. И много другого знаю, как вы на наших харчах жили. Я не все сказал, скоро приеду и выскажу в глаза всем и нашему участковому тоже.

Так вот насчет вашей ошибки, Галина Ивановна. Мать я нашел, бабушку нашел, сестер тоже нашел, всех я нашел. Вы помните, у нас в детдоме были две сестры — Наташа и Алла, так вот, их брат помог мне, спасибо.

Вы на меня не огорчайтесь, давно хотел высказаться. Сообщаю свой адрес в колонии. Пишите, я буду ждать каждый день.

Ваш бывший воспитанник Витя Петров.

Не думаю, что такой подросток в нашем обществе один. И детский дом не один, и Галина Ивановна, увы, не одна. Уверена, это письмо заставит задуматься многих: и родителей, и работников детских домов, милиции. Нам всем должно быть до этого дело. И все же, какой ответ может получить Витя от Галины Ивановны?

М. МАКСИМИКИНА,
воспитатель ВТК
Красноярский край

■

В декабре 1990 года был принят Закон СССР «Об основных началах социальной защищенности инвалидов». Проявлена забота о создании благоприятных условий инвалидам, позволяющих им вести полноценный образ жизни и активно участвовать в жизни общества. Записано, что социальной помощью, в частности, является и обеспечение их техническими средствами, включая легковые автомобили.

Однако на основании постановления союзного правительства о переходе на формирование договорных розничных цен на так называемые предметы роскоши по необъяснимой логике цены на запчасти к легковым автомобилям повышены в 3,6 раза.

Стоит ли доказывать, что это как раз тот случай, когда автомобиль не роскошь, а средство передвижения? Как же быть инвалидам, живущим на пенсию? Почему опять прикрывают очередную брешь в бюджете за наш счет?

Вот вам и забота, вот вам и закон, и милосердие... Если останется повышение цен на запчасти, многие инвалиды, которые передвигаются на автомобилях с ручным управлением, не будут ими пользоваться, а, стало быть, останутся не только без возможности учиться и работать (молодежь, инвалиды с детства, труда), но и не смогут поехать и купить хлеб, молоко...

П. КОВАЛЕНКО, Л. ЧАЛЫЙ,
Б. СКОБЛО, М. ШВАЛБ,
Б. НЕМЧЕНОК,
инвалиды Отечественной войны,
войны-«афганцы»,
инвалиды труда и детства
Харьков

■

Редко говорят нынче о космонавтах, чей мужественный труд остался в прошлом, там, на уже забытых околоземных путях. И уж совсем не вспоминают о людях, которые здесь, на земле, расплачиваясь своим здоровьем, подготавливали космические подвиги. Имею в виду испытателей. Иных уже нет. Но оставшиеся, потеряв здоровье, еще живут и страдают. Государство использовало их и выбросило.

Мой муж Роман Николаевич Коцан (1944 г. рожд.), как и многие его коллеги, после десяти лет испытательской работы был уволен в декабре 1975 г. из Института медико-биологических проблем. В трудовой книжке вместо «испытатель» было записано «лаборант»: видимо, побаивались информации об «опытах на живых людях», ведь испытатели проверяли не технику, а организм человеческий.

Центрифуга с восьмикратными перегрузками, погружение в эмирсионную среду, сурдокамера, барокамера, камера с 10-процентным СО, термокамера с температурой до 100°С, облучение и прием опытных средств от облучения, отработка мягкой посадки, когда «летели» позвоночники, пункции костного мозга, зондирование сердца, испытание бессонницей — это еще не все эксперименты. Нужно ли объяснять, что происходило со здоровьем молодых и поначалу крепких парней за несколько лет такой лаборантской работы? Но работа есть работа. За участие в экспериментах платили неплохо. В промежутках — оклад 100 рублей. Полученного вознаграждения едва хватало на восстановление здоровья, на частичную ликвидацию стресса.

Но вот «практически здоровый» человек начинает давать не те показания. И тогда медкомиссия рекомендует новое трудоустройство «в связи с длительным нахождением на данной работе». Его хладнокровно увольняют, написав на прощание: «Лаборант». И вот мужчина, которому нет и сорока, на улице.

Бывший «лаборант» не имеет прав на льготы для профессий, сопряженных с риском для здоровья и жизни, не имеет выслуги лет, пенсии, необходимого медицинского обслуживания. У мужа был душевный срыв. К моменту увольнения это был основательно раздавленный человек. У нас трое детей. Нужно ли рассказывать, сколько выдержала наша семья с тех пор? У некоторых друзей мужа судьба оказалась горше нашей.

Мне хотелось бы обратиться к бывшему директору института академику О. Г. Газенко.

Олег Георгиевич, вам посвятил хорошие слова Даниил Гранин в книге «Зубр». Мне ли объяснять вам, академику, ныне депутату Верховного Совета СССР, крупному биологу, медику, проблемы стрессовых профессий? Проблемы людей, от которых вы отмежевались в свое время, мифических «лаборантов», как значится в их трудовых книжках. Мне ли объяснять, почему ломались и гибли простодушные незащищенные люди, поначалу здоровые и крепкие?

Люция КОЦАН
с. Махра Владимирской области

СКОЛЬКО БУДЕТ... МВД ПЛЮС МО И ПЛЮС ЦТ? ●
ГОРЬКАЯ ПРАВДА ВОСПИТАННИКА ПЕТРОВА ●
ПО СЧЕТУ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ●

■

Если вы катите по шоссе Москва — Челябинск, то, приближаясь к старинному городу Мокшану, перед селом Симбухово сверните на грунтовую песчаную дорогу и остановитесь. Если вам повезло с погодой, то с этого места увидите одновременно восемь колоколен! Согласитесь, не так много осталось мест на Руси, где недалеко от оживленной трассы можно враз увидеть такое. И подумать о вечном.

Но не только для этого я приглашаю вас свернуть с накатанной колеи. Съезжая, вы не можете не заметить ветхой ограды бедного сельского кладбища, поделенного на две части. Зайдите в дальнюю от шоссе половину, приглядитесь. Среди неровной, в ямах, земли над могильными холмиками местами торчат кресты, памятники и еще — осиновые доски с номерами. На некоторых досках по два номера. Лет пятнадцать назад бывало и по четыре. Это современные братские могилы — памятники нашего морального уродства и тоталитарной бедности. Здесь хоронят наших предков из Мокшанского дома престарелых. Нужны ли еще слова?..

Извините за испорченный отдых. Не все свернут еще раз. Спокойнее промчаться мимо.

Спасибо тем немногим, кто чем-то сможет помочь.

А. П. МАСЛОВ
Сурск Пензенской области

■

В «Огоньке» № 1, 1991 г., помещена подборка, в которой открытка с портретами членов сталинского политбюро соседствует с открытками с изображениями, цитирую текст, сопровождающий подборку: «героев, которым приписывались (разрядка тут и далее моя.— **М. Г.***) сказочные черты и былинные подвиги», а само их появление, по мнению автора этого текста, порождалось выгодным тоталитаризму «мифологическим мышлением».*

Так давайте посмотрим, кто же эти люди. Что в их деятельности мифологического и нуждаются ли они в «приписках»?

Одна из открыток посвящена экспедиции ледокола «Красин» по спасению экипажа дирижабля «Италия», пропавшего в Арктике при попытке перелететь из Америки в Европу через Северный полюс. Руководили экспедицией известный ученый, профессор Р. Л. Самойлович и капитан ледокола К. П. Эгги. Летчик Б. Г. Чухновский в практически нелетную погоду, при несовершенных в то время средствах арктической навигации сумел найти потерпевших бедствие и навел на них ледокол. На той же открытке — всемирно известный полярный исследователь, норвежец Р. Амундсен; он тоже принял участие в поисках пропавшего дирижабля и не вернулся из очередного вылета в глубь полярных льдов. Погиб, пытаясь спасти людей.

На другой открытке — участники первой, самой сложной и опасной полярной экспедиции на дрейфующей льдине, положившей начало целому направлению высокоэффективных полярных исследований: И. Д. Папанин, Э. Т. Кренкель, Е. К. Федоров и П. П. Ширшов.

Ваш автор иронизирует: «Несколько поколений советских людей молились на эти открытки». Некоторых из тех, кто на них изображен, я знал лично. Не так-то проста и наполнена фанфарами славы была их жизнь. Самойлович в 1940 г. погиб в сталинском лагере. Мой друг Кренкель — немец по национальности — во время войны был загнан в далекую «глубинку», на должность, издевательски не соответствовавшую не только его недавнему статусу «народного героя», но и просто его опыту, знаниям, квалификации. Большую жизненную трагедию пережил и Ширшов.

Это были подлинные — отнюдь не мифические — герои. Они шли на трудные и рискованные дела ради науки, ради прогресса, а зачастую ради спасения людей. Нужна полная нравственная слепота и глухота, чтобы отнестись к их жизни и смерти без естественного уважения.

Другое дело, что Сталин и его окружение не упускали возможности использовать подвиги героев для укрепления «имиджа» — как своего собственного, так и всего нашего, как мы знаем, далеко не совершенного общественного устройства. Но странно было бы ставить знак равенства между «использующими» и «используемыми».

И последнее. Вызывает удивление, что автор текста, сопровождающего подборку, предпочел остаться анонимным, а редакция с этим согласилась. Вот тут бы ему и проявить смелость (не «мифическую»), вернее — элементарную журналистскую этику соблюсти.

Ваш читатель

М. ГАЛЛАЙ
Москва

■

Много пишут о судьбах жертв Чернобыля, несчастных больных детях, о трудном положении людей, которые проживают в зоне бедствия. Но никому нет дела до нас, покинувших это страшное место.

Мы постарались сами решить проблему эвакуации, друг за другом, семья за семьей уехали из зоны жесткого контроля Новозыбковского района Брянской области в соседнюю Калужскую, на долгострой Сухиничского автозавода, ПО «Москвич».

Надеялись на обещания правительства о том, что Калужская, Орловская и другие близлежащие области должны принять нас и помочь в беде. Но как горько мы ошиблись.

Несмотря на наши удостоверения, на основании которых нам предоставляется право на первоочередное получение жилья, медицинское обслуживание и другие льготы, включая усиленное питание, приобретение товаров повышенного спроса и так далее, мы не встретили должного внимания и сочувствия. Квартир, конечно, нам не дали, живем второй год в общежитии, хотя администрация предприятий, где мы работаем, имела такую возможность. Более того, мы стоим в общей очереди на жилье, не зная ее. Переводом на работу нас не оформили, хотя в наших трудовых книжках есть специальное указание на это.

Сейчас очень тяжело с продуктами, а у нас малолетние дети. Они страдают серьезными хроническими болезнями: сердечно-сосудистая дистония, мастопатия у девочек, увеличение щитовидной железы и лимфоузлов, низкий гемоглобин, высокие лейкоциты и тромбоциты — этот перечень можно продолжить. Мы, взрослые, также не блещем здоровьем, но легких работ не ищем. Работаем на самых черных, малооплачиваемых местах, имея высокие квалификации.

Мебель и свои пожитки, зараженные радиацией, мы вначале оставили, а затем вынуждены были привезти сюда, так как купить даже одежду и обувь практически негде. Радиационный фон в наших жилищах такой же, как в зоне.

Обращались к администрации завода. Ответили, что нас сюда не звали и вроде как не нуждаются в нас. Сухиничский горисполком в помощи отказал. Остался один выход — уехать домой, на нашу несчастную землю и ждать исхода. Там хотя бы кормят, платят 30 руб. «гробовых» и 100 процентов к окладу, бесплатное санаторное лечение и так далее. Что же мы такие несчастные, что родились в России, да еще такое горе обрушилось на нас! Будем бороться за своих детей, сколько хватит сил. Земля большая, и нас должны услышать и помочь.

Мы не взрывали 4-й энергоблок, и не по нашей воле просыпался нам на головы ядерный пепел на первомайской демонстрации 1986 года.

Семьи ЕВДОШЕНКО, ШИЛИНЫХ, СОЛОМЫКИНЫХ, ФОКИНЫХ, ТЫШКЕВИЧЕЙ, БИРИЧЕВЫХ и др.
Сухиничи Калужской области

■

Мне 17 лет. Жизнь моя и моих сверстников только начинается, а уже стыдно и обидно за нашу огромную страну.

Не знаю, как себя чувствует наше правительство, когда нам подают западные державы, а я не могу поверить в то, что мы нищие, и хочу разобраться. Предприятия стали меньше выпускать продукции? Нет. Мы стали больше потреблять? Нет. В этом году не удался урожай? Нет. Так в чем же дело?

Я совсем не против перестройки, просто надоело быть подопытными кроликами. Конечно, старшее поколение, прожив жизнь нормально, может, извините за бестактность, умереть и в нищете. Но надо подумать и о детях: хотят ли они жить в нищете, когда постоянно экспериментируют? Если правительство влезает в долги, оно знает, что расплачиваться придется не ему, а детям. Так стоит, наверно, спросить у детей: можно ли делать долги, будем ли мы в состоянии их отдать?

Стыдно, ужасно стыдно слушать объявления о том, как люди в Германии и Канаде, Индии и Франции бросились помогать голодной и нищей России. А вам не стыдно, Михаил Сергеевич? Кому не стыдно, поднимите руки! Единогласно?..

Анна КАСЬЯНОВА
Краснодар

■

К вам обращаются родители шестилетней Оксаны Кузнецовой. В марте 1990 года в наш дом пришла страшная беда — нашей младшей дочери был поставлен диагноз: острый лимфобластный лейкоз. При низком уровне нашего здравоохранения это означает практически одно: ребенку осталось жить в лучшем случае несколько лет. Ибо медики сами говорят: «В наших условиях ваши дети неперспективны». Единственный выход в данной ситуации — лечение за рубежом, но для этого, естественно, нужна валюта.

Поэтому мы обращаемся к вам с низкой просьбой — опубликовать в журнале заметку о нашем горе. «Огонек» читают во всем мире. Может быть, найдутся предприятия или частные лица, которые, прочитав заметку, сочтут возможным выделить часть имеющихся у них средств. Балансовый текущий счет 67089454/001 Банк внешнеэкономической деятельности В/0 кредитования и расчетов ПО «Уренгойгазпром» г. Новый Уренгой Тюменской области с пометкой «Для лечения Кузнецовой Оксаны». Рублевое покрытие р/с 204001 в Новоуренгойском отделении Промстройбанка МФО 268949 ПО «Уренгойгазпром».

Глубокое отчаяние толкает нас обратиться с этой просьбой, но мы делаем все возможное, чтобы спасти ребенка.

А. КУЗНЕЦОВ
Новый Уренгой Тюменской области

Как нам стало известно, в Ленинграде на протяжении нескольких месяцев действует так называемый филиал благотворительного фонда «Огонек»-АнтиСПИД».

Согласно Уставу фонда исключительное право создания филиалов принадлежит высшему органу фонда — Распорядительному совету.

Считаем необходимым заявить, что Распорядительный совет никаких решений о создании филиалов фонда в Ленинграде не принимал, и никаких контактов с филиалом не имел и не имеет, и никакой ответственности за его деятельность не несет.

В связи с полученными данными о существовании так называемого филиала Дирекцией фонда направлена необходимая информация в компетентные советские и государственные органы Ленинграда.

Одновременно сообщаем для всех заинтересованных организаций и граждан, что в настоящее время фонд «Огонек»-АнтиСПИД» имеет только один филиал — в г. Ярославле.

Павел БУНИЧ

ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?

Сейчас наше общество живет под шоком дефицита. Настолько большого, что затмилось перепроизводство, которое также имеет место. Мы явно перебрали по количеству речей, съездов и обещаний, сгораем в котле демонической взвинченности. Провокационная острота слова воистину стала хуже воровства. Мазохистски лидируем в смаковании своих бед и ошибок, в упоении суверенитетами, доведенными до каждой квартиры и грядки. Изнемогаем под бременем межнациональных противоречий, переросших в противоборство. Беззаконность абсолютистской власти превратилась в беззаконность самоуправства. Кто-то древний сказал, что существует два способа управления: рубить по головам или считать по головам. У нас — третий — уступать стихийному течению.

ТРИ ФЕНОМЕНА ДЕФИЦИТА

Недостает многого. Главным образом — продовольствия, но его не получить, если не дать деревне ширпотреба («ситчика»), удобрений, техники... На ближних подступах — нехватка энергии, керосина, бензина. Входят в привычку хронические очереди за сигаретами, хотя обещанный ремонт фабрик по их производству вроде давно должен был закончиться. Носки встречаются реже золота. Провалились сквозь землю лезвия и крем для бритья, гвозди, вагонка, кирпич, обувь и мебель. Об автомашинах говорить не приходится, их практически и раньше не было. Пустота прилавков пронзительная, звенящая, леденящая.

Но люди живут и от голода не умирают. Для нас и знающих нашу жизнь иностранцев в этом нет ничего удивительного. Производство ряда потребительских товаров за последние годы упало, хотя и не обязательно катастрофически, в частности, в 1990 году выпуск обуви упал на 0,8 процента, тканей — на 0,9 процента, сыров — на 2 процента, мяса — на 3 процента. По статистике в целом производство в группе «Б» даже возросло, например, в том же 1990 году на 4,4 процента. В это верится с трудом. Однако уже первые частичные нехватки включают законы дефицита, которые переносят свое действие на остальные товары. Избыток спроса над предложением ищет выход в новых сферах приложения, снимающих высокое денежное давление.

Экспансия дефицита вширь усугубляется его экспансией внутрь. Когда какого-то товара не хватает на один процент, его покупают в два — десять раз больше. Дефицит расширенно воспроизводится. Хорошо еще, что у народа мало холодильников. А то бы мяса, молока, сыра, масла стало бы еще меньше. Квартиры, балконы, дачи, гаражи превратились в склады. И все мало. Перенакопление товаров в сфере потребления составляет первый феномен дефицита.

Дефицит сделал торговлю самой выгодной сферой. Это только кажется, что при низких госценах выигрывает народ. В действительности ему перепадает немногое. Большая часть перехватывается перекупщиками и продается по нескольким номиналам. Для этого дефицит на какое-то время должен припрятываться, складироваться в торговле, а так как за ней следят,— в неразгруженных вагонах, морских судах и т. д.

Скрытые сверхнормативные запасы торговли составляют второй феномен дефицита. Они велики, но меньше, чем в сфере потребления. Самые же крупные запасы — в сфере производства. Они создаются на случай появления выгодного бартера, спекуляции, в ожидании роста цен. И существуют в нескольких формах: сырья, материалов, готовой продукции, незагруженных мощностей и незанятой рабочей силы. В этом состоит третий и главный феномен дефицита.

Особенно велики запасы мощностей. Достаточно сказать, что договоры на 1991 год заключены на 79 процентов их величины. В сельском хозяйстве преобладают запасы продукции. Если в незабвенные годы их припрятывали крестьяне и группы по экспроприации именовались продотрядами, то ныне запасы созданы во всех отраслях, и их безуспешно штурмуют контролеры, пропагандисты, чиновники и депутаты.

Сложив все запасы вместе, мы убеждаемся, что вроде и не обеднели. Разве что немножко — за счет снижения производства и безобразного отношения к имуществу. Но, с другой стороны, если подсчитать ресурсы по их потенциальной мощи, учесть, что и в лучшие времена они использовались вполсилы, что коэффициент сменности работы оборудования не превышает 1,3, то наличные возможности советской экономики надо оценить как весьма значительные.

А люди? И они те же — той же приличной квалификации, того же достаточного здоровья. Что касается полезных ископаемых, то СССР нет равных. Земель также, даже самых плодородных при нормальной эксплуатации, слава Богу, хватает. Так в чем же дело? Почему все это, необходимое и достаточное для производства, не соединяется, не плодоносит? Потому, что мертв интерес человека к труду, единственный нерв, который приводит экономический двигатель в движение. И в этом наш основной дефицит, предопределяющий остальные. Преодолеем его, заинтересуем людей работать — появятся продовольствие, одежда, жилье, нефть, все — заживем не хуже других.

ЗАБЕЖАЛИ ИЛИ ОТСТАЛИ?

Невольно возникает вопрос: а почему раньше, когда интереса также не было, тем не менее трудились и жили неплохо? Верно! Однако люди работают не только за совесть, но и за страх, этот своеобразный интерес «выжить», который заставлял тянуть лямку. Этот «интерес» сейчас, к счастью, не действует. Но остальные элементы старой системы господствуют. Небольшие нажатия на «газ» сочетаются с такими же нажатиями на «тормоз». Мотор бьется в судорогах, а машина катится под гору. Новая система остается в цепях, пробивается, как трава через бетон, в муках, медленно, спорадически и не образует критической массы, определяющей положение.

Если убрать завалы на пути нового, оно в основном возникнет само. Если ему не мешать, а помогать, возникнет довольно быстро. Не молниеносно — за ряд лет; не без борьбы — перестройке мешают прежние идеологические догмы, руководители с неразвитыми органами бизнеса, наши неудачи, удручающие и разочаровывающие народ. Но естественное состояние человека — быть предпринимателем, побеждать на рынке. У нас многих им пугают, как детей бабой-ягой. Демагоги пытаются убедить, что перестройка выгодна дельцам теневой экономики, а трудящимся несет безработицу, обнищание, эксплуатацию, неуверенность в завтрашнем дне. Поэтому, мол, социальную базу рынка образуют жулики.

Это неправда от начала до конца, не ошибка, а обман масс в целях реанимации кое-кому угодного прежнего режима. Рынок передает судьбу каждого в собственные руки. Если в ранце любого солдата лежит жезл маршала, то банковские счета всех работников латентно содержат шансы на высокие доходы. Для этого надо постоянно думать о нуждах потребителей, ибо, лишь удовлетворив их, можно удовлетворить себя. Неустанно совершенствовать производимые товары, чтобы не потерять покупателей, не попасть под колесо более активных конкурентов. Искать новые технологии, нужные как для улучшения продукции, так и для обеспечения доходов в условиях роста производства и снижения цен.

Что может стать большей производительной силой, нежели создание для всего народа поля высокого напряжения труда, поиска, мобилизации талантов и способностей? Можно ли представить себе результаты, которых бы достигла, к примеру, наша страна, если бы все 160 миллионов трудоспособных работали в полную меру, думали о прогрессе производства, видели себя хозяевами, а не пресловутыми винтиками или — хуже того — нахлебниками? Можно — на основе мирового опыта, лучшего ответчика и советчика (вовсе не антисоветчика).

Все общество в развитых странах поднимается со ступени на ступень. Не все одинаково, но практически подавляющее большинство двигается вверх. Благодаря такому подъему возрастают ресурсы, необходимые социально слабым слоям. Богатое общество даже при низких налогах выделяет для них большие средства, чем бедное — при высоких налогах. Кроме налогов, некоммерческие сферы финансируются из благотворительных фондов.

Вовсе избежать безработицы трудно. Развитые страны предоставляют безработным существенные пособия, погашают незанятость общественными работами, поглощают свободные трудовые ресурсы, поощряя малый бизнес.

Теперь о мафии. Где ее нет? Но в развитых странах господствует культурный бизнес, когда коммерчески выгодно соблюдать моральный кодекс предпринимателя. К тому же с мафией ведется борьба.

Наконец, о потере уверенности в завтрашнем дне. До перестройки такая уверенность была. Гарантировались рабочие места, цены, заработки, жилье, однако на уровне экономической нищеты и политической кабалы. Такие гарантии вредны и унизительны. При них нет смысла творчески работать, нет возможности ощутить себя личностью. Сейчас мы кое-что приобрели и кое-что потеряли. Упал жизненный уровень. Никто не уверен в своей безопасности, общественно-политическом спокойствии, то есть в том, что обязательно должно гарантироваться. Словом, в одном отношении уверенность в завтрашнем дне — пережиток псевдосоциализма, в другом — необходимый атрибут культурного общества. Здесь мера и истина качества, по словам мудрого философа, проверяется количеством.

Хватит скрывать от советских людей уровень жизни населения развитых стран. Именно населения, а не одной мафии. По оценкам Всемирного банка, доход на душу населения в большинстве государств Восточной Европы накануне революции 1990 года был в 8—11 раз ниже, чем в США. До псевдосоциалистических преобразований и изгнания рыночного механизма эти страны занимали высокие места в таблице мирового соревнования. Это относится, в частности, к Чехословакии, ГДР, даже к России.

Хватит делать вид, что при командной системе, до перестройки было хорошо. Экономически было лучше, чем сейчас, но много хуже, чем у них. А ведь мы сами по себе нормальные люди, не инвалиды с детства и не калеки от рождения. Все достигнутое другими посильно и доступно нам. Поэтому наш выход впереди, в новой системе хозяйствования, а не сзади, в лагерях — явных или трудовых, обеспечивающих порой своим рабам приемлемое существование.

Нынешний крах потребительского рынка, помимо отката производства, произошел еще по ряду причин. Населению периодически внушалось, что нужна денежная реформа. Теперь полуреформа состоялась. Не входя в дискуссию, была она необходима или нет, отмечу очередное опустошительное действие ее на товарные запасы.

Немалый «вклад» в безумство дензнаков внесли неоднократные предложения правительства о повышении розничных цен, подтверждавшиеся на практике и убеждающие население

в непрерывном обесценении рубля. Надо ли удивляться, что народ раскупает все, что осталось, включая то, чего достаточно и даже с избытком.

Еще три причины безумства денежной массы: резкое и ничем не компенсированное падение товарооборота вследствие сокращения производства алкогольных напитков, вырубки виноградников (побочный отрицательный эффект — приучили народ к более дешевому самогону, вследствие чего государство и теперь, наращивая выпуск зелья, в частности, в 1990 году на 6 процентов, тем не менее теряет акцизные доходы); свертывание на первом этапе перестройки импорта ширпотреба и продовольствия, занимавшего большой удельный вес в покупках населения; централизованное и стихийное удорожание продукции, создающее дополнительные безналичные деньги, которые в конечном счете превращаются в наличные.

В итоге денежная стихия разбушевалась до девятого вала, дензнаков стало так много, что их можно мерить погонными метрами, а то и кубическими. Если угомонить эту бурю, привести ее в соответствие с товарным обеспечением, то по многим изделиям выявится... перепроизводство, рожденное ажиотажным спросом и ненужное, требующее свертывания в условиях равновесного рынка.

«СКОРАЯ ПОМОЩЬ»

Сейчас в это трудно поверить. Да и не нужно. А вот что нужно — срочно успокоить спрос, ликвидировать очереди не отсутствием товаров, а, наоборот, их достаточностью.

С этой целью начиная с четвертого квартала прошлого года энергично принимаются указы и постановления. Намерения похвальные. Главное замечание состоит в том, что осуществляемые меры сводятся к конфискационным и ревизионным — без должного внимания к приросту товаров. Конечно, цены поднять легче, чем экономику. Изъять деньги, заморозить вклады, ревизовать бизнес также проще, нежели заполнить рынок товарами. Но только здоровая экономика заменит синицу журавлем.

Явно вышли на первый план предложения прежнего правительства о повышении розничных цен. В 1990 году рост потребительских цен официально достиг почти 7 процентов, а вся инфляция (с учетом неудовлетворенного спроса, именуемого подавленной инфляцией) превысила 19 процентов. Затем розничные цены подняли стыдливо под названием удорожания товаров не первой необходимости. Не успело население опомниться, как начались локальные залповые выбросы договорных цен на товары первой необходимости в 2—3 раза. А тут еще заместитель председателя Госкомцен СССР А. Комин пообещал, что в первом полугодии 1991 года цены поднимутся еще на 50—70 процентов. Думается, уважаемый чиновник не учел «ценного» опыта Прибалтики, Казахстана, Алтая и т. д. Введен налог на продажи, означающий новый рост цен.

Либерализация, высвобождение розничных цен — необходимый атрибут рыночных законов. Но при определенных условиях. Необходимо высвободить и оптовые цены. Тогда дефицитная и лучшая продукция подорожает, сравнительно достаточная и худшая — подешевеет. Начнется перелив капитала из невыгодных сфер в выгодные. В итоге дорогое также подешевеет.

Высвобождение оптовых цен высвободит зарплату и позволит компенсировать коллективам рост розничных цен без получения бюджетных инъекций. Говорят: пусть коллективы «поднажмут», примут новые заказы, сэкономят материалы и сменят лозунг «Сидеть на зарплате» лозунгом «Бороться за зарплату». Идея правильна. Но она не исключает введения раскрепощенных оптовых цен.

Всего этого тем не менее не происходит. На свободу отпущено 40 процентов цен. При этом прибыль сверх 25 процентов рентабельности изымается в бюджет, то есть повышение цен по ряду товаров бессмысленно. Думаю, что сфера свободных цен не превышает 30—35 процентов. Остальные цены заданы сверху, кое-какие в достаточном виде, кое-какие — в недостаточном. Значит, работники предприятий не компенсируют роста розничных цен. Им останется претендовать на государственное вспомоществование, но всем помочь нельзя. Жизнь, видимо, отклонится от запланированной траектории. К середине текущего года оптовые цены прорвут, думаю, стоящую перед нами плотину и, как правило, достигнут рыночного уровня — в виде централизованных или децентрализованных цен, не важно. Тогда командное ценообразование во многом окажется излишним и отомрет.

Свободные розничные цены чреваты также уроном тем, кто получает фиксированные доходы,— пенсионерам, врачам, учителям, офицерам, прокурорам, профессорам, студентам и т. д. Им, конечно, также не вредно поискать дополнительные заработки. Но не все обладают здоровьем и не у всех есть возможность увеличить доходы в основное рабочее время, как у хозрасчетных производственных коллективов.

Можно расширить и систему налоговых льгот. В любом случае требуется компенсировать повышение как госцен, так и цен на рынках, в комиссионных магазинах, у спекулянтов. Хотя процесс удорожания товаров идет полным ходом, возмещение потерь большой группы населения в бюджете на 1991 год не предусмотрено и недопустимо затягивается. Никакие дальнейшие повышения цен без социальной защиты проводить нельзя.

В ряду конфискационных мер предусмотрено снижение валютных отчислений, оставляемых коллективам, введение отчислений в пенсионный фонд СССР, повышение платежей предприятий за управленческий персонал. Созданы общесоюзный и республиканские стабилизационные фонды. Среди источников их финансирования изъятие у всех предприятий независимо от видов собственности 20 процентов амортизационных отчислений. Без них восстановить старые основные фонды невозможно. Госпредприятиям, столкнувшимся с этим, уверен, амортизацию со временем возвратят. Хуже положение тех, кто имеет основные фонды в групповой собственности. Для них изъятие амортизации означает прямую экспроприацию капитала, оставляет их с износом и с носом.

Чтобы не подорвать доверия к негосударственным формам собственности, следует установить, что изъятые в 1991 году суммы амортизации будут обязательно возмещены в 1992 году с процентами за их использование. Таким же образом целесообразно поступить с привлекаемыми в стабилизационные фонды свободными средствами, предназначенными на пенсионное обеспечение граждан. Их заимствование надо также возместить с процентами.

Для связывания денег повышен депозитный процент по срочным вкладам с 3 до 5, 7, 9 (в зависимости от срока). На текущие вклады процент остается прежним — два. При нынешней инфляции в 19 процентов это означает, что не банки платят населению, а население — банкам. Более всего страдают обладатели текущих счетов. Поэтому они стали переоформлять их на срочные. Без, однако, гарантий, что эти средства реально надолго заморозятся. Появились бы товары — деньги сорвались бы со счетов. Тогда денежный остаток стал бы оплачиваться по ставкам текущих счетов, но эта потеря перекрылась бы выигрышем вкладчиков от покупки товаров сегодня по более низким ценам, нежели завтра. А большинство вообще не согласилось играть в новую игру. За первые дни недели введения льготных процентов переоформлены вклады на сумму 1,5 процента от их общего объема.

После денежной полуреформы практически арестовавшей вклады, те, кто поверил государству, наказаны. Поскольку вновь заработанные доходы можно изымать из банка, поскольку сохранен слабый интерес к их зачислению на счета (даже по сравнению с дореформенным), усилить его можно в одном-единственном случае: превратив депозитный процент из отрицательного в положительный, то есть превосходящий инфляцию. Источником его выплаты станут еще более высокие проценты, взимаемые банком за предоставление в ссуду привлеченных сумм.

Борьба с экономическим саботажем требует углубления финансовых ревизий, неукоснительного востребования статистической и бухгалтерской отчетности, получения и анализа деклараций о доходах, проведения с санкции прокурора обысков и пр. Все эти меры правомерны в рамках законов. К сожалению, Указ Президента СССР об особых функциях МВД и КГБ в осуществлении борьбы с преступностью в сфере экономики вышел за рамки законов о предприятиях, аренде, кооперации, решений о совместных производствах (при соответствии действующим законодательным актам он оказался бы ненужным).

Указ, по моему мнению, дает одной (правоохранительной) стороне необузданный простор для произвола, реализации пристрастий, позволяет в любое время проверять все документы, материальные ценности, арестовывать счета, требовать непредусмотренную отчетность. Другая сторона (трудовые коллективы и индивидуальные производители) вынуждается к унизительной терпимости, лишена права обжалования самоуправства властей в судебные органы. Если беззаконие мафии встретится с беззаконием милиции, то в итоге беззаконие удвоится, а не парализуется. Это чревато ущербом всей производственной деятельности, независимо от форм собственности, но в особенности противопоказано нарождающемуся хрупкому сектору свободной экономики.

Остался шаг до того, как поставить под тотальный контроль неотъемлемое право граждан на неприкосновенность жилища, разрешить правоохранительным органам врываться в квартиры, переворачивать в них все вверх дном, описывать имущество, конфисковывать запасы... Пока это только мышление по аналогии, а относительно производства Указ уже противоречит формирующемуся у нас правовому государству, заложенному в Конституцию СССР принципу, что указы принимаются на основе законов и во их исполнение. Если закон несовершенен, мешает обнаруживать преступников, то его надо быстро и радикально улучшать, не подменяя Указом. Речь идет не о соблюдении формальной процедуры, а о сохранении и приумножении демократических методов принятия законодательных актов.

Значит, выход в хозрасчете? Но почему дремлет большая часть госсектора, где хозрасчет вроде есть? Потому, что именно «вроде». Настоящего хозрасчета в госсекторе нет. Многие не работают, а зарплату получают и переполучают. Имущество разворовывается. Какой же это хозрасчет? Вот в кооперативах — да. Бездельников там стараются не держать. Себя не обкрадывают. Воруют, правда, у государства. Но никто, кроме него самого, не виноват, что госсобственность с удовольствием отдается грабителям. Продают втридорога товары потребителям? Однако грешны в этом бюрократы, сдерживающие рост кооперативов и целительную конкуренцию между ними. Поблагодарим и собственное невежество, и первых кооператоров, несущих в исполкомы взятки, дабы оставаться монополистами.

Недавно появились так называемые малые предприятия. Критерий их образования — численность работающих: в промышленности — до 200 человек, в торговле — до 15. Следуя такому критерию, надо считать электростанции малыми предприятиями, а магазины с 16 продавцами, кассирами, грузчиками и дирекцией — большими. Вернее было бы фиксировать принадлежность к малым предприятиям в зависимости от объема производства. Но — так или иначе — этот бизнес выделен в особую, поддерживаемую государством налоговыми и другими льготами группу. По сути, перед нами прототип кооперативов, но пока без идиосинкризии со стороны потребителей. Функционируют малые предприятия активно, хотя вряд ли они спасут страну.

По-настоящему работают и те, кто проходит по разряду индивидуальной трудовой деятельности. Неплохо «шевелятся» некоторые совместные предприятия, не теряют зря времени наши зарубежные партнеры.

Получается несусветный парадокс: люди находят интерес в подвальной (необязательно теневой) экономике кооперативов, реставрируют, оживляют ржавые, устаревшие станки, ищут отходы, превращают их в доходы, в то время как мощный, технически оснащенный госсектор отличные материалы использует все хуже и хуже. Что делать? Такой вопрос возникает теперь почти перед каждым руководителем, специалистом, бригадиром, рабочим, крестьянином госсектора. Куда податься, какую новую форму применить?

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ АРЕНДЫ

Дело спасения нашей экономики тем не менее не безнадежно. Способ реанимации материально-вещественных ресурсов госсектора найден. Он состоит в разовом или постепенном выкупе госпредприятий трудовыми коллективами. Люди приобретают госимущество за счет своих личных доходов. Арендные предприятия добавляют к ним фонды развития производства, которые с 1990 года переданы им в собственность. Главным источником выкупа пока выступает кредит — за него платят проценты (сейчас сравнительно низкие) и возвращают основную сумму долга. Зато коллективы, выкупившие производственные фонды, становятся подлинно акционерными (если, разумеется, захотят наделить своих владельцев акциями), освобождаются от договоров аренды и полностью превращаются в вольных товаропроизводителей.

Крупным предприятиям быстрый выкуп не грозит, но часть небольших уже выкупилась, в частности, Московский вентиляторный завод, хлюпинский завод «Стройполимер», керамический завод «Красный строитель», бутовский завод «Химстеклопласт» (все три из Московской области), Ярославская и Рыбинская кондитерские фабрики, специализированное ремонтно-наладочное управление треста «Казцветметремонт» (Усть-Каменогорск), ряд мелких магазинов, мастерских, парикмахерских. Работают эти предприятия любо-дорого, только по цене — не дорого. Вдобавок деньги от выкупа госсобственности можно изъять из обращения, существенно улучшив ситуацию на рынке (замечу в скобках, что деньги от продажи товаров изъять нельзя, ибо они нужны их производителям для выплаты зарплаты, закупки сырья и т. д.). Таков ответ на вопрос, что дает переход к коллективно-частной собственности.

Итак, аренда работает. Это подтверждается официальными данными. Если все промышленное производство в СССР за 1990 год сократилось на 1,2 процента, то в арендном секторе оно выросло на 3,4 процента. Разница в пунктах — 4,6 процента. Если в целом по промышленности зарплата увеличилась при повышении себестоимости, то в арендном секторе она росла примерно на треть больше, но при снижении расходов, компенсирующем повышение оплаты труда. Иными словами, арендные предприятия доходы заработали, заслужили, а не вырвали у бедного государства.

Помимо самозарабатывания фондов зарплаты, результаты работы арендаторов обусловлены тем, что над ними нет госорганов. Отсюда свобода в принятии решений, не сопоставимая с условиями госсектора. Арендаторы сами подбирают себе руководителей с их командами, нанимают их по контрактам или выбирают. Госпредприятиям директоров «спускают» сверху. Арендаторы, как отмечалось,— собственники фондов развития. Госпредприятия получили такое право с этого года, но с ограничением «случаями, предусмотренными законодательными актами СССР и уставом предприятия». Данное ограничение еще не конкретизировано. Поэтому приватизация фондов развития в госсекторе может задержаться.

Арендаторы ведут статотчетность по правилам, установленным для кооперативов. Госсектор повязан более тяжкими статистическими путами. Отсюда у него выше накладные расходы, «больше народа — меньше кислорода». Если следовать букве и духу законодательства об аренде, то круг органов, проверяющих арендаторов, ограничен. На практике, к сожалению, это положение нарушается (особенно в связи с Указом). Арендаторы имеют право увольнять ненужных работников, их трудоустройство возложено на плечи государства. Госпредприятиям в этом отношении пока плохо.

У арендаторов есть и другие преимущества. Часть этих преимуществ, видимо, носит временный характер, но по мере проникновения рыночных отношений в госсектор станет общим основанием. Но многие из них присущи лишь свободному предпринимательству и госсектору недоступны.

Вот почему арендное движение набирает обороты. На аренде примерно 7 тыс. сравнительно крупных и средних предприятий, не считая мелких — 31 тыс. магазинов, 1,6 тыс. ателье, мастерских. Арендаторы дают 5,2 процента промышленной продукции, обеспечивают 14 процентов товарооборота, на их долю приходится 9,2 процента доходов автотранспорта общего пользования, 10,5 процента бытовых услуг. Внутренняя аренда охватывает треть работников сельского хозяйства. Создан Союз арендаторов и предпринимателей СССР, аналогичные союзы действуют в большинстве союзных и автономных республик, краях, областях, крупных городах. За последние месяцы аренда переживает второе дыхание. Причина — требовалось какое-то время, чтобы люди разобрались, что хорошо, а что плохо. И вот пришло понимание, что ныне для госсектора нет более эффективного пути, нежели аренда. Разговоров об альтернативах много, а реальные преимущества за арендным хозяйствованием.

Некоторые ученые объясняют этот всплеск тем, что аренда якобы представляет собой тот же госсектор, только в замаскированном виде. Поэтому, мол, ее проталкивают правительственные круги. Вроде троянского коня.

Каждый вправе иметь свое мнение, но, по-моему, так утверждать могут те, кто не побывал в арендной шкуре. В действительности кооперация не затрагивает госимущества, возникает из средств народа. Аренда же покоится на выхваченном из госсектора имуществе и поэтому пользуется его особым нерасположением. Аренда и госимущество — сообщающиеся сосуды: чем больше аренды, тем меньше госуправления. Единственное, что сковывает арендаторов,— договора с арендодателями. Однако перечень договорных условий ограничен. Их перебор может быть оспорен в госарбитраже и суде.

Если аренда — милая сердцу госсектора ручная структура, то почему центральные и местные органы власти всячески ей мешают? Одни из них — «министерства тяжелого настроения» — под разными надуманными и издевательскими предлогами расторгают договора, не переоформляют их согласно принятому закону, создают «черные списки» предприятий; другие — «министерства легкого обеспечения» — норовят перекрыть арендным коллективам снабжение, бросить их на колени, заставить делать подношения.

Если под арендой прячется уродливое лицо госсектора, то почему несколько месяцев продолжалась изнурительная борьба за нее Балтийского морского пароходства, которому зато систематически предлагали акционироваться? Кураж над арендаторами доходит до курьезов. Я знаю одного из них, откармливающего 200 бычков, которому, дабы навредить, организовали вызов на военный сбор. Сам он специалист по бухгалтерии, очень необходимый военному ведомству человек. Арендатор не воспротивился, но поставил условие: вместе с бычками и женой. Стоит директору сказать, что он подумывает об аренде,— приказ об увольнении.

Если аренда — госсектор чистой воды, то почему директора госпредприятий, проведшие недавно свое большое совещание, выступают за усиление министерств, госзаказов и прочие атрибуты командной экономики, а арендаторы жалуются на недоразвитость рынка, запертость цен, отсутствие бирж? В данный момент готовится общесоюзное совещание арендаторов, которое по своему вектору, вероятно, будет противоположным совещанию госдиректоров.

ОТ «ВИНТИКОВ» К ХОЗЯЕВАМ

Теперь о следующем и главном ограничителе выкупа и аренды. В наших политических и национальных борениях незамеченным осталось решение четвертого Съезда народных депутатов СССР, которое можно назвать революцией в революции. Пока революцией на бумаге, но тем не менее. Речь идет о поручении правительству обеспечить условия для распределения части стоимости государственного имущества между трудящимися, отдавая приоритет работникам трудовых коллективов и ветеранам труда. Обратите внимание: не для выкупа или аренды, а для распределения. Я был заместителем председателя редакционной комиссии Съезда по подготовке постановления «О положении страны...» и должен сказать, что приведенная формулировка неоднократно исключалась и восстанавливалась. На самом Съезде она прошла без замечаний — то ли понравилась, то ли не все обратили на нее внимание, то ли под конец подустали. Скорее всего — и то, и другое, и третье. Но запись состоялась.

Ей предшествовала острая дискуссия в печати, где половинчатые предложения отсутствовали. Мнения были полярными: от безоговорочного «против» до безоговорочного «за». Поскольку аргументы «за» я высказал («Огонек», 1990, № 42, «Барьеры приватизации»), остановлюсь на аргументах «против».

Нередко утверждают, что от бесплатной приватизации обеднеет государство. Но нигде госсобственность не доминирует, как у нас, где на ее долю приходится 90 процентов всей собственности. Что из этого получается — не стоит повторяться. В действительности нормальное государство сильно собственностью граждан, а не монстром своего капитала.

Говорят, что если раздавать имущество, то нечего будет продавать и арендовать, а значит, такая мера подорвет возможности государства по выкачиванию у населения «горячих» денег. Несколько подорвет. Но нельзя все рассматривать с точки зрения мобилизации дензнаков. Существуют и другие резоны, не менее важные. Таким резоном является то, что, работая на нормальной зарплате, мы давно бы стали акционерами. Однако не стали, поскольку получали столь мало, что зарплаты едва хватало на потребление. Недоплаченная нам сумма увеличивала и без того значительное госнакопление. Времена изменились. Восстанавливается попранная справедливость. Одним из важнейших ее проявлений должен стать возврат народу отчужденного от него имущества. Пусть каждый получит пай, допустим, 5 тысяч рублей, и израсходует его, как хочет,— на промышленные акции, на землю, на жилье, на все понемножку. А 30—40 процентов госимущества останется государству для выполнения его функций. Эти средства принадлежат ему законно.

Если кто-то получил бесплатно (или за символическую плату) некую часть земли, но хочет увеличить свой надел, он может, по-моему, сделать это за счет аренды (выкупа) госугодий, угодий других владельцев, пожелавших стать арендодателями или продать свои наделы.

Если кто-то получил в собственность две комнаты, но желает использовать еще одну, находящуюся в той же квартире,— на здоровье. Арендуй ее или выкупай у любого согласного собственника.

Если у тебя есть интерес увеличить свое участие в управлении производством сверх полученных акций,— арендуй производственные фонды, выкупай их.

Если средства производства (грузовики, трактора, станки), дачи, гостиницы, легковые автомобили, телевизоры, холодильники, красочные народные костюмы и т. п. нужны тебе на время, а не навсегда,— опять арендуй их.

Кроме того, возможна передача в аренду части госпредприятий. Не всем из них аренда заказана. Некоторым она не противопоказана. Не случайно во всем мире аренда имеет внушительные размеры.

Таким образом, распределение части стоимости госимущества между трудящимися не противоречит выкупу и аренде. Поэтому их не надо противопоставлять друг другу, как запальчиво делает, например, Л. Пияшева, а использовать в комплексе.

Следующий аргумент против безвозмездной (льготной) приватизации. Она, мол, ничего не изменит. Как бы не так! Как меч в ножнах ржавеет без применения, так и капитал обесценивается морально, изнашивается физически без использования. Кто имеет капитал, тот, дабы его не потерять, должен постоянно заботиться о загрузке оборудования, его производительном функционировании. Это — раз. Собственник сам у себя не крадет, он бдительнее любого ОБХСС следит за происками воров и является против них лучшим гарантом. Это — два.

Очередной контраргумент гласит, что при раздаче госимущества от приватизации обстановка ухудшится. Одни впадут в спячку как рантье, другие — как пьяницы, продавшие и пропившие все ниспосланное с неба. Полностью исключить такое нельзя. Но и свести поведение большинства к патологиям также ошибочно. Жизнь рантье устроит не каждого. Гораздо интереснее и счастливее активная деятельность предпринимателя, управленца капиталом.

Я спрашивал нескольких богатых людей США: зачем вам мучиться над приумножением капитала? Его и так хватит вашим детям, внукам, их детям. Ответ, как правило, гласил: «Вам нравится ваша работа? Вы любите писать книги, думать? Так вот, и нам нравится делать деньги, открывать новые стратегии бизнеса. Мы мучаемся, когда бездельничаем, а не когда творим». Жизнь рантье чревата еще одной неприятностью — отсутствием достаточных противовесов от разорения.

Наконец, последний аргумент: где такое видано? В Англии, например, денационализация происходит за плату. Все правильно. Хотя нобелевский лауреат М. Фридман еще в 1976 году считал справедливым распределять стоимость правительственных предприятий между гражданами.

Нам ближе всего условия стран Восточной Европы. В Польше, например, приняты решения о денационализации госимущества, включая бесплатную (льготную) его раздачу.

Первые шаги сделаны и в СССР. Российский парламент высказался за бесплатное наделение крестьян землей, белорусский — в Законе об аренде предусмотрел выдачу трудящимся акций приватизируемых госпредприятий. В Молдове намечена передача населению значительного госимущества. Близкие проекты разрабатываются на Украине. Моссовет нацелил на бесплатное наделение жителей собственными квартирами. Лед тронулся, но до таяния ох как далеко.

Недавний тому пример — проект Закона РСФСР о приватизации, согласно которому трудящиеся могут получать до 20 процентов акций со скидкой в цене до тридцати процентов. Масштаб наделения людей госимуществом, прямо скажем, какой-то вымученный, а плата за него ближе к полной, чем к льготной. К тому же льготы больше почувствуют производственники капиталоемких предприятий, где процент полученных ими акций будет тем же, что и в мало технически оснащенных, но абсолютная сумма приватизированного капитала и скидок окажется выше (подобное уже случилось с Саратовским авиазаводом, трудящиеся которого бесплатно получили основные фонды с износом 70 процентов и более). Полностью обделенными окажутся работники бюджетных организаций.

РЫНКУ НЕОБХОДИМО...

Для налаживания рынка необходимо выполнить еще три условия. Первое — рынок увеличивает потребности предприятий в информации и во всевозрастающей мере. Чтобы ее быстро и экономично переварить, требуется информационная инфраструктура. Во всем мире ее развитие идет опережающими темпами. У нас — по бедности или незнанию — эта структура составляет «узкое место». Страна срочно нуждается в вычислительной технике и технологии. Проходить весь путь ее образования на Западе от эмбриона до наших дней нецелесообразно. Мы получим выигрыш, если сразу начнем «с хвоста», с мировых эталонов и авторитетов.

Второе — менеджерами не рождаются, а становятся в «бою», в учебе. Для этого надо многое познать. Кто знает одну экономику, тот не знает и экономики. Короли, по Платону, должны стать философами, философы — королями. Королям бизнеса необходимы знания социологии, психологии, информатики... Разрыв нынешнего обучения с современными потребностями неимоверен, его трудно представить и описать. Заполняющие бреши экономической безграмотности прыткие кооператоры в лучшем случае преподносят суррогаты. В возрождении нуждаются крупные структуры обучения.

Третье — рынок невозможен без рекламы, реклама — без культуры. Рекламный бум налицо, чего нельзя сказать о товарном. Но реклама находится на уровне худших мировых стандартов. Она настолько нахальна и лжива, что перерастает в глупую. Утверждают, что лучше плохая реклама, чем никакая. С этим трудно согласиться. Реклама должна быть правдивой или никакой.

Мы делаем много банальных призывов. Давайте наведем порядок! Давайте жить дружно! Давайте перейдем к делу! Но все это слова, затертые, надоевшие, отторгаемые. Надежда лишь на действия, не слепые, случайные, а по серьезной программе. В принципе таковая есть, хотя и требует значительных изменений, которые оперативно должны вноситься. На вопрос: есть ли выход? — ответ один — да. Все зависит от ответа на другой вопрос: есть ли воля, последовательность, понимание и реализация приоритетов?

ПРИЗНАНИЯ ПИСАТЕЛЯ-ПРИЗРАКА

В Советском Союзе я лет пятнадцать записывал за знаменитыми людьми их мысли и суждения. Тексты эти потом публиковал в газетах и журналах — иногда как интервью, но чаще в виде монологов. Малопрестижное занятие это называлось литобработкой и оплачивалось скудно, но мне казалось безумно увлекательным. Я понял, что освоил эту профессию, когда приобрел очередную книжку популярного поэта: в ней появился, почти без изменений, записанный и отредактированный мною монолог. О том, чтобы упомянуть мою фамилию, поэт, конечно, и не подумал. Что уж там церемониться с литобработчиком...

Но я тогда не обижался. Радовался, когда удавалось расшевелить «звезду» на свежее наблюдение или интересное воспоминание. Ведь вспоминалось тогда, как и сейчас, только разрешенное. С тоской наблюдал я однажды, как премудрая Мариэтта Шагинян, визируя интервью, тщательно вычеркивала все живое, занимательное, что она же сама несколько дней назад мне рассказала.

Есть анекдот: ирландца спрашивают, умеет ли он играть на скрипке. «Не знаю,— отвечает ирландец.— Никогда не пробовал». Но никто почему-то не называет анекдотом заявление артистки, за свою жизнь не составившей и двух писем, что она вдруг села и самолично наваляла толстенный том мемуаров. Хотя научиться писать ничуть не легче, чем овладеть игрой на скрипке. Я-то, окончив Ленинградскую консерваторию как скрипач, знаю.

Но, повторю, у богов не может быть помощников. Если только, конечно, этот помощник сам не состоит в ранге бога. Поэтому, скажем, признается, что первая мемуарная книга Шаляпина «Страницы из моей жизни» написана Горьким. В примечаниях обычно так и указывается: «Текст дается по рукописи Горького». Но о том, что над второй книгой певца «Маска и душа» работал эмигрантский журналист и драматург С. Л. Поляков-Литовцев, никто и не заикается.

А эпохальные мемуары Станиславского «Моя жизнь в искусстве»? Как они увлекательны, динамичны! Но почему сквозь прочие писания Станиславского может продраться только специалист? Разгадку, на мой взгляд, следует искать в том факте, что первоначальный вариант «Моей жизни в искусстве», опубликованный, как известно, в Бостоне, помогал редактировать блестящий театральный журналист Александр Койранский. И об этом тоже молчок.

На Западе ни президентов своих, ни «звезд» в общем-то не обожествляют. И Рейган, и Буш не стесняются объявить, что свои книги они готовят с писателями-призраками. На самом деле ничего призрачного в них нет: фамилии таких литсотрудников выносятся на обложку, работа их хорошо оплачивается и солидно защищена юридически.

Случаются, конечно, и жестокие неудачи, и обиды. «Звезды» капризничают, дергаются сами и мучают тебя. Иногда большая работа идет коту под хвост. Например, мертвым грузом лежат записи разговоров с бывшим танцовщиком Большого театра Александром Годуновым. Наши с Годуновым ночные собеседования вспоминать «и больно, и приятно», но книги из них, видимо, уже никогда не получится... До сих пор ни один западный издатель не заинтересовался воспоминаниями покойного дирижера Кирилла Кондрашина, записанными мною в вашингтонском отеле «Уотергейт». И так далее.

Но сейчас меня больше всего занимает работа над манускриптом под названием «Разговоры с Иосифом Бродским». Русский читатель к разговорам со своими поэтами не привык. Причин на то много. Одна из них — поздняя профессионализация литературы на Руси. К поэту прислушивались, но его не уважали. Дотошный немец Эккерман свои фундаментальные «Разговоры с Гете» издал в 1836 году. На следующий год некролог Пушкину, в котором было сказано, что поэт «скончался в середине своего великого поприща», вызвал гнев русского министра просвещения: «Помилуйте, за что такая честь? Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж? Писать стишки не значит еще проходить великое поприще».

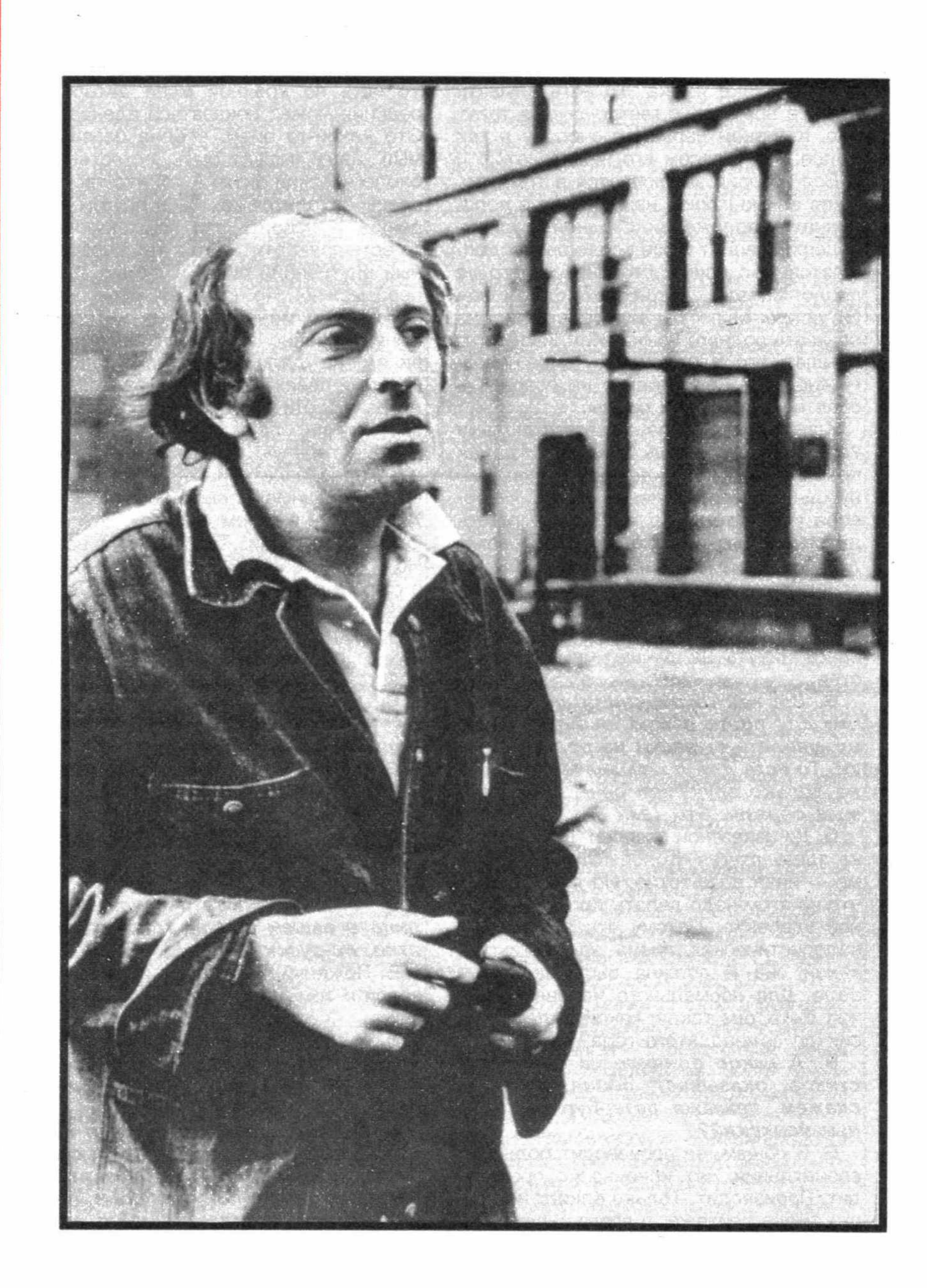
Ситуация стала меняться к началу XX века, с возникновением массового рынка для стихов. Но было поздно — пришла революция; постепенно все и всяческие разговоры укрылись в глухое подполье. И, хотя звукозапись уже существовала, не осталось записанных на магнитофон бесед ни с Пастернаком, ни с Заболоцким, ни с Ахматовой. Сейчас ясно, какая это потеря для русской культуры.

Разговоры с Бродским я начал записывать в Нью-Йорке в конце семидесятых годов. Продолжаю делать это по возможности и по сию пору. Поэтому рукопись все растет, и, когда книга будет закончена, сказать трудно. Главы из нее — воспоминания об Ахматовой, об английском поэте Одене, жизни в Нью-Йорке и Венеции — публиковались «Континентом», «Частью речи», издательством «Слово».

Разговоры эти — особый жанр, со своими законами, эстетикой и профессиональными приемами. Обычные халтурные интервью, в которых, по выражению Лескова, «как наложено, так и заморожено», с этим жанром соотносятся, как снимки из семейного альбома с фотопортретами Наппельбаума. Мне каждый из этих разговоров представляется своего рода пьесой — с завязкой, подводными камнями конфликтов, кульминацией и финалом.

Читатель заметит, что мышление Бродского принципиально диалогично, что проявляется, кстати, и в стихах его, и в прозе. Но эта же диалогичность создает определенные трудности при подготовке текстов Бродского к печати. Записанные на магнитофон разговоры долго и тщательно «монтировались» и редактировались. Финальный вариант был просмотрен самим Бродским. Если, несмотря на всю эту предварительную работу, окончательный результат все еще будет представляться читателю спонтанным, почти импровизацией, я буду склонен считать это комплиментом.

Соломон ВОЛКОВ
Нью-Йорк

СОУЧАСТИЕ ВООБРАЖЕНИЯ

Волков. ***Что чувствует поэт, живущий в чужой стране, но продолжающий писать на родном языке?***

Бродский. Ничего особенного не чувствует. Кажется, это был Томас Манн, который сказал, перебравшись жить сюда, в Америку: «Немецкая изящная словесность там, где я нахожусь». Все.

В. ***Но ведь между прозой и поэзией есть некоторая разница.***

Б. Со стишками, конечно, дело сложнее. Потому что проза — это просто завелся и... В прозе есть тот механический элемент, который, видимо, сильно помогает. Я не знаю, я никогда особенно прозой не занимался. Что касается стихописания — это, конечно, несколько сложнее. Для того чтобы стишок написать, надо все время вариться в идиоматике языка. То есть слушать его все время — в гастрономе, в трамвае, в пивном ларьке, в очереди и так далее. Или совсем его не слушать.

Вся история заключается в том, что, живя в Нью-Йорке, находишься в половинчатом положении. С одной стороны, телефон звонит и все вроде бы продолжается. А с другой стороны, ничего не продолжается. Такая вот фиктивная ситуация. Было бы лучше вообще не слышать родного языка. Или, наоборот, слышать его гораздо чаще. Чаще невозможно. Да? Если только не создавать себе искусственной среды.

Конечно же, встречаешься с людьми из России, говоришь с ними. Но, как правило, это вынужденный выбор, вынужденное употребление языка. Не говоря уже о том, что тут иногда приходится иметь дело с людьми, с которыми дома я даже и разговаривать бы не стал. По сути дела, важно, не на каком языке человек говорит, а что он говорит. Но в этом отношении ситуация здесь ничуть не лучше, чем в отечестве.

В. Вы как-то обронили замечание, что для поэта важно, выйдя на улицу, увидеть вывески на родном языке. То есть для поэта значение имеет не только звучащая речь, но и зримые образы. Это так?

Б. До известной степени. Иероглифика здесь другая. Колористическая гамма — иная абсолютно. Но я не думаю, что на этом надо делать такое уж сильное ударение. Потому что в принципе колористическая гамма здесь такова, какой она и должна быть на самом деле. Для нормального человека. Может быть, она такая, какой была в России до семнадцатого года?

В. А какое влияние на сочинение стихов оказывает смена пейзажа, скажем, пейзажа петербургского на нью-йоркский?

Б. В общем, не производит большого впечатления. Нет, конечно же, производит. Производит. Только влияет не просто смена пейзажа, а всего окружения. Ты родился в этом городе, ты живешь в нем, умрешь. Ты знаешь об этом городе все до скончания света... Все тебе намозолило глаза. Ты прошел множество стадий: любопытства, привязанности, уважения, пассивного интереса, безразличия, отвращения. Когда живешь всю жизнь в одном городе, тебя начинают в конце концов интересовать облака. Климат, погода, перемены света.

Сначала кажется, что та же история должна повториться и здесь, в Нью-Йорке. Но Нью-Йорк чересчур альтернативен — чисто зрительно, я имею в виду. Это другая, в сущности, система. Тут колоннаду пойди найди. Да? И инерцию восприятия, которая дома так помогала, здесь не обрести. Потому что, по сути, дело не в смене колорита или пейзажа, а просто в инерции. В прерванной рутине. И пока вновь обретешь это ощущение, не знаю, сколько времени пройти должно.

В. Об этом я и хотел спросить. Вы не ощущаете, что Нью-Йорк — именно Нью-Йорк, а не Новая Англия — осторожно, постепенно начинает требовать своего места в ваших стихах? Или он так и остается в этом смысле чужим?

Б. Если уж говорить серьезно, петербургский пейзаж классицистичен настолько, что становится как бы адекватным психическому состоянию человека, его психологическим реакциям. То есть по крайней мере автору его реакция может показаться адекватной. Это какой-то ритм, вполне осознаваемый. Даже, может быть, естественный биологический ритм. А то, что творится здесь, находится как бы в другом измерении. И освоить это психологически, то есть превратить это в твой собственный внутренний ритм, я думаю, просто невозможно. По крайней мере невозможно для меня. Да и не интересует меня особенно это. Надо сказать, сие никому не удалось, не только человеку, который приехал, что называется, едва ли не в гости. Но это не удалось и туземному человеку.

Единственную попытку каким-то образом переварить Нью-Йорк и засунуть его в изящную словесность совершил Харт Крейн в своем «Мосте». Это замечательные стихи. Там столько всего... Но естественным путем Нью-Йорк в стихи все же не вписывается. Это не может произойти, да и не должно, вероятно. Вот если супермен из комиксов начнет писать стихи, то, возможно, ему удастся описать Нью-Йорк.

В. Когда вы пишете стихи, обращаетесь ли вы при этом к какой-то подразумеваемой аудитории?

Б. Знаете, как Стравинский ответил на подобный же вопрос? По-моему, Роберт Крафт спросил у Стравинского: «Для кого вы пишете?» Тот ответил: «Для себя и для гипотетического другого лица». Все.

В. А это гипотетическое другое лицо в вашем случае говорит, вероятно, по-русски?

Б. Пожалуй... Точнее, я и не задумывался о том, на каком языке оно говорит.

В. И где оно в таком случае живет, это гипотетическое лицо?

Б. А черт его знает. Это его личное дело.

В. Вы помните рассуждения Набокова в связи со сделанным им самим переводом «Лолиты» на русский? Он говорил, что не понимает сам, какой внутренний импульс толкнул его на эту работу. Он, дескать, даже не представляет себе возможного читателя.

Б. Я вам должен сказать, что это именно психология прозаика. Прозаик задумывается о подобных вещах, поэт — нет. Дело в том, что разница между людьми, занимающимися изящной словесностью, и теми, кто занимается прозой, чрезвычайно велика. Вообще подразделение литературы на прозу и на поэзию началось именно с возникновения прозы. Ибо только в прозе такое разделение и могло быть выражено.

Искусство по природе, по сути своей иерархично. Сознание литератора тоже иерархично автоматически; в этой иерархии поэзия стоит выше прозы. Хотя бы потому, что поэзия старше. Поэзия вообще-то очень странная вещь. Она — достояние и троглодита, и сноба. Она может быть произведена и в каменном веке, и в самом новейшем салоне. В то время как для прозы необходимы развитое общество, развитая структура, какие-то устоявшиеся классы, если угодно. Тут уж можно начать рассуждать, как марксист, и даже не ошибиться.

Поэт работает с голоса, со звука. Содержание для него не так важно, как это принято думать. Поэтому поэт чрезвычайно редко задумывается, кто же на самом деле составляет его аудиторию. То есть по крайней мере он задумывается над этим гораздо реже, чем прозаик.

Цветаева высказалась как-то замечательным образом, она сказала: «Чтение есть соучастие в творчестве». И это замечание именно поэта. Прозаик такого никогда бы не сказал. Толстой этого ни в коем случае не сказал бы.

Потому что познание — это в самом деле соучастие. Что есть познание, то есть разгадка преступления? Именно психическое соучастие, соучастие воображения. Поэтому поэт... То есть я не хотел бы начать говорить от имени поэтов... «Я — поэт...» Роберт Фрост говорил: «Сказать, что я поэт, — значит сказать, что я хороший человек». Да? Но могу сказать, что очень редко встречал я людей этой профессии, которые серьезно задумывались бы, для кого они пишут. Это их в основном спрашивают, для кого они пишут. И в зависимости от ответа начинаются большие или меньшие неприятности.

В. Как вы относитесь к такому парадоксальному явлению: многие из тех, кого можно было бы назвать лидерами современной русской культуры, живут вне метрополии, на Западе? Такова ситуация в прозе, поэзии, музыке, балете, философии.

Б. Ну, Господи... Я не думаю, что это действительно так. Может быть, на сегодняшний день это так. Мы вообще склонны временную ситуацию принимать за постоянную. Если говорить о творчестве, о создании нового искусства, то я вообще не думаю, что нынче происходит нечто, что могло бы быть так названо. Создание нового русского искусства, литературы — такого вообще, по-моему, на сегодняшний день нету. Если угодно, нигде нету. Нигде. Ни в России, ни на Западе. Так что хотя бы поэтому трудно говорить о лидерах.

Я понимаю, что тут уже возникают подозрения в ложной скромности... Может быть, я пишу стихи лучше, чем другие. Я с этим совершенно согласен. Ибо иначе я этим делом и не занимался бы. Но я не думаю, что это обусловливает какое-либо лидерство.

Я бы вот как сказал, если уж на то пошло. Действительно, в настоящий момент на Западе живет огромное количество талантливых русских людей. Дело в том, что русские люди всегда в той или иной степени выходцы из России. Они всегда активно участвовали в культурной жизни Запада. Ну, возьмите, я не знаю кого, Дягилева, Бакста, Стравинского, кого хотите. С литературой это было несколько иначе, но и с литературой было.

В. Тургенев последние двадцать лет жизни провел главным образом за границей, умер в Буживале.

Б. Что Тургенев? А Федор Михайлович Достоевский! А Николай Васильевич, простите, Гоголь!

В. «Мертвые души» написаны в Риме, о чем...

Б. ...о чем всегда забывают. Да? Все! Господи, почти все! За исключением бедного Александра Сергеевича, которому...

В. ...которого не выпустили. Ему не дали визы.

Б. Совершенно точно, не дали визы. А так практически все, кто хотел, могли уехать на Запад жить или умирать. Баратынский вон умер в Италии.

В. Тютчев тоже десятилетиями жил на Западе, сложился там как поэт.

Б. И ничего, никто не шумел по этому поводу. А Герцен? Ну там, правда, политика была замешана. Замечательный, кстати сказать, стилист Герцен. Только врет очень много. У меня есть один знакомый в Лондоне... Ну, знакомый — это не то слово... Сэр Исайя Берлин. У него студент был, который занялся Герценом и раскопал герценовскую переписку — я уж не помню с кем. Как раз самый момент приезда Герцена в Англию. И вот он пишет в Россию — туманы, то-се, пятое-десятое. И в каждом письме: туманы, туманы, туманы.

Так этот англичанин решил проверить лондонские газеты. И абсолютно никаких туманов! Федор Михайлович Достоевский тоже был, между прочим, совершенно чудовищный лжец, царство ему небесное. Я помню, как, гуляя по Флоренции, набрел на дом, где он жил. Он оттуда посылал отчаянные письма домой — что вот, дескать, денег нет. А дом этот был напротив Палаццо Питти. То есть через Понте Веккио, напротив Палаццо Питти. Простенько.

В. Яновский, друг Достоевского, подтверждает, что как раз в те дни, когда Достоевский жаловался на страшную нужду и безденежье, он останавливался в лучших гостиницах, ел в лучших ресторанах и разъезжал на лучших извозчиках.

Б. Вообще-то автору так и следует вести себя. Тут я автора нисколько не обвиняю. Тут он всегда прав. И он даже не лжец. В тех условиях, в какие автор поставлен обществом, он может себе это позволить. Непонятно еще, почему он не крадет, не убивает. Я, например, считаю, что эта идея Раскольникова насчет старухи процентщицы — абсолютно авторская идея.

В. Что вы показываете в Нью-Йорке своим приятелям или приятельницам из Союза? Что красивого и что безобразного? Потому что здесь и того, и другого навалом.

Б. Вообще-то я не нахожу безобразным то, что признается за таковое здесь, в Нью-Йорке. Это просто, как я уже говорил, другой эстетический ряд. Поэтому я обязательно показываю Гарлем в районе Сто сороковых — Сто пятидесятых улиц и не на западной стороне, а на восточной. Это потрясающее зрелище — Бронкс, со всеми этими жуткими разрушенными кварталами.

Другой обязательный аттракцион — нью-йоркское метро, причем этим метро нужно пользоваться, ездить в нем и жить, а не просто разок сунуть нос. Тогда метро становится одним из самых примечательных зрелищ в Нью-Йорке. Что еще? Ну, «Серкл Лайн», то есть окружная линия,— пароход, делающий круг вокруг острова Манхэттен.

В. А Кони-Айленд? Европейцы считают нужным навестить Кони-Айленд.

Б. Нет, это неинтересно. Это ЦПКиО. А вот в Чайнатаун сходить действительно чрезвычайно занимательно. Затем южная оконечность Манхэттена, принцип в смысле архитектуры. Я помню, моя приятельница приехала первый раз в Нью-Йорк из Англии. Ну, это все равно что из России, то же самое. И я повел ее в район Уолл-стрита часов

в семь-восемь вечера, когда все там пустеет, смотреть на небоскребы.

Она сказала по поводу этих небоскребов любопытную вещь. Дескать, все это замечательно тем, что здания эти сообщают тебе твой подлинный масштаб. Потому что в Европе масштаб не тот. Там здания если и ненормальной пропорции, то все же находятся более или менее под контролем твоего воображения. В Нью-Йорке же и пропорции, и воображение твое абсолютно отметаются в сторону, как не имеющие никакого отношения к реальности.

В. ***А с вами за время житья здесь приключались какие-нибудь специфически нью-йоркские истории?***

Б. Нет, просто попадаешь время от времени примерно в те же катастрофические ситуации, что и в отечестве. А так ничего особенного не происходило. Но я помню, как мне приснился первый стопроцентно нью-йоркский, как мне представляется, сон. Приснилось, что мне нужно отсюда, из Гринвич Виллиджа, отправиться куда-то на Сто двадцатую или Сто тридцатую улицу. И для этого мне надо сесть на метро. А когда я подхожу к метро, то вдруг вижу, что весь этот Бродвей — то есть отсюда до, скажем, Гарлема или даже дальше — поднимается и становится вертикально! То есть вся эта длинная улица внезапно превратилась в жуткий небоскреб. И поэтому метро перестает быть метро, а становится лифтом. И я поднимаюсь куда-то, ощущая при этом, что Бродвей становится на попа! Это было потрясающее ощущение! Вероятно, тут была какая-то эротика. И, доехав таким образом до Сто двадцатой улицы, я выхожу из лифта на перекресток, как на лестничную площадку. Это был совершенно новый для меня масштаб сна.

В. ***В Нью-Йорке образовалась довольно-таки значительная русскоязычная община. Становится ли колония языковая также и артистической колонией? Ощущаете ли вы, что взаимная потребность в общении увеличивается?***

Б. В моем случае каких-то качественно новых приобретений — в смысле дружбы — среди соотечественников места не имеет. Единственный человек, с которым я был мало знаком в России,— это Миша Барышников. Здесь мы с ним видимся довольно часто просто потому, что он совершенно потрясающий человек. Человек потрясающего ума и интуиции. Человек, который — помимо всего прочего! — знает стихов на память гораздо больше, чем я...

Вообще теоретически вся эта идея — артистической колонии — абсолютно фиктивная. Эта идея выросла из традиции девятнадцатого века. В Америке такое просто немыслимо, противоестественно. То есть идет против естества природы. Потому что идея богемы, идея колонии возникает только в централизованном государстве. Она возникает как зеркальное отражение этой централизации: чтобы сомкнуться, чтобы противостоять.

Поэтому идея богемы, по-моему, может выжить только в Москве. Поскольку более централизованного государственного аппарата, чем там, просто не существует. То есть Москва — это пока что имперская столица, действительно. Ведь в чем идея артистической колонии? В противостоянии поэта и тирана. А это возможно только тогда, когда, скажем, вечером в опере они встречаются. Тиран сидит в ложе, поэт — в партере. Он представляет себя карбонарием, в воображении своем он вытаскивает револьвер. А вообще-то он бормочет нечто сквозь зубы и бросает гневный взгляд. Вот и вся идея богемы.

Существует другая идея. Идея объединения людей эстетического — в принципе, конечно же, этического — знания. Как ирландские монахи, которые пытались сохранить знание, культуру, литературу, язык. То, что происходит сегодня и в России, и здесь, с этим на самом-то деле не имеет ничего общего. Хотя все мы помним, что Россия — страна с огромными ресурсами, с невероятными человеческими возможностями. И какой бы отток культуры, интеллигенции из нее ни происходил, она рано или поздно из своих недр что-нибудь эдакое выдаст и всех удивит.

Это, если угодно, количественный эффект. Это просто огромная страна, огромная культура. А в том, что касается литературы,— один из самых грандиозных языков. И поэтому совершенно неизбежно, что в недрах этого языка будут возникать явления, которые всех нас будут сводить с ума. Независимо от того, где будет находиться человек, говорящий или пишущий на этом языке,— в Москве, Питере, Париже или Нью-Йорке.

●

ОБЛАКА

О, облака
Балтики летом!
Лучше вас в мире этом
я не видел пока.

Может, и в той
вы жизни клубитесь —
конь или витязь,
реже — святой.

Только Господь
вас видит с изнанки,
точно из нанки
рыхлую плоть.

То-то же я,
страхами крепок,
вижу в вас слепок
с небытия,

с жизни иной.
Путь над гранитом,
над знаменитым
мелкой волной

морем держа,
вы — изваянья
существованья
без рубежа.

Холм или храм,
профиль Толстого,
Рим, холостого
логова хлам,

тающий воск,
Старая Вена,
одновременно
айсберг и мозг,

райский анфас —
ах, кроме ветра,
нет геометра
в мире для вас!

В вас, кучевых,
перистых, беглых,
радость оседлых
и кочевых.

В вас мне ясна
рваность, бессвязность,
сумма и разность
речи и сна.

Это от вас
я научился
верить не в числа —
в чистый отказ

от правоты,
веса и меры
в пользу химеры
и лепоты!

Вами творим
остров, чей образ
больше, чем глобус,
тесный двоим.

Ваши дворцы —
местности счастья
плюс самовластья
сердца творцы.

Пенный каскад
ангелов, бальных
платьев, крахмальных
крах баррикад,

брак мотылька
и гималаев,
альп, разгуляев —
о, облака

в чутком греху,
небе ничейном
Балтики — чей там,
там, наверху,

внемлет призыв
ваша обитель?
Кто ваш строитель,
кто ваш Сизиф?

Кто там, вовне,
дав вам обличья,
звук из величья
вычел, зане

чудо всегда
ваше беззвучно.
Оптом, поштучно
ваши стада

движутся без
шума, как в играх
движутся, выбрав
тех, кто исчез

в горней глуши
вместо предела.
Вы — легче тела,
лучше души.

1989

■

Когда мы хотим сделать комплимент книге, то говорим, что она выдержала столько-то изданий. В этом смысле, наверное, «Букварь» (авторы Горецкий В., Кирюшкин А., Шанько А., под общей редакцией Михалкова С., 9-е изд., М. Просвещение, 1989 г., 128 с.) — одна из лучших книг? Но прочтите, дорогие читатели, в свете сегодняшнего дня книгу, которая первой встречает наших детей и внуков, и, я полагаю, вас охватят сильные сомнения в ценности тех истин, которые внушает эта «детская библия» в первый год учебы.

Вы не найдете там слов о чести, достоинстве, порядочности... Там нет понятий добра и зла, совести, счастья, беды... Зато «Букварь» наполнен такими перлами:

«Моя и твоя Родина — СССР,
Прекрасна родная страна!
Поля, леса, моря и реки.
Строятся новые заводы.
Тракторы бороздят поля.
Проносятся поезда и автомобили.
Плывут корабли.
СССР — страна мира и труда» (с. 77).

Что дает ребенку это фальшивое великолепие? Только ощущение своей ничтожности в этом огромном мире, ощущение «винтика», которого с таким успехом добивался «отец всех народов».

Вообще иногда кажется, что некоторые тексты перекочевали в 9-е издание (интересно, а когда было выпущено первое?) прямо из сталинских времен. Например: «С утра в поле кипит ударная работа! Велик сбор зерна. Как плодородна земля! Моя страна — родная земля» (с. 78).

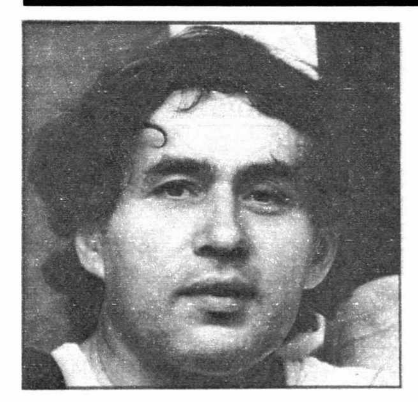
Или: «СССР — Страна Советов.
У нас в стране все равны.
Велика и красива Страна Советов.
Стране Советов — слава!»

За ширмой громких слов о реформе школы не делается ничего, иначе такой «Букварь» с рисунками моего довоенного детства (у меня трое внуков, из них двое — школьники) не вышел бы к детям.

Я не призываю к обязательному преподаванию Закона Божьего, но так ли недостижима мечта об изложении для первого класса десяти заповедей в доступной форме? Во всяком случае, от этого будет больше пользы, чем от «Прописей», издаваемых в 1989 году (составители те же) и одобренных еще циркулярным письмом Минпроса РСФСР от 22 августа 1969 года. Эти «Прописи» изобилуют такими опусами: «Глубоки наши светлые воды» (с. 13) или: «Как поступают октябрята? Они играют с малышами. Они любят труд» (с. 34).

И не удивляйтесь тому, что первоклассники без зазрения совести (об этом ведь ничего в «Букваре» и «Прописях» нет!) тащат вещи друг у друга, а мучить животных у некоторых считается доблестью. Представляется, что приведенных аргументов достаточно, чтобы срочно приступить на конкурсной основе к созданию новых «Букваря» и «Прописей».

Л. Б. ТОМЧИН,
старший научный сотрудник ВНИИЭМИ,
кандидат технических наук
Москва

Роман СОЛНЦЕВ

Рассказ

ДЕМОН

Он появился в нашем литературном объединении внезапно, никому не известный, с затравленным выражением на лице. На лбу у него розовели юношеские прыщики, усики «под Лермонтова» торчали над нервной вздернутой губой. Был он в мятом черном костюме, новой белой рубахе, в новых ботинках яично-желтого цвета. Войдя в комнату, где мы галдели, разбирая метафоры и рифмы, раза два оглянулся на дверь, а когда примостился позади всех, то прикрыл ладонью лицо слева, будто кого боялся. Мы, конечно, тут же обратили внимание на таинственного паренька и спросили, кто он и откуда. Паренек встал и, помедлив, назвал свою фамилию:

— Казаков,— но пауза была выдержана такая, что поневоле заподозришь — скрывает истинную фамилию. Свое имя он также назвал нехотя, как бы выдавая опасную тайну: — Вениамин.— А на вопрос, где работает или учится (у нас было принято рассказывать о себе все), он многозначительно кашлянул:

— Ну, на заводе.— И, как бы подумав, добавил: — Слесарем.

Тень пролетела по нашим лицам: что за фрукт? Не желает быть откровенным? Или просто у него такая манера, заторможенная речь?.. Впрочем, стихи свои он прочел, как мы все, без остановки, завывая и вскинув белесые глаза под потолок. Стихи оказались плохонькие:

Я хотел бы Родине любимой
пользу дорогую принести.
И от сладкого не плакать дыма
на ее сверкающем пути.

— Чушь!..— закричал наш «гений», студент Костя.— Что за «дорогая польза»?! Что за «сладкий дым»... да еще на «сверкающем пути»?!

Новоявленный поэт холодно пожал плечами, прочел еще стихи:

Нас за горло берут мещане,
что не верят высоким словам.
Им, с алмазами и вещами,
я мечты своей не отдам!

— Вещи какие-то...— буркнул толстый Коля, мучительно морщась, мой друг и наш лидер.— Алмазы — туда-сюда. А вещи?.. Какие?!

— Любые!..— страстно побледнел поэт.— А насчет пользы... бывает дешевая польза, а я — чтоб дорогую.

Костя прошептал, пригибаясь к столу:

— Он чего-то не понимает!.. Не русский, что ли?..

— Я русский! И я все понимаю!..— сказал вдруг новопришедший из дальнего угла комнаты.— А сверкающий путь Родины — это же ясно! Кто скажет: нет, не сверкающий,— в того камень!..— То ли он шутил, то ли явно был со странностями в системе мышления... Уже во время следующей встречи прочел, не побоявшись, забавный парафраз из Маяковского:

Если бы выставить в музее
плачущего меньшевика,
весь день бы в музее торчали ротозеи...
Еще бы, никак не уймется! А ведь прошли века!

А напоследок выдал совершенно дерзкие строки:

Дурак дурака понимает,
на плечи к себе забирает,
средь красных несет облаков...
Дурак дурака погоняет
И едет в страну дураков!

И подмигнул... Мы нехотя пришли в восторг.

— Смело!..— бормотал Костя, забирая в кулак свой длинный бледный нос.— Но не поэзия... чистой воды сатира...

— Хоро-ошие стихи,— прогудел Коля.— Но-о... не для печати, конечно...

— Почему?! — нахально подмигнул новопришедший.— Я про Америку! Хотя... и там есть вполне неплохие люди.

— А ты, что ли, был?! — вдруг обозлился Юрка-столяр, пьяница, сочиняющий путаные поэмы про погибшую жизнь «под Есенина». С кирпичным лицом, с желтыми глазами, он злобно с самого начала взирал из противоположного угла на Веню Казакова, словно где-то видел его раньше и бил, да не добил.— Был в Америках?!

— Может, и был,— как можно скромней и небрежней отвечал Казаков.— А теперь я хотел бы послушать ваши стихи, мои новые товарищи.— И этак поощрительно кивнул Коле: — Ну?..

Тот запыхтел, наморщил гладкую толстую кожу на узком лбу, стал похож на бульдога... глаза свирепо сожмурились... и лидер прочел:

Я вышел!.. Шумели клены!..
Хотелось петь и кричать...
Все двадцать четыре колонны
хотелось расцеловать...

Просиял и, вдруг смутившись, стал объяснять новому члену литобъединения:

— Это когда я поступал в университет... там колонны...

— Двадцать четыре? Хорошо,— отозвался Казаков и кивнул Косте.

Тот медленно поднялся, волнуясь и трепеща, как былинка на ветру, и, вытаращив глаза, выдал самое свое потрясающее:

Никогда не приближусь к тебе...
ближе, чем цветок приближается...
к солнцу!..

Казаков подумал, поморщился.

— Буржуазные штучки,— сказал Казаков.— Впрочем, «больше поэтов хороших и разных»?

С этого дня он вошел в нашу компанию: мы ценили смелых критиков. Но нас мучила тайна: откуда же он? ...Кто-то проследил — работает действительно на заводе, но по увертливым ответам Казакова, по его намекам поняли: скорее всего, это задание, а на деле он откуда-то из таких организаций, о которых не говорят. Тем более однажды он яснее ясного буркнул, тыча в газету:

— «Цэрэушника» поймали в Москве. Плохо работают янки! Самоуверенные!.. Наши тоньше.— И, как бы подумав, стоит или не стоит добавлять, все же добавил: — Но коварней всех... японцы.

— Японцы?..— удивился Коля.— Их же сразу видно: япошки есть япошки!

— Да?! — оборвал его ядовито Костя.— А ты отличишь, например, японского шпиона от корейца? Или китайца?..

— Даже якута,— добавил я, как оказалось, удачно.

Все согласились и, ожидая еще больших откровений, повернулись к Вене. Он, глянув на часы, заторопился:

— Ах, опоздал минуты на три... будет мне...— И быстро выскользнул на улицу.

Мы выбежали за ним, стараясь не отставать, но и не попадаться на глаза. Казаков милицейским шагом вышел на середину площади Куйбышева, встал под светофором, еще раз глянул на часы (интересно, видел он нас?..), глянул на крыши домов, красные в закатных лучах, поднял правую руку вверх, опустил и еще раз поднял и, словно завершив нужное и даже опасное дело, перешел на другую сторону площади и исчез в кленовой аллее... Мы переглянулись. Да, он был явно не тот, за кого себя выдавал. Может быть, даже рисковал жизнью? Ведь в стране бродят и иностранные шпионы, а они, шпионы, друг друга отлавливают...

И с того самого дня вокруг головы Казакова засветился ореол секретного агента.

Но стихи-то он писал плохие! И чтобы помочь ему (отчасти уже из страха за себя), мы привели парня в редакцию местной газеты. Там сидел и дремал Киреев, высоченный дядька, бывший танкист, горевший в танке,— он, как ни странно, очень любил стихи и покровительствовал нам.

— Иван Матвеич, новый поэт у нас... надо бы напечатать.

— Новый поэт? Посмотрим! — радостно проснулся за столом Киреев, взял в рябые тяжелые руки крохотные листочки со стихами и вслух прочитал при всеобщем молчании.— Ну-у, другари мои...— Он удивленно глянул снизу вверх в глаза Коле, Косте, мне, а затем и самому Вене.— Это же о-очень плохо!.. Ну что за «алмазы и вещи»?! Если алмазы, то уже достаточно.

— Да понимаете,— стал защищать Веню Коля, ругавший когда-то как раз эту строчку.— Тут его рифма затянула... можно исправить.

— Ну, исправь,— согласился Киреев. Коля потер толстый лоб, толстую щеку, ухо — он думал. Вопросительно глянул на меня, на Костю.

Костя, взяв в кулак нос, беззвучно что-то пошептал, потом неуверенно выговорил:

— «Им с алмазами, глядя нещадно...» А?!

— Это чтобы зарифмовать слово «мещане»?.. «Нещадно»,— задумался Киреев и посмотрел на самого Казакова.— Как?!

Тот хмуро пожал плечами. Мол, это пустяки. Можно и так.

— А если вот! — предложил, взволнованно пыхтя, Коля.— «Им с алмазами в тайном чане»???

— Что за чан?! — удивился Киреев.

— А в газете писали,— покраснел Коля.— Алмазы и брилллианты какой-то жулик на юге держал в бочке с капустой, на дне... А рифма хорошая.

— В чане...— повторил Киреев.— Или в чану́?.. А? Нет, давайте, как Костя предложил: глядя нещадно...

Короче, мы переписали сверху донизу три лучших стихотворения Казакова, и он впервые был напечатан в нашей областной газете. А далее Казаков уже сам ходил к Кирееву, намекая на свою особо важную работу. Через два года выпустили книжку в местном издательстве, на нем уже сверкал великолепный японский костюм из синтетики, морда раздалась, прыщики исчезли... Веня отпустил и завил кудри... около Казакова вились студентки с филфака — одна красивее другой... Веня организовал при университете, куда поступил учиться на заочный, свое личное литературное объединение... и ходил по городу — на шее «бабочка», как у артиста Вертинского, вернувшегося в СССР, а в глазах тайна и скорбь, как у разведчика Абеля, также вернувшегося в СССР...

Видимо, все люди, с кем он общался, начинали бояться его. Тем более что время от времени он доставал из кармана крохотную записную книжечку и что-то туда записывал. То ли свои стихи?.. То ли ваши разговоры? Впрочем, сам он стал дерзким до невероятности, сыпал анекдотами про Брежнева: «Заседает Политбюро. Один Леонид Ильич в слезах. Что, Леонид Ильич, грустный? А у меня Алешка Косыгин звезду отвинтил и не отдает». Мы переглядывались: «Ну, ему-то, видимо, можно... А может, и нарочно? Провоцирует?..» Но Веня менялся — возможно, изменилось задание? Он вдруг стал молчать неделями и носить темные очки. И его прозвали Демон.

Стихи у Казакова не становились лучше, он работал все небрежней, их правили старательно все по кругу, и редакция газеты к этому привыкла, и издательство... А тут я окончил университет и уехал далеко.

Лет через десять как-то залетел в очередной раз в милый сердцу горбатый город у великой русской реки и вдруг вспомнил о В. Казакове, увидев за стеклом киоска две его выцветшие от солнца нераскупаемые книжки стихов — с парусом на одной обложке и с профилем девушки на другой.

— Коля,— спросил я своего старого друга.— А где этот?.. Демон?.. Наверное, уж лауреат комсомола?

— Венька-то?! — хохотнул грузный Коля и полез за валидолом.— О, брат!.. Это история.— И рассказал следующее.

Однажды пригласили молодых — тогда еще молодых — поэтов в клуб имени Менжинского на торжественный вечер, посвященный Дню пограничника, и вдруг именно Казаков наотрез отказался идти туда.

— Мне нельзя...— нахмурился он таинственно. Молодые стихотворцы поняли: видимо, начальство не очень поощряет то, что Веня отвлекается от своих прямых обязанностей. И пошли без него. После чтения стихов робевших гостей пригласили в буфет, в круг офицеров, где пили чешское пиво. Колю все подмывало спросить: а какое звание у вашего Казакова? Но он не решился. Зато Костя с наивными глазами взял да прочел несколько Венькиных строк... то ли хотел польстить хозяевам, то ли от страха... Хозяева никак не отреагировали. Видимо, у чекистов железное самообладание.

— Но я!..— Толстый Коля стукнул кулаком по груди.— Я что-то заподозрил!.. И когда мы снова вместе собрались — казаковское и наше объедине-

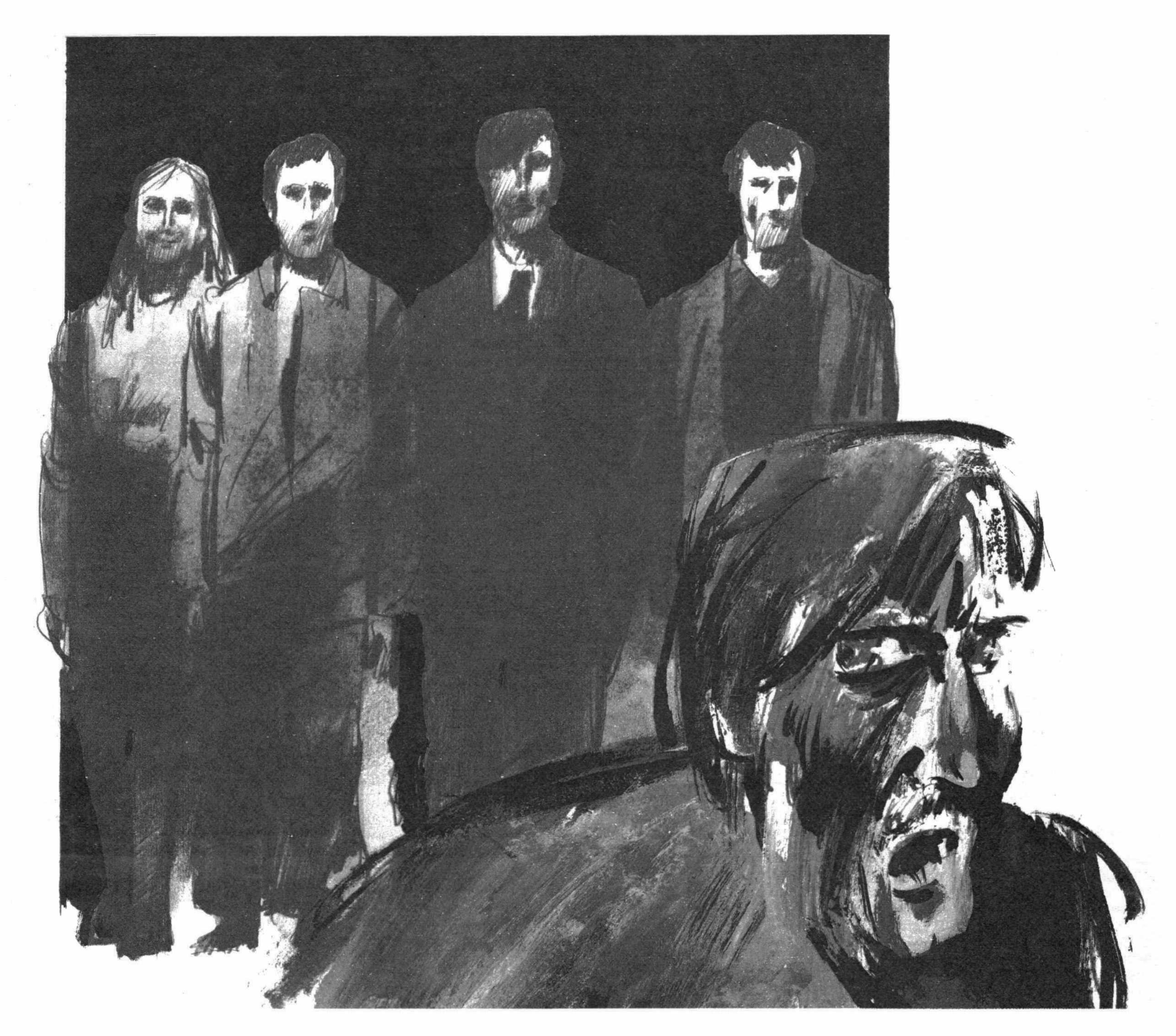

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

ние... я Вене говорю: «А мы смотрели твое досье! Шибко много анекдотов болтаешь! Там дуются...» Веришь,— побледнел как смерть! Хотел что-то сказать, а в горле будто теннисный шарик пляшет... Я даже испугался. Костя понял мою игру, но пожалел Казакова. «Да ладно,— ткнул кулаком меня в бок.— Говорили, это даже забавно. Особенно про генсека...» Ну, тут Казаков выбежал вон. «А может, он все-таки оттуда?..— испуганно сообразил Костя.— А мы его засветили. Заметут нас, а?!» Но никого не замели.

Одним словом, Казаков исчез. И лишь через год или два его встретили в другом городе — обрюзгший Веня шел с прекрасной молодой женщиной и читал ей громко стихи. Стихи были собственного изготовления, про мещан и алмазы. Поймав на себе внимательный взгляд и увидев подозрительно знакомое лицо, он резко отвернулся. А еще через год он все-таки опять объявился в нашем городе (рассказывал Коля), оборванный, в синяках, пьяный, таскает ящики на вокзале...

— Что, и сейчас?! — спросил я.

— Ну. Нас всех избегает, глаза злобные. Стихов, судя по всему, больше не пишет. Во всяком случае, по редакциям не ходит. И уж, конечно, никакого отношения к органам безопасности не имеет.

— Вот паразит! — обиделся я.— Он же... паразитировал на нашем страхе! Как же, должно быть, смеялся в душе над нами! И ведь две книги напечатал!

— Еще чуть-чуть, мы бы его в СП приняли.— Коля, улыбаясь, обтирал платком лоб.— Дураки!.. Хотя... вот... про дураков-то у него неплохо было!

— А давай найдем его сейчас и поговорим! — предложил я.— Водкой угостим! Интересно, что скажет? Хочется в его бесстыжие глаза заглянуть!

Мы позвонили длинноносому Косте и втроем — так надежней — поехали на железнодорожный вокзал. Долго ходили по рельсам, расспрашивая у женщин в ярко-желтых жилетах, где найти Казакова. У нас даже возникло подозрение: уж не выдумал ли он тогда себе фамилию и имя... а может, и потом сменил... Женщины интересовались:

— Какой он?

— Да такой — в кудрях!..— объяснил Коля.— И усики, усики, как у Ворошилова...

— А-а, Венька-революционер!..— догадался какой-то носильщик, сидевший на раскаленном рельсе.— Они там, в складе!..— И показал, куда идти.

Бывший поэт стоял в кругу таких же, как он, мужиков в черной промасленной робе, разве что пузо отрастил побольше, и хлебал из бутылки кефир, заедая хлебом. Он совершенно почти оплешивел, только над малиновыми ушами торчали взмокшие от усердия кудряшки. Челюсть его ходила вправо-влево и замерла, когда он увидел нас. Медленно поставил на сверкающий гравий белую бутылку и, разгибаясь, налившись кровью, заорал:

— Интеллегенты пожаловали?! Смотрите-ка на них!..— Он тыкал пальцем, обмотанным синей изолентой, на нас. Он явно старался не дать нам сказать слово и разоблачить его.— Интеллегенты?!. Мéнты!.. Мы тут ур-родуемся, железо таскаем, кости себе выкручиваем!.. А они — на экскурсию?!.— И вдруг подмигнул. Черт его знает, то ли у него выработался тик, а то ли он всерьез подмигнул.— На экскурсию-мурсию!.. А?!

И я ошеломленно подумал: а не «засветили» ли вправду его тогда мои товарищи, и сейчас у него здесь новая работа, в среде железнодорожников?..

— Вон отседа!..— продолжал орать, ломая язык, Веня.— Пойеты!.. Все жрете конфеты?! Засрали Россию!..

— Валите, валите!..— поддержали его басовитые голоса, и мы повернули назад.

Когда отошли подальше и я поделился в кругу друзей возникшими сомнениями, Костя споткнулся, а Коля пробормотал, обтирая платком могучую шею:

— Да ну-у! Не может быть.— И предложил: — А если позвонить, спросить? Хотя не скажут...

— Забудем, а?! — зашептал Костя.— Пусть живет. Одно жаль — что такими трусами оказались... Подумаешь, сотрудник.

— Он больше не пишет стихов?! — спросил я.— Если бы чувствовал за собой силу, не отступил бы, писал!

— Верно! — поднял толстый кривой палец Коля.— А может быть...— Он осторожно стал подбирать слова, наш мудрый тугодум.— А может быть, и все прочие, кто пугал нас той или иной силой в те годы... на самом деле ею не обладали?.. И боялись нас?.. Боялись народа?..

Мысль потрясла нас. Мы поднялись на виадук и сверху еще раз посмотрели на группу рабочих, которые копошились среди мерцающей паутины рельсов. Веня, заметив, что мы среди неба остановились, погрозил маленьким кулаком...

Мы побрели в город, мимо церквей с золотыми маковками, мимо бетонных кубических зданий. Назревал грозовой ветер. Небеса полыхали и были полны зловещими и прекрасными стихами. И лишь одинокая звездочка, еще не смазанная тучами, игриво подмигивала в стороне — этакая юмористическая звездочка... И я подумал: надо бы не утерять ее, запомнить, где она, помнить о ней всегда. Иначе далеко мы зайдем с нахрапистыми негодяями и самозванцами нашего времени...

г. Красноярск.

Морозовы

Наталия СЕМЕНОВА

Вряд ли в России конца XIX века существовала более известная купеческая фамилия чем Морозовы. Богатство их рода было сказочным, а вот история восхождения на «купеческий Олимп» достаточно заурядной. Слагаемые успеха для выбивавшихся, подобно первому Савве Морозову, в люди крестьян-кустарей не менялись: упорный труд, мужицкая смекалка, честное партнерство, в придачу к которым, правда, требовалось еще и везение. Но, чтобы прославиться, одних миллионов явно было недостаточно. Деньги обеспечивали благополучие, гарантировали уважение. Но не более. Почитали личности. Потому-то и остались в российской истории Морозовы — преуспевающие фабриканты, страстные коллекционеры и театралы, сочувствующие прогрессу филантропы.

Многочисленные потомки основателя морозовской династии «Саввы сына Васильева», начавшего собственное дело в царствование императора Павла, а на исходе правления Александра I откупившего на волю себя и семью, прочно соединились в сознании наших современников в собирательный образ некоего абстрактного Морозова. При одном упоминании этой фамилии воображению предстает дородный купчина-капиталист, «самодур» с причудами миллионера, владелец потрясающих любое воображение особняков в «новом стиле», любитель театра, живописи, фарфора и книг; меценат, жертвователь на богоугодные заведения, тайно субсидирующий в довершение всего большевиков. К удивлению, в действительности подобного «Морозова» никогда не существовало. Черты же, которыми этот персонаж наделили, позаимствовали одновременно сразу у нескольких представителей морозовского клана.

«Богородский первой гильдии купец» Савва Морозов (Савва первый) имел пятерых сыновей, от которых, в свою очередь, пошли четыре ветви знаменитого морозовского дела. Тимофей Саввич сделался владельцем Никольской мануфактуры, Елисей и Викула — Орехово-Зуевской, Захару Саввичу принадлежали Богородско-Глуховские фабрики, а Абраму — Тверские.

Морозовские текстильные мануфактуры в Московской, Владимирской и Тверской губерниях поставляли на рынок миткаль, ситец и бархат. Умелое ведение дел на многотысячных фабриках, постоянное расширение сфер сбыта товаров, выгодные закупки сырья, дешевая рабочая сила приносили сыновьям, а особенно внукам Саввы Васильевича колоссальные прибыли. Наличие свободных денег позволяло «ситцевым королям» и самим жить с размахом, и быть щедрыми жертвователями. Десятки тысяч тратили Морозовы на то, что сегодня называют «культурными программами». Савва Тимофеевич (второй) поддерживал (слово «содержал» выглядит как-то неблагозвучно) Московский Художественный театр. Его брат Сергей Тимофеевич основал и построил в Леонтьевском переулке в Москве Кустарный музей. Викуловичи субсидировали прессу, финансировали газеты «Голос Москвы» и «Русское слово». Тверские Морозовы — Абрамовичи, быть может. не с таким размахом, как Тимофеевичи, но тоже жертвовали изрядные суммы на нужды культуры и искусства.

При очередном, четвертом по счету разделе имущества Морозовых бумагопрядильные фабрики в древней Твери, через которую прошла первая, Николаевская линия железной дороги, в 1872 году отошли братьям Абраму и Давиду Абрамовичам. (Ветхозаветным именам в семействе тверских Морозовых не изменяли, хотя в отличие от других ветвей клана эти старообрядцами не были.) Фактическим директором основанного братьями «Товарищества Тверской мануфактуры» стал Абрам Абрамович Морозов. Из Англии и Швеции было выписано новейшее ткацкое оборудование, приглашены иностранные специалисты. Устройство красилен и прочих вспомогательных производств сделало морозовские мануфактуры безотказно действующим механизмом, превращавшим хлопок и шелк-сырец в ткани на любой вкус и достаток.

Не последним шагом для Абрама Морозова стала женитьба на Варваре Хлудовой, укрепившая престиж фирмы, породнившая новоиспеченного предпринимателя с богатейшими российскими мануфактуристами и вдобавок одной из тех купеческих фамилий, что «начинали служить подпочвой интеллигентному царству». Хлудовская библиотека старообрядческих печатных и рукописных книг была в числе богатейших в России (она легла в основу отдела рукописей Исторического музея). Хлудовы собирали картины, щедро жертвовали на больницы, школы и приюты. Молодые Хлудовы учились в Петербургском университете, а затем в Европе.

Варвара Хлудова, женщина умная и волевая, после преждевременной смерти мужа взяла «Товарищество Тверской мануфактуры» в собственные руки.

«Утром щелкает в конторе костяшками на счетах, вечерами извлекает теми же перстами волшебные шопеновские мелодии, беседует о теории Карла Маркса и зачитывается новейшими философами»,— писал современник. Тогда же она увлеченно занялась благотворительностью.

Похоже, фабрикантам Морозовым решили попросту отомстить, когда древней улице Воздвиженке, равно как и городу Твери, присвоили имя родившего-

М. К. Мамонтова.

М. К. Морозова с детьми у портрета мужа.

ся в бывшей Тверской губернии «всесоюзного старосты». Бронзовая фигура Калинина застыла аккурат возле морозовского дома, в котором на рубеже веков собиралась либеральная профессорская Москва, а с нею и цвет литературы и искусства — А. П. Чехов, В. Г. Короленко, В. Я. Брюсов, К. С. Станиславский. Близость к ученому и культурному миру хозяйки салона объяснялась просто: вторым мужем В. А. Морозовой был редактор «Русских ведомостей» публицист В. М. Соболевский. Известная ревнительница женского равноправия, учредительница первого женского клуба, Варвара Морозова отстаивала и собственную независимость. Замужество не принесло ей счастья, и брак с Соболевским оставался гражданским. Правда, дело заключалось не в одной только эмансипации. Церковный брак лишал ее фамилии, а вместе с ней и многомиллионного состояния — наследства.

Когда речь заходила о благотворительности, Варвара Морозова твердо придерживалась правила, что если уж жертвовать, то исключительно для того, чтобы «учить или лечить народ». Так она и поступала. На ее средства были построены первая раковая клиника на Девичьем Поле, богадельня и школа в Твери, здание Тургеневской библиотеки-читальни у Мясницких ворот, бездумно уничтоженное уже на наших глазах.

Между Варварой Алексеевной и ее сыновьями от брака с Морозовым существовали совсем не простые отношения. И жесткий характер матери, и политические собрания, устраивавшиеся в ее «культурном уголке» на Воздвиженке, вызывали в них нескрываемый протест. Потому-то, наверное, молодые «Абрамовичи» старались устроить собственную жизнь иным образом. «Подсмотрели, что ли, что неладное в либералах сыновья ее — Миша, Ваня и Арсений,— но возненавидели ярой ненавистью ихний либерализм и, кажется, заодно и «мамашу»,— вспоминал художник Сергей Виноградов.— С этим недобрым чувством и прожили до конца своих дней».

Старший сын был главным ее антиподом. В день своего совершеннолетия из бедного студента, получавшего от строгой «мамаши» 75 рублей в месяц, Михаил Морозов сделался архимиллионером. Тогда же, в 21 год, не закончив еще историко-филологического факультета, в университетской церкви обвенчался с 18-летней красавицей Маргаритой Мамонтовой и купил дом на углу Смоленского бульвара и Глазовского переулка (ныне улица Луначарского). Не дом, а целый дворец с полукруглой белой колоннадой по фасаду, зимним садом и множеством залов.

Еще Пушкин заметил, что «невинные странности москвичей были признаком их независимости». Жили они «по-своему, забавлялись, как хотели, мало заботясь о мнении ближнего». Москва любила богатство и привыкла прощать чудачества, от которых были неотделимы большие деньги. В этом отношении Михаил Морозов оставался типичным москвичом. Некоторые его поступки — вроде сказочного проигрыша в Английском клубе — миллион рублей за одну ночь!!! — будоражили воображение даже видавших виды жителей первопрестольной. Его поступки восхищали и раздражали; его называли «купчиной», «сумасбродом». Рассказывали, что, появляясь в гостиницах, Миша Морозов (так его до самой смерти звали в Москве) первым делом требовал выселить всех живущих на его этаже. «Я плачу за все и не желаю, чтобы кто-то другой жил со мной рядом»,— требовал внук крепостных Бестужевых-Рюминых.

В огромном, богатырски сложенном Михаиле Морозове «бурлила кипучая хлудовско-морозовская кровь». Он искал себя, метался и никак не мог найти. То он с головой бросался в науку (мать мечтала видеть его профессором), писал исторические исследования из жизни Карла Пятого и его времени, обсуждал спорные вопросы западноевропейской истории; то из-под его пера выходили едкие критические статьи о выставках, подписанные псевдонимом «Михаил Юрьев». Был даже один роман — «В потемках», сразу же по выходе уничтоженный цензурой (дело касалось высокопоставленных особ, попавших в герои повествования). Не зная, куда направить «кипучую энергию, темперамент и общую талантливость», он все время стремился сделать что-нибудь «в пику» матери и ее кружку. Благодаря большим пожертвованиям он добился избрания в старосты древнего Успенского собора в Кремле, где короновались все российские государи. Наконец-то свершилось! Виноградов вспоминал, как «Миша по-мальчишески радовался, смеялся и все говорил: «Вот теперь мамаша и ее либералишки бесятся, на хвостах вертятся от злости». Однако это было лишь позой, очередным чудачеством, а потому вожделенная победа удовлетворения не принесла. От места старосты он отказался, и им стал знаменитый юрист, блестящий адвокат Федор Плевако (тоже, кстати, купеческий сын).

Что касается искусства, то Михаил Морозов и его молодая жена интересовались музыкой и уже в начале 90-х годов входили в дирекцию Русского музыкального общества. В детстве Михаил Абрамович вместе с братом брал уроки живописи у Константина Коровина, в юности писал критические статьи, не пропускал художественных выставок. В 90-х годах он начал покупать картины. Тогда-то в его окружении появился, что необычайно важно для человека, не сосредоточенного на собирательстве целиком и полностью, понимающий советник — пейзажист Сергей Виноградов.

Виноградов уверял, что увлечение собирательством, продлившееся, к сожалению, очень недолго, изменило Мишу Морозова. У него не только появилось занятие (от участия в делах правления «Товарищества» к концу 90-х годов он фактически полностью устранился), но, что самое главное, цель в жизни. Зимний сад был быстро переделан в картинную галерею. Вместо университетских однокашников-«белоподкладочников» на Смоленский зачастили молодые художники. Злившие одних и смешившие других морозовские «причуди» понемногу, но отходили на задний план. В то время как у Варвары Алексеевны на Воздвиженке собиралась профессура, на знаменитых воскресных завтраках у Морозовых на Смоленском (начинавшихся в два часа дня, а заканчивавшихся с наступлением сумерек) можно было встретить всю «живописную Москву». Минуя большую «египетскую парадную», где «страшным контрастом рядом с телефоном стоял настоящий египетский саркофаг с мумией», гости попадали в залу в стиле ампир. Здесь были комнаты на любой вкус: синяя гостиная «Людовик XV», помпейская комната, арабская комната из розовых мраморов с низкими диванами, большая столовая в русском стиле и малая «а-ля Генрих IV». По огромному дому разносился «сладковатый ароматный дым английского табака и первосортных сигар», рекой лилось розовое шампанское (классическое шампанское днем пить не полагалось — «не тонно»). На длинных столах в галерее, где едва ли не каждое воскресенье появлялись новые, приобретенные за последнюю неделю полотна, громоздились стопки художественных журналов и книг.

Политическая ориентация Михаила Морозова в противоположность матери отличалась консерватизмом. Зато художественные его устремления были чрезвычайно радикальны. Как коллекционер, он стартовал мощно, ничуть не слабее Сергея Щукина, и сразу оказался в числе тех, кому довелось продолжить начатое братьями Третьяковыми дело. Одной из самых больших удач Морозова-коллекционера, несомненно, стала покупка «Портрета Жанны Самари», написанного Огюстом Ренуаром. Парадный портрет актрисы за 20 тысяч франков продал ему знаменитый парижский маршал Амбруаз Воллар. В морозовском собрании оказалось немало редких полотен: первый в России Эдуард Мане — «Кабачок», «Портрет Иветт Гильбер» Анри Тулуз-Лотрека, купленный после гастролей французской певицы в Москве. Тут же рядом с работами Камиля Коро, Клода Моне, Поля Гогена, Винсента Ван Гога в доме на Смоленском бульваре висели древнерусские иконы, полотна Исаака Левитана, Михаила Врубеля, Константина Коровина.

Было ли увлечение Михаила Морозова только лишь очередной причудой его неуравновешенного характера? Не исключено. Но даже если за покупками нового искусства скрывалось желание чем-то занять себя, потратить деньги на что-нибудь, кроме бесконечных кутежей, то скоро это переросло в нечто большее. Да, Морозов коллекционировал картины с тем же азартом, что играл в карты. На «беду», он был слишком богат. От этого его любовь к искусству казалась небескорыстной, а понимание живописи — неглубоким, «ситцевым»: «Хорошая материя ситец, но все же ситец, а не бархат!»

Михаил Морозов желал получать от жизни удовольствия и ничего больше. Он много пил, а водку закусывал сырым мясом с перцем, невзирая на неизлечимый нефрит. По словам жены, характер Михаила Абрамовича «был не просто живой, но просто бурный, и все, и гнев, и веселость были бурными». Яркой и чуть-чуть экстравагантной «частицей быта Москвы», «стихийной, но выразительной» фигурой назвал Морозова Сергей Дягилев. Считалось, что с Морозова А. И. Сумбатов-Южин написал героя своей пьесы «Джентльмен», несколько сезонов шедшей в Малом театре. Сумбатовский герой Ларион Денисович Рыдлов, владелец особняка с зимним садом, любитель устриц и шампанского,— пародийная фигура. «Сливки общества теперь мы. Я могу быть и критиком, и музыкантом, и художником, и актером, и журналистом — почему? Потому, что я русский самородок, но смягченный цивилизацией»,— заявлял герой пьесы, в котором москвичи узнавали Михаила Морозова — владельца роскошного дома с собственной электростанцией и красивого выезда, завсегдатая первых представлений, умеющего «посотрудничать в газетах», блеснуть остроумной книжкой. «У этого человека есть свой стиль, рысак, резиновые шины, кучер, дом-бонбоньерка, зазвонистая статья

об выставке, с колоритом нахальства»,— записывал в дневнике явно нерасположенный к Морозову художник Василий Переплетчиков.

Осенью 1903 года, 33 лет от роду, Михаил Абрамович Морозов скончался. Глядя на серовский портрет «вросшего в землю своими упрямо расставленными ногами» Морозова, трудно представить, что такой богатырь сгорел буквально в несколько дней. Морозов весь был сгусток энергии, искавшей и не находившей выхода. «Он такой, точно им сейчас из царь-пушки выстрелили»,— говорил о своей модели проницательный Валентин Серов.

Для красавицы Маргариты Кирилловны смерть мужа, утверждал «мистериально» влюбленный в нее Андрей Белый, стала началом новой эры. «До нее она — дама с тоскою по жизни, а после — в Швейцарии — деятельная ученица А. Скрябина, ...вернувшись в Москву, она — впопыхах, в поисках идеологий, часто нелепых, но часто и колоритных, в ней Ницше, Кант, Скрябин, Владимир Соловьев». Особняк на Смоленском отдается в распоряжение участников литературно-музыкальных вечеров; весной пятого года здесь читают лекции о конституции и сам дом «напоминает арену петушиных боев». Маргарита Кирилловна под влиянием философа Евгения Трубецкого начинает субсидировать возглавляемое князем издательство «Путь»; на ее средства издается журнал того же названия. Она финансирует «Вопросы философии и психологии» и общественно-политическую газету «Московский еженедельник». Морозовские собрания и издания, за которыми стоит величественная «дама с султаном», формируют философскую и отчасти религиозную мысль Москвы. И всегда Маргарита Морозова окружена музыкой. Ее учителя — Николай Метнер и Александр Скрябин. Верная ученица автора «Поэмы экстаза», Маргарита Морозова многие годы поддерживала композитора материально, давая ему возможность свободно работать. Уже за один этот поступок русская культура обязана ей. Но был и другой, не менее значительный. В 1910 году Маргарита Кирилловна передала большую часть собрания покойного мужа Третьяковской галерее. И хотя принято считать, что она лишь выполняла волю Михаила Абрамовича, это решение было принято ею самой: в завещании Морозова никаких указаний на счет коллекции не имелось. В те годы морозовский дар воспринимался как знаменательное событие. Это пожертвование открывало начало картинной галереи западного искусства конца XIX — начала XX века. «Москве выпадет высокая честь быть первой из европейских городов, в котором осуществится создание музея живописи новейшей эпохи»,— предвкушали московские критики и историки искусства.

Распрощавшись с картинами, Маргарита Морозова продала помпезный, неудобный для жилья особняк и переселилась в небольшой дом в Мертвом переулке (ныне переулок Н. А. Островского). Его перестроил для нее популярный архитектор Иван Жолтовский. Европа была уже охвачена пожаром войн, когда здесь, «среди цветущих в январе ландышей, ...за длинным столом с зеленой скатертью, на фоне врубелевского «Фауста и Маргариты в саду», по вечерам собирались члены религиозно-философского общества и «представители русской интеллигенции пытались решать больные вопросы века».

В 1918 году особняк национализировали. В нем разместился Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Но свое обаяние дому удалось сохранить, а потому отдел Комиссариата просвещения по-прежнему напоминал аристократический салон, но никак не канцелярию. С национализацией особняка и последние шедевры собрания Михаила Морозова, оставленные за собой вдовой в пожизненное пользование, перешли в Третьяковскую галерею. Уступив первый этаж музейному отделу Наркомпроса, Маргарита Кирилловна с сестрой перебрались вниз, где прежде была кухня, кладовая и комнаты для прислуги,— полуподвал с окнами на уровне тротуара. Со временем музейный отдел ликвидировали, а особняк передали посольству Королевства Дании. Маргарита Кирилловна продолжала жить в своем бывшем доме. Жена датского посла обожала ее и даже приглашала на званые приемы. Но времена менялись. И бывшей московской красавице, которой Николай Метнер посвятил романс на стихи Андрея Белого «Золотому блеску верил...», пришлось в одночасье распродать последние остатки некогда роскошного имущества, чтобы купить две комнаты на летней даче в подмосковном Лианозове.

Несмотря на аристократическое воспитание, Маргарита и ее сестра в детстве не купались в роскоши. Их отец Кирилл Николаевич Мамонтов (племянник Саввы Мамонтова и двоюродный брат Павла и Сергея Третьяковых) прокутил все состояние и застрелился в Ницце. Мать девочек Маргарита Оттоновна зарабатывала тем, что обшивала знакомых дам, учила моделированию и кройке (хороший вкус достался ей от итальянских предков — скульпторов и архитекторов). Красавицы, умницы дочки, хотя и бесприданницы, благодаря матери сделали блестящие партии. Их выдали за московских миллионщиков: Елену — за Вострякова, Маргариту — за Морозова, браки с которыми не принесли сестрам счастья. В старости радостей оказалось еще меньше. В Лианозове они сами пилили дрова, сами носили воду из замерзавшей зимой колонки. На даче сестры встретили войну. Потом была комната под лифтом где-то на Покровке, приносимые ото всех знакомых черные сухари (до тех пор, пока «лишенкам» не выдали карточек).

Маргарита Кирилловна никогда не напоминала о своих прошлых заслугах. Да и вряд ли бы их приняли во внимание (Марина Цветаева ведь тоже хлопотала о комнате, писала, что ее отец создал музей...). Как большинство истинных русских интеллигентов, она не роптала на судьбу и переносила все, что происходило, с христианским смирением. Постаревшая, но не утратившая бьющей в глаза красоты, в сильно поношенном платье, она сидела на концертах в консерватории в первых рядах. Дочь ее навсегда покинула Россию, младший сын пропал еще в первую войну. Любимые ее картины десятилетия красовались в Третьяковской галерее, Эрмитаже и Пушкинском музее. Она уже взялась за мемуары, вспоминая, как встречалась с Львом Толстым, сделавшим комплименты ее лошади; как Михаил Врубель писал панно и что его «Царевну-Лебедь» она никогда не снимала со стены своей спальни.

Делать акцент на родстве с морозовским семейством было еще небезопасно. В конце 30-х журнал «Красный архив» «разоблачил» Варвару Морозову, которая завещала большую часть своего состояния — пай фабрики — ее же рабочим. Автор не сомневался, что своей филантропией она лишь пыталась «завуалировать эксплуататорскую деятельность предпринимателей». Досталось и Михаилу Абрамовичу. Его взносы в ученые и литературные общества, всевозможные пожертвования делались, оказывается, «не иначе как с целью открыть себе вход в литературную среду, поскольку он мнил себя великим ученым и незаурядным литератором». На доме на Смоленском бульваре висела доска, сообщавшая о единственном посещении его В. И. Лениным. В самом деле, не писать же, что здесь бывали высланный из России Николай Бердяев, отец Сергей Булгаков или умерший от тифа в гражданскую князь Евгений Трубецкой...

Единственный среди Морозовых в почете был младший сын. Профессор Михаил Михайлович Морозов умер в 1952 году, тогда же, когда Маргарите Кирилловне дали наконец две комнаты в новостройке за Ленинскими горами. Сына, как и отца, до последних дней все звали по имени. Так он и остался Микой Морозовым, мальчиком со знаменитого портрета Валентина Серова. Мика Морозов университета не закончил, но английский язык, которому его учили дома с двух лет, знал безукоризненно. Он переводил и писал о Шекспире, консультировал все шекспировские спектакли. Морозов был настолько предан Шекспиру, что Самуил Маршак назвал его «представителем Шекспира на земле».

Маргарита Кирилловна скончалась в 1958 году. В особняк в Мертвом переулке въехал очередной посол Дании. Дом на Смоленском в 80-х отобрали у Киевского райкома и передали Дому пионеров. Ремонт растянулся на долгие годы, и можно было зайти вовнутрь, чтобы изумиться великолепию останков особняка. Через некоторое время стало ясно, что подрастающему поколению он явно не достанется, зато его получат инофирмы. Еще одна московская реликвия примкнет к дипломатическому оазису западной цивилизации в заповедном Приарбатье. Пусть не подумают, что это лишний повод уколоть УПДК или СП, достаточно бережно в сравнении с иными ведомствами до сих пор относившихся к памятникам. Жаль просто дома, который превратится в добротный, переделанный на западный манер офис. Жаль всего: особняков, морозовских картин, растворившихся в гигантских музейных собраниях, отлеживающихся в запасниках или новомодных депозитариях (каковым обладает пока только Третьяковская галерея, давно вычеркнутая из московского культурного обихода). Пусть хотя бы репродукции напомнят о забытом одними и никогда не виденном другими. Жаль забытых людей — богатых и бедных, по-русски безалаберных, но одаренных исключительной, неповторимой талантливостью...

М. К. Морозова в старости.

Валентин Серов. ПОРТРЕТ М. А. МОРОЗОВА.

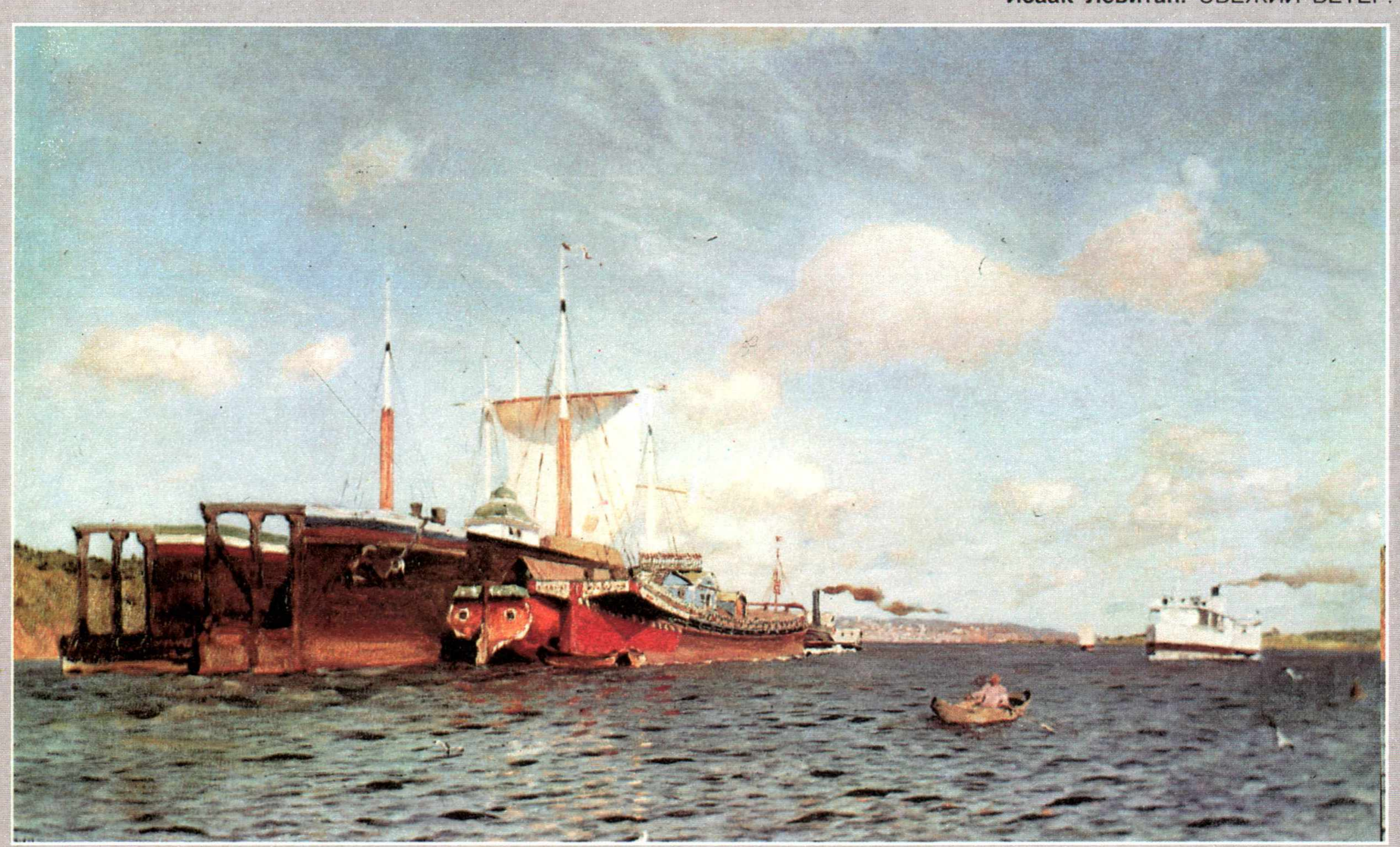
Винсент Ван Гог. МОРЕ В СЕНТ-МАРИ.

Валентин Серов. ПОРТРЕТ МИКИ МОРОЗОВА.

Эдуард Мане. КАБАЧОК.

Исаак Левитан. СВЕЖИЙ ВЕТЕР.

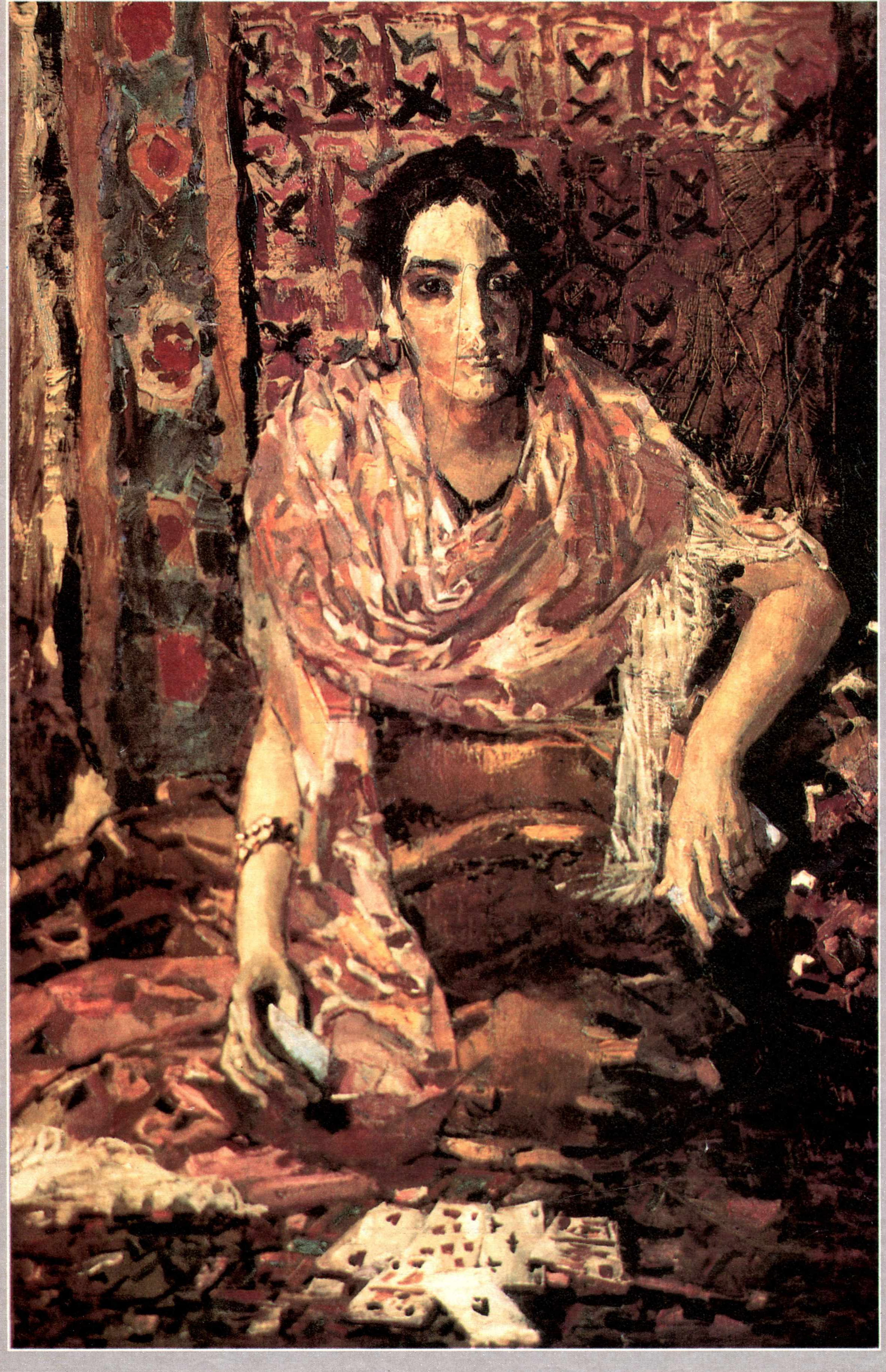
Анри Тулуз-Лотрек. ПЕВИЦА ИВЕТТ ГИЛЬБЕР.

Константин Коровин. В ЛОДКЕ.

Эдвард Мунк. ДЕВУШКИ НА МОСТУ.

Михаил Врубель.
ГАДАЛКА.

ВВО «ВНЕШТЕРМИНАЛКОМПЛЕКС» при ГУГТК СССР осуществляет декларирование, таможенное консультирование, фактурно-лицензионные отправления, хранение грузов на таможенных складах-терминалах, издательство и брокерскую деятельность, таможенные аукционы.
113184, Москва, ул. Землячки, 3. Телефон 233-04-25, телекс 412190 ZENIT, телефакс 200-42-13.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЦЕНТР «ИНГЕОКОМ» продает организациям и гражданам — за рубли — комплектующие и расходные материалы ПЭВМ PC/XT, PC/AT, тонеры для ксероксов, ленты и кассеты к принтерам. За СКВ со счетов «Б» и «В» Внешэкономбанка — холодильники, стиральные машины, аудиовидеотехнику. Бесплатно вам организует продажу неликвидов и сверхнормативных запасов. Купит списанную автомобильную, строительную и оргтехнику.
Москва, пер. А. Гайдара, д. 10, стр. 2, телефон 921-88-31.

АССОЦИАЦИЯ «СТРОЙТЕХИНФОРМАТИКА» предлагает информационные технологии проектирования, бухгалтерского учета, планирования, материально-технического обеспечения и автоматизации делопроизводства в строительстве с использованием автоматизированных технологических линий и рабочих мест. Осуществляет поставки персональных компьютеров, совместимых с IBM-PC/AT, периферии и локальных сетей, средств оргтехники, лицензионно чистого программного обеспечения. Расчеты в рублях по ценам на 20% ниже рыночных.
Справки по телефонам в Москве: 200-44-00, 200-43-06.

СОВМЕСТНОЕ СОВЕТСКО-ШВЕЙЦАРСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «АС» предлагает систему Microsoft Windows версий 2.03 и 3.0, Cyrwin — набор программных средств, обеспечивающих полную, корректно работающую русификацию систем Windows, фирменное программное обеспечение для Windows, профессиональные шрифты для лазерных принтеров, лазерные принтеры фирмы Hewlett Packard. Все расчеты — в советских рублях!
129010, Москва, а/я 77, телефоны: 292-03-06, 230-33-76.

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ АССОЦИАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНО-СИСТЕМНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА предлагает новую разработку мобильной базы модуль-потока для монолитного домостроения мощностью 50(25) тыс. кв. м общей площади в год. В состав базы входят 32 объекта на площади 4,7 га. Оборачиваемость базы — шестикратная.
Москва, телефоны: 233-19-40, 297-30-71.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ КООПЕРАТИВНО-КОММЕРЧЕСКИЙ ЦЕНТР «АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК» предлагает видеоаппаратуру, множительную технику, оргтехнику, телефаксы, аудиовидеокассеты иностранного производства, американские сигареты. Оплата в рублях по безналичному расчету.
Адрес: ВДНХ СССР, 7-й павильон. Телефоны: 150-55-77, 562-96-32.

СП «ПАРАГРАФ» предлагает наилучшие шрифты для лазерных принтеров, русификаторы популярнейших пакетов, защиту компьютерной информации ParaDisk, пакет МАСТЕР, редактор текста ЛексиконПлюс, систему связи между ЕС ЭВМ и ПК, шахматные, игровые и психологические программы.
103051, Москва, Петровский б-р, 23. Телефоны: 200-25-66, 924-17-81, 928-12-21.

ИНСТИТУТ ЦНИИЭП КУРОРТНЫХ ЗДАНИЙ принимает заказы на разработку проектов гостиниц, санаториев, горнолыжных комплексов, пионерских лагерей, домов отдыха. Выполняет научные обоснования, готовит задания.
Москва, Волоколамское шоссе, 1. Телефоны: 158-04-61, 158-12-82.

СП «МИГ-MPG» предлагает лицензии на производство легкой женской и детской одежды. Модели разработаны лучшими американскими модельерами фирмы «МАККОЛ ПАТТЕРНЗ». Оплата в рублях. Москва, Пакгаузное шоссе, 1.
Телефон 153-10-21, факс 9430007.

«СКИФ» — это брокерские услуги на Российской товарно-сырьевой бирже. Физические лица, желающие стать брокерами на РТСБ, и юридические лица, нуждающиеся в услугах биржи, вас ждут по телефонам: 516-87-32, 476-91-24.
Для писем: 120224, Москва, а/я 101.

ШКОЛА МАЛОГО БИЗНЕСА — советские и зарубежные специалисты ведут подготовку и повышение квалификации менеджеров. Школа имеет комфортабельную гостиницу. Выдается сертификат менеджера. Школа осуществляет научно-внедренческую работу, проводит консультации.
Москва, телефоны: 155-07-89, 155-01-69.

ЦЕНТР «КОНСТРУКТОР» AUTODESK Authorised Dealer поставляет «под ключ» рабочие места конструктора на базе ПЭВМ IBM PC и системы AutoCAD. Устанавливает дополнительное программное обеспечение, значительно повышающее эффективность чертежно-конструкторских работ.
Москва, Шверника, 14/2.
Телефон 126-11-54.

КЭЦ «ОПТИМАКС»: ВЫСШАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ШКОЛА ДЛЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ: компьютерная грамотность, вычтехника применительно к вашим условиям, маркетинг. Компьютеры: поставка, программирование, локальные вычислительные сети «под ключ». Независимая экспертиза проектов заводов стройматериалов.
125190, Москва, а/я 131.
Телефон 152-83-14.

МП «КАНТРИ»: все виды проектных работ, сметной документации и экономические расчеты по строительству и реконструкции зданий и сооружений любого типа; юридическая консультация граждан, предприятий, организаций и кооперативов, в том числе по созданию малых предприятий; пакеты документов по малым предприятиям, обществам с ограниченной ответственностью, акционерным обществам; бухгалтерский учет, ведение финансовой документации.
Телефон 277-38-44.

ПРЕДПРИЯТИЕ «КОНТУР» проводит разработку и установку систем охранной сигнализации. Установку систем спутникового телевидения. Продажу адаптера IBM-PC. Обучение по программе PCAD разводки плат, стыковку с имеющимися станками, разводку и изготовление однослойных и многослойных плат.
Телефон 535-64-40.

МАЛОЕ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ОБУЧЕНИЕ, НАУКА, ПРОИЗВОДСТВО» реализует со склада аппаратно-программные комплексы на базе ПЭВМ IBM PC/AT/XT. Одновременно поставляются дискеты на 360 KB и на 1,2 MB. Оптовым покупателям предоставляется скидка.
Москва, телефон 291-42-97.

ОРГАНИЗАТОРЫ И УЧРЕДИТЕЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР ждут ваших разработок, стимулирующих взаимопонимание и сотрудничество. Всесоюзный этап конкурса завершится 1 марта выставкой-демонстрацией таких программ на ВДНХ СССР.
Условия конкурса можно узнать по телефонам: 240-84-59, 923-09-90.

БРОКЕРСКАЯ КОНТОРА «ВЕКТОР СП» предлагает свои услуги по выполнению всех видов операций на Российской товарно-сырьевой бирже. «Вектор СП» поможет вам в решении ваших проблем. Телефоны: 449-51-39, 449-58-40. Телефакс 449-57-76.

НТЦ «МОСКВОРЕЧЬЕ»: Новая политика во взаимоотношениях с творческими коллективами. Льготные условия и 100-процентная гарантия полной и своевременной выплаты по договорам подряда, а также участие в обеспечении коллективов заказами на продовольственные и промышленные товары. Москва, ул. Пятницкая, 36. Телефоны: 231-29-72, 231-49-13.

ОРГАНИЗАЦИЯ обеспечивает поставку радиоэлектронной, вычислительной и оргтехники из ФРГ.
103045, Москва, а/я 90. Телефоны: 437-52-98, 436-71-64, телекс 411700 INSYS 2071, факс 200-22-15 (200-22-17) INSYS 2071.

ОРГАНИЗАЦИЯ приглашает предприимчивых, активных людей (включая инвалидов) для хорошо оплачиваемой работы на домашнем телефоне.
Москва, телефон 359-25-96.

Опубликовать небольшое объявление в «Бизнес-блокноте» в сжатые сроки в журнале «Огонек», а также в газетах «Московские новости», «Советская культура», «Торговая газета», «Куранты», «Гудок» вам поможет ТО «Эскарт». Звоните нам по телефонам: 285-77-09, 359-25-96.

Однажды в Московском фотоклубе, желая отметить работы фотографа, я сказал, что они профессиональны. И тут же услышал возмущение окружавших меня фотографов: «Нет, это любитель!»

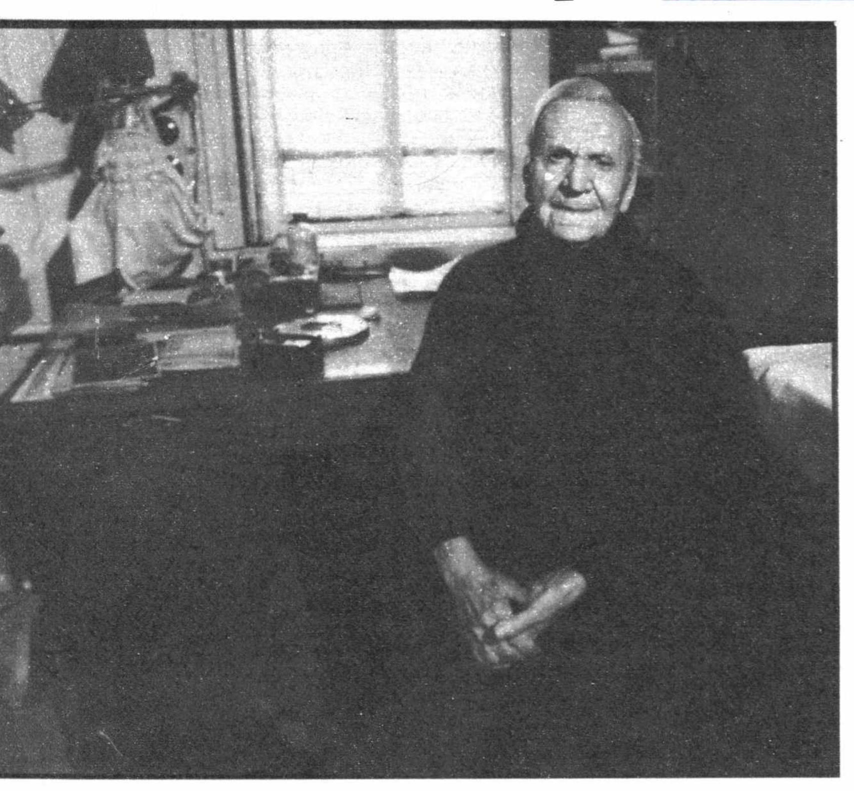
Можно без конца спорить о преимуществах профессионального и любительского фотомастерства, однако, видимо, каждое из двух этих больших направлений должно существовать без права на приоритет. Просто задачи у них разные.

В этом выпуске «Семейного альбома» мы рассказываем о двух фотографах-любителях из Екатеринослава-Днепропетровска, работы которых прислал нам Марлен Матус. Речь идет о династии, если так можно выразиться, фотографов Вечерских. Николай Иванович Вечерский-старший служил мастером на екатеринославском заводе Шодуар. Фотопластинки, отснятые им с помощью французской стереокамеры, датируются 1901 годом. Рассматривая сейчас эти снимки, обращаешь внимание на то, что за почти столетие изменились не только одежда и прически, но и манера держаться, позы, жесты, мимика...

И в этом, пожалуй, ощущается основное отличие и определенное преимущество любительской фотографии, по крайней мере тех лет, застававшей публику «врасплох».

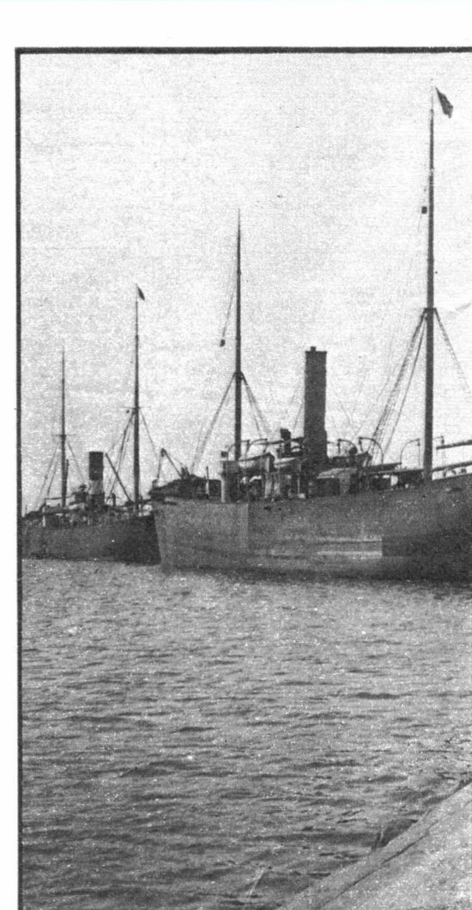
Николай Иванович Вечерский-младший увлекся фотографией в 1910 году под влиянием дяди — Вечерского-старшего. В семейном альбоме — Севастополь и боевые корабли, на которых Вечерский служил в первую империалистическую, снимки близких людей, исторические события, любопытные кадры наводнения в Днепропетровске 1931 года.

Опубликованные фотографии из альбома Вечерских позволяют проследить историю города первой трети нашего столетия.

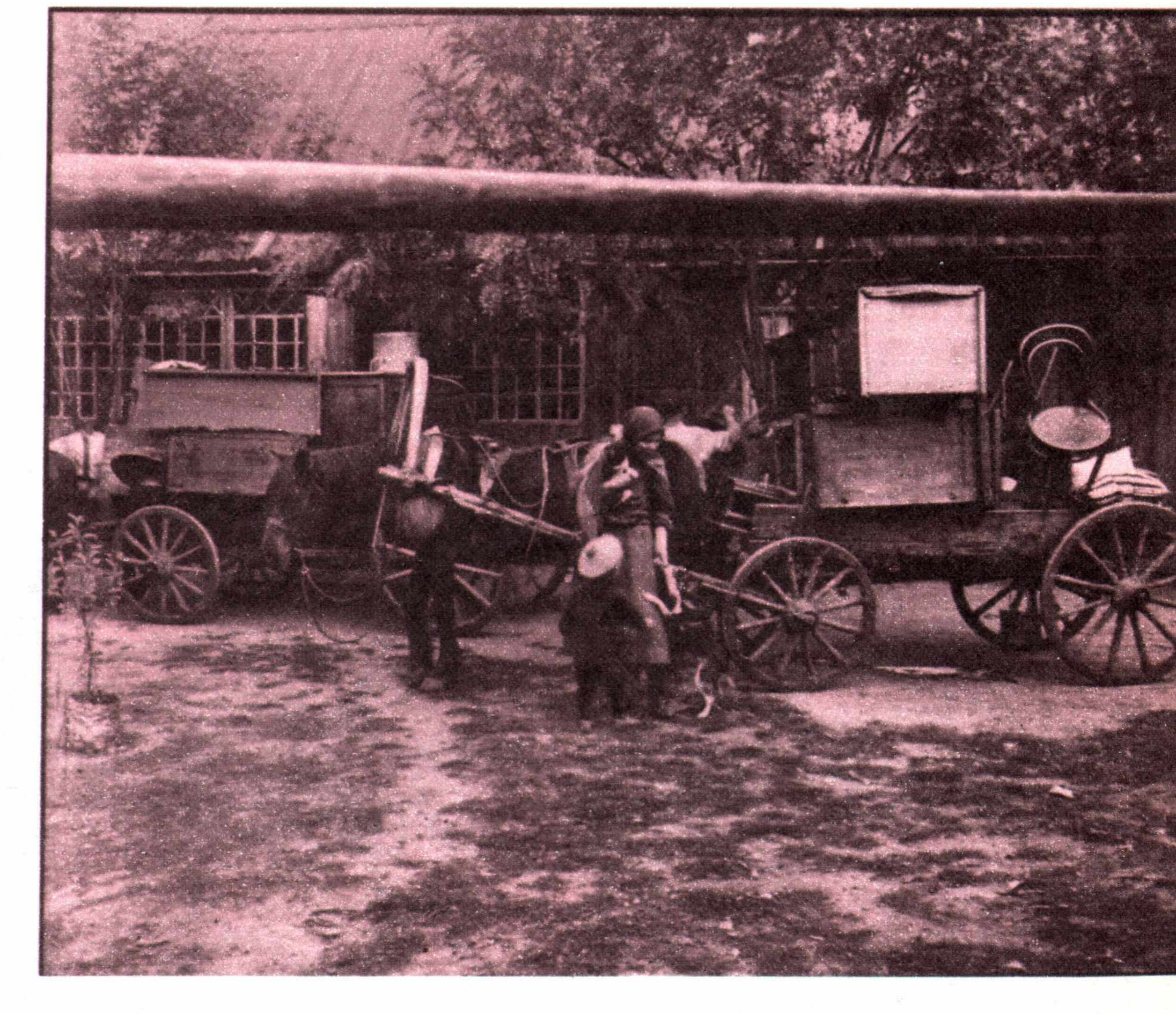
Ведет рубрику Владимир ПОТРЕСОВ

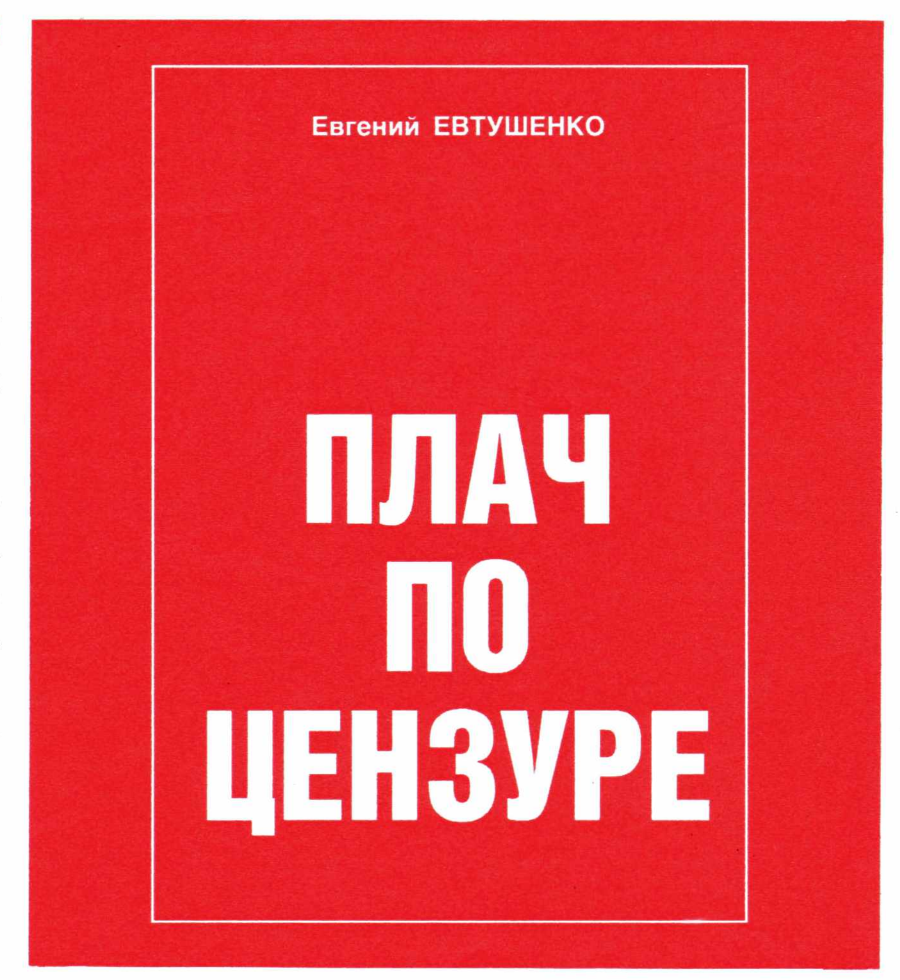

ТАТЬЯНА

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ

ВЫ ХОЧЕТЕ ПЕСЕН? ИХ ЕСТЬ У МЕНЯ!

В начале шестидесятых мне позвонил грузинский поэт Симон Чиковани, редактор тбилисского журнала «Мнатоби», близкий друг недавно умершего, не выдержавшего травли Пастернака:

«Генацвале, звоню тебе из аэропорта. Только что прилетел, отсюда еду прямо в ЦК. Вызвали на Секретариат. Мозги промывать будут. И ты знаешь кто меня предал? Грузины! Что происходит с грузинским народом, как низко он пал! Мне стыдно, что я грузин...»

Такие слова редко можно услышать из грузинских уст.

«Что случилось, Симон Иванович?» — встревоженно спросил я.

«Когда я узнал, что автобиографию Бориса не хотят печатать по-русски, я напечатал ее у себя в «Мнатоби» по-грузински. Я был уверен, что в Грузии не найдется ни одного человека, который меня предаст и донесет в Москву. И ты представляешь — меня предал кто-то из грузин... Что происходит с грузинским народом, что происходит...»

Я невольно улыбнулся возмущению Симона Ивановича, потому что тираж «Мнатоби» был около пятидесяти тысяч, и «недонос» на опубликование — даже по-грузински — автобиографии только что разоблаченного «врага социализма» Бориса Пастернака был практически невозможен. Предательство преподавалось как норма поведения. К счастью, оно не всем прививалось.

Через несколько часов Симон Иванович приехал ко мне прямо из ЦК гораздо более веселым, да еще и выпившим (!).

Он рассказал мне, что головомойка на Секретариате была короткой.

Дмитрий Алексеевич Поликарпов, заведующий Отделом культуры ЦК, сам докладывал этот вопрос, сам и «прорабатывал» Чиковани, но сам и боролся за то, чтобы выговор был "без занесения". Затем он пригласил Чиковани к себе в кабинет.

— Ну, мы победили...— сказал он со вздохом облегчения, хотя побеждать ему приходилось практически себя самого.— Теперь можно и попраздновать. Ты что думаешь — я забыл твое гостеприимство в Грузии?

Поликарпов открыл сейф, достал из него бутылку водки, бутерброды с колбасой. Они выпили.

— Только ты больше меня не подводи! — сказал Поликарпов, наставительно подняв указательный палец, и они выпили по второй, а потом по третьей. Когда бутылка была пуста, Поликарпов, еле заметно покачиваясь, снова пошел к сейфу и вытащил оттуда — что бы вы думали? — старомодную вектролу, заводящуюся ручкой. Чиковани был уверен, что он поставит сейчас русскую народную или Клавдию Шульженко, но личный вкус Поликарпова оказался неожиданно «упадочным»: он в своем угрюмом идеологическом сейфе держал вместе с водкой бывшего эмигранта Александра Вертинского, который когда-то оплакал в одной из песен убитых юношей-юнкеров.

Чиковани рассказал мне о тайне поликарповского сейфа почти шепотом, хотя мы были с ним вдвоем:

— Знаешь, генацвале, когда он завел Вертинского, после того как прорабатывал меня за недостаточную партийную бдительность, мне стало не по себе. Это было так же, как если бы председатель общества вегетарианцев тайком, как Васисуалий Лоханкин, жрал по ночам мясо, да еще из чужих кастрюль...

Поликарпова я хорошо знал еще задолго до рассказа Чиковани о тайной любви несгибаемого идеолога к Вертинскому.

Несмотря на эту поразившую меня сентиментальную «червоточинку», Поликарпов был одним из убежденных представителей старой сталинской гвардии. После антисталинского доклада Хрущева на XX съезде Поликарпов написал свое особое мнение в Политбюро и оказался на время в опале. Он был последним коммунистическим фанатиком, которого я видел,— после пошли циники. Поликарпов не был мастером заспинных интриг и говорил писателям то, что думал, в глаза, но то, что он думал, было ужасно. Партия для него была выше всего — выше всех людей, включая его самого.

Говорят, во время войны он работал чуть ли не по двадцать четыре часа в сутки как председатель Комитета по радиовещанию. Охотно верю. Эти люди себя не жалели. Но и других тоже. Затем Поликарпова «бросили» на писателей. Вот реальная история, впоследствии ставшая анекдотом: Поликарпов был на приеме у Сталина и просил перевести его на другую работу, ибо все писатели, как печально доложил Поликарпов, это пьяницы, бабники и скрытые или явные антисоветчики. Сталин слушал его слушал, а потом взял да и сказал, попыхивая трубкой:

— Все верно, товарищ Поликарпов, все верно. Действительно, наши писатели почти поголовно — пьяницы, бабники и скрытые или явные антисоветчики. Но справедливый гнев нашего народа уже уничтожил наиболее одаренных из наиболее зловредных писателей. Что же делать с оставшимися?

Любая уважающая себя страна, товарищ Поликарпов, не может остаться совсем без писателей. У меня нет других писателей для вас, товарищ Поликарпов. Поэтому идите и работайте с этими.

Итак, я принадлежал к тем писателям, с которыми, по сталинскому указанию, и работал Поликарпов. Впервые я столкнулся с ним во время его опалы, когда его «перебросили» в Литинститут. Разумеется, он не мог меня любить, потому что он был сталинистом, а я — антисталинистом. Может быть, таких, как я, он даже презирал, ибо считал нас конъюнктурщиками. Поликарпов несколько раз хотел исключить меня по разным поводам, но никак не получалось. Однажды он вызвал меня и с хмурым торжеством протянул мне милицейский протокол. В нем черным по белому было написано, что я, студент Литинститута Евтушенко Евгений Александрович, родившийся 18 июля 1933 года на станции Зима Иркутской области и проживающий по адресу Четвертая Мещанская, д. 7, кв. 2, будучи в состоянии сильного опьянения, приставал к женщине-таксисту, требуя, чтобы она повезла меня к ней домой, а затем разбил автомобильное окно и плюнул ей в лицо.

— Ну, теперь тебя ничто не спасет,— сказал Поликарпов, обращаясь ко мне по привычке старой партийной гвардии на «ты».

— Все правильно,— ответил я,— дата, место рождения, адрес. Только подпись не моя.

Поликарпов, думая, что я выкручиваюсь, немедленно поехал со мной в отделение милиции. Но там подтвердили, что мои паспортные и адресные данные сообщил как свои совсем другой человек. Впоследствии выяснилось, что это был стихотворец Лев Халиф, несколько раз пользовавшийся моим гостеприимством и отплативший мне вот таким образом. С того раза Поликарпов стал несколько остерегаться делать по поводу меня слишком поспешные выводы.

Судьба распорядилась так, что Поликарпову и мне было суждено сталкиваться лицом к лицу множество раз. Цензоров из Главлита я никогда не видел. Их так и называли «невидимками». С ними общались только ответственные секретари и главные редакторы. За исключением Твардовского. Он говорил, что никогда не унизится до того, чтобы разговаривать с цензором, ибо это будет как бы признанием права цензуры на существование. Лицемерное правило заключалось в том, что редакторы должны были сообщать замечания цензуры писателям как свои собственные. Когда мой роман «Ягодные места» остановил главный официальный цензор — председатель Комитета по охране государственных тайн в печати П. А. Романов и я позвонил ему, он не без барского удовольствия сказал мне бархатистым отеческим баском: «Дорогой Евгений Александрович, вас кто-то неправильно информировал о наших задачах. Мы ничего не запрещаем. Мы лишь обращаем внимание редакции на те или иные нюансы, которые могут быть во вред нашей стране. Вот, например, сейчас у меня на столе лежит статья одного известного журналиста о его поездке в Японию. Он пишет как бы только о Японии. Он все время восхищается Японией — например, японской вежливостью. Он так ее умиленно расписывает, эту японскую вежливость, что ежу, простите, понятно,— все это делается лишь для того, чтобы противопоставить ее нашему советскому хамству. Есть у нас хамство? Конечно, есть. Я совершенно не против того, чтобы наши писатели обличали это хамство, и как можно беспощадней. Но на конкретных случаях, дорогой Евгений Александрович, на конкретных, а не на обобщениях, да еще через Японию! Так вот, как и в случае с вашим романом, мы сообщим редакции наше мнение, а уж дело редакции — печатать или не печатать. Мы ничего не запрещаем — только обращаем внимание. Так что не по адресу вы обращаетесь, дорогой Евгений Александрович, не по адресу...»

Поликарпов в такие игры не играл. Если он что-то запрещал — запрещал открыто. По его мнению, ничего стыдного в таком запретительстве не было — так оно и полагалось. Как видим, в минуты отдохновения его усталую от ежедневной классовой борьбы душу трогал, например, Вертинский. Но, может быть, рядом с пластинкой Вертинского в сейфе Поликарпова лежала подписанная им же инструкция радиовещанию не слишком популяризировать этого чрезмерно «эстетского» певца? Наследник Поликарпова — В. Шауро однажды проводил со мной «отеческую» беседу в течение 9 часов (!), я вошел в его кабинет в 10 утра, а вышел в 7 вечера. Где-то в середине разговора, смертельно устав, как и я, Шауро спросил меня: «Отдохнем немножко, Евгений Александрович?» Я, честно говоря, надеялся, что вместо «партийных сушечек» он предложит что-то посущественней. Но Шауро исчез в задней комнате и появился с японским кассетником (наша идеология по технической оснащенности далеко опередила Поликарпова с его скромной отечественной вектролой, заводившейся вручную!). Что же услышал я в штабе нашей идеологии, после того как здесь при Поликарпове звучали песни «упадочного» Вертинского? Еще более «упадочные» песни Высоцкого, которые ни разу при его жизни не были выпущены официальной большой пластинкой. От кого же зависел выход этой большой пластинки? Как раз от того человека, который так любовно проигрывал мне неофициальную запись Высоцкого на японском кассетнике. Шауро, правда, все-таки помог выйти пластинке-крохотулечке Высоцкого. Но вот на большую пластинку Высоцкого его большой любви не хватило.

У меня была забавная история с моей невинной лирической песней «В нашем городе дождь» на музыку Колмановского. В 1963 году эту песню в газете «Советская культура» тоже разгромили как «упадочную». Песню затем запретили исполнять. Когда у меня был в Театре эстрады творческий вечер, перед самым началом певица Майя Кристалинская сказала мне, что ее предупредили: если она споет эту песню, ей отменят какие-то важные гастроли. «Спойте вы,— предложил я выступавшему в концерте Марку Бернесу.— Вы настолько знамениты, что вам нечего бояться». Но Бернес уперся — он сказал, что эта песня не для его голоса

Окончание. См. «Огонек» №№ 5, 6.

и что он не может петь песню, слов которой не знает наизусть. «Спой сам,— предложил он.— Ты же знаешь и слова, и мелодию». И я, минут за пятнадцать до начала концерта, начал репетировать вокал (!). Меня спасло только то, что, послушав, Бернес переменился в лице, с братской жалостью обнял меня и сказал: «Увы, мой дорогой, вокал — это не твоя стихия».

В 1963 году я читал в ВТО отрывки из еще не напечатанной поэмы «Братская ГЭС». Кажется, особенно вдохновенно я читал главу «Револьвер Маяковского». Она заканчивалась такими строками:

Пусть до конца тот выстрел
не разгадан,
в себя ли он стрелять нам
дал пример?
Стреляет снова,
рокоча раскатом,
подъятый над эпохой револьвер.
Он учит против лжи, все так же
косной,
за дело революции стоять.
В нем нам оставил пули Маяковский,
-чтобы стрелять,
стрелять,
стрелять.

Едва я завершил читать эту главу, как в зал вбежала девушка и закричала: «Убили Джона Кеннеди!» С той поры со словом «стрелять» я обхожусь осторожнее, избегая его даже в символическом смысле.

Убийство Джона Кеннеди потрясло не только американцев, но и их искусственных антагонистов — русских. Самое искреннее горе и сочувствие стольких так называемых простых советских людей показало, что, к счастью, «образ врага», который мы столько лет строили из американцев, у нас не привился.

Бернес предложил мне написать песню на смерть Кеннеди. Первый вариант ему не понравился, и он был прав. В этом варианте было слишком много обвинений по адресу убийц и мало разделенности горя с американским народом. Был элемент политической полемики, неуместный в реквиеме. Родился второй вариант, начинавшийся так:

Колокола в Америке взывают,
и птицы замедляют свой полет,
а статуя Свободы, вся седая,
печально по Америке бредет.
Она бредет средь сумрака ночного,
покинув свой постылый постамент,
и спрашивает горько и сурово:
«Американцы, где ваш президент?»

Последняя строка стала трижды повторявшимся рефреном.

Песня, записанная в исполнении Бернеса на музыку Колмановского, производила на тех, кто ее слышал, огромное впечатление. Она была принята на радио, и все мы с нетерпением ждали выхода песни в эфир. Оставалось всего несколько дней, и вдруг меня вызвали в ЦК к Поликарпову. По приятным поводам меня к нему никогда не вызывали. Поликарпов был мрачнее тучи. Но, впрочем, это было его обычным состоянием. Улыбающимся я его не помню. Когда Поликарпов однажды увидел поэта Луконина в спортивной кепке с игривой искоркой, он показал ему свою серую велюровую шляпу и мрачно сказал:

— Чтобы завтра у тебя была такая же шляпа, как у меня...

Однажды он отчитал Константина Симонова за то, что тот не выкупает продукты из спецраспределителя.

— Ты что этим хочешь сказать, Костя, что ты лучше всех других? Раз партия решила, что тебе положено, значит, положено.

В таком же хмуром поучающем стиле мастодонта-ворчуна он начал и разговор со мной о песне, посвященной памяти Джона Кеннеди.

— Ты что, нас с американцами поссорить хочешь своей песней?

— Я вас не понимаю, Дмитрий Алексеич... То раньше вы меня все время упрекали, что я поддаюсь на удочку американской пропаганды, то сейчас вы вдруг заботитесь, как бы американцы не обиделись. Разве в этой песне есть хоть слово, оскорбительное для американского народа?

— Она вся оскорбительная.

— Чем?

— А тем, что ты в ней все время спрашиваешь «Американцы, где ваш президент?». Как это — где?! Американский президент там, где ему надлежит быть,— в Белом доме. У него есть имя и фамилия: Линдон Джонсон.

— Да, но я же имею в виду Джона Кеннеди?

— Мало ли что ты имеешь в виду. Убили-то того, а обидеться может этот.

Песню так и запретили, а ее музыку, «чтобы не пропадала», Колмановский использовал в песне, близкой по теме: «Пока убийцы ходят по земле».

(Когда-то Главпур, долгое время запрещавший «Хотят ли русские войны», предлагал Колмановскому найти другого поэта, чтобы тот написал на эту музыку другие слова.)

Анализируя, почему партийный идеолог неожиданно воспылал любовью к Линдону Джонсону, я думаю, что все-таки это была неправда. Такая же неправда, как попытка запретить спектакль «Под кожей статуи Свободы» на Таганке под предлогом того, что может обидеться приезжающий с официальным визитом Никсон, как это происходило в 1972 году.

Почему у кинорежиссера Саввы Кулиша из его фильма «Мертвый сезон» вырезан эпизод, где советский разведчик, находясь за границей, плачет, видя по телевизору, как убивают Джона Кеннеди?

Савве Кулишу этого никто не мог логически объяснить, но в этой кастрации был свой зловещий тайный смысл.

Не надо, чтоб наши разведчики плакали об ихних президентах.

Думаю, что по той же самой причине и запретили мою песню с рефреном «Американцы, где ваш президент?», ибо не надо, чтобы по нашему радио наш знаменитый певец пел написанную нашим поэтом слишком грустную песню о человеке, который все-таки принадлежал не к социалистической, а к капиталистической системе.

Вот какие биографии бывают в России у песен и у поэтов.

«А вы еще после всего этого хочете песен? Их есть у меня, но все меньше и меньше...»

КОНЕЦ МАСТОДОНТА

Поликарпов, видимо, был глубоко несчастливым человеком, ибо преданность партии сочеталась у него с неповоротливостью. Громоздкость, тяжеловесность уже были не столь в цене, сколь умение изгибаться вместе с генеральной линией партии. Генеральная линия партии обладала гибкостью женщины-каучук. В политическом цирке такой человек, как Поликарпов, был подобен бывшему артисту, отыгравшему все свои роли, которого из милости держат возле арены с граблями для выравнивания песка. В своем мрачно-серьезном отношении к своим обязанностям Поликарпов иногда был по-кафкиански абсурден на фоне ловкачей, балансирующих на слабо натянутой политической проволоке. Ольга Ивинская в книге «У времени в плену» приводит пародийную историю, когда Поликарпов, приехав в Переделкино, пригласил Пастернака в ЦК, на встречу «с одним очень важным лицом». Пастернак, предполагая, что это будет Хрущев, поехал. Каково же было его невеселое изумление, когда его завели в кабинет, где сидел оказавшийся единственным важным лицом тот же самый Поликарпов.

В 1964 году скоропалительно сняли Хрущева. В материалах октябрьского Пленума, избравшего на его место Брежнева, не было никаких внятных объяснений, почему снят Хрущев. В это же самое время я должен был выезжать в Италию с поэтическими выступлениями. За день до поездки меня вызвал Поликарпов.

— Есть такое мнение,— сказал он, не глядя мне в глаза.— Надо отложить твою поездку. И вообще — чего ты там не видал, в этой Италии? Я вот, например, даже в Крыму ни разу не был.

— Дмитрий Алексеевич, но ведь эту поездку организовывали люди. Они вложили в это и свои силы, и средства.

— Ничего, перебьются. В общем, пиши телеграмму, что ты болен.

— Не буду писать никакой телеграммы. Я уже писал одну такую в Америку. Стыдно потом было. Да и разве можно начинать новому первому секретарю партии свою деятельность с запрещения поездок писателей? Ведь именно так это будет интерпретировать реакционная пресса...

Поликарпов задумался. На его медальном лице римского легионера происходило размышление, тяжело шевелящее глубокими гражданственными морщинами.

— Обожди меня здесь,— сказал он и вышел.

Вернулся он через полчаса, еще более мрачный и озабоченный.

— Политическая ситуация с поездкой изменилась,— сказал Поликарпов отрывисто, по-деловому.— Есть такое мнение — тебе надо ехать в Италию.

Он тут же снял трубку, позвонил в Союз писателей по «вертушке»:

— Отправляйте товарища Евтушенко завтра в Рим. С билетом для него у вас все в порядке?

Видя, что у меня все в порядке, я не удержался и спросил:

— Дмитрий Алексеевич, а как же мне отвечать на пресс-конференциях, если меня спросят, в чем все-таки причина снятия Хрущева? Ведь в материалах октябрьского Пленума нет никакой ясности.

Поликарпов с преувеличенным вниманием начал перебирать груду папок на столе, как будто там и скрывалась та самая ясность, которая была столь необходима человечеству.

— В общем, так, давай увидимся сегодня в семь вечера у Суркова. Я тебя снабжу всеми необходимыми материалами.

Сурков в то время был секретарем Союза писателей, отвечавшим за иностранные связи.

Я рассказал Суркову о разговоре с Поликарповым, и оба мы сгорали от нетерпения увидеть «все необходимые материалы», проливающие наконец-то свет на снятие Хрущева. Ровно в семь за окнами появилось огромное черное тело «Чайки», и оттуда вышел Поликарпов в традиционной серой велюровой шляпе, в таком же сером габардиновом плаще и с яркой оранжевой клеенчатой папкой под мышкой, выделявшейся на фоне общей цветовой суровости его мужественно-монументального облика. Разговор неожиданно оказался коротким.

— Значит, едешь? — спросил Поликарпов, не глядя мне в глаза.

— Еду...— ответил я с некоторой опаской.

— В Италию?

— В Италию, в Италию,— успокоительно заверил его Сурков, как будто отводя подозрения, что я собираюсь вылететь в ЮАР по приглашению расистов.— Билет уже на руках. Вылет завтра утречком.

— Ну, ладно...— вздохнул Поликарпов, неожиданно для меня и Суркова вставая и протягивая мне руку.— В общем, держись.

— А как же материалы, которые вы обещали? — не выдержал я.

Поликарпов положил на стол оранжевую папку.

— Тут все...— сказал он, опять не глядя в глаза.— Держись в этом направлении. Но откроешь папку лишь в воздухе.

Черная «Чайка» за окном снова приняла в свое чрево Поликарпова, а я и Сурков напряженно глядели на оранжевую папку, лежавшую на зеленом сукне стола.

— Откроем, Алексей Александрович? — предложил я.

— Я член партии со времен гражданской войны,— усмехнулся Сурков.— Партийная инструкция была открыть только в воздухе.

Однако в его глазах я поймал некоторую надежду на мою беспартийность. Я взял папку в руки — она была липкая на ощупь — и с беспартийной безответственностью открыл ее. Сурков прежде меня нырнул носом в бумаги, которые там лежали. И, хотя партийный Сурков и я, беспартийный, были литературными врагами, мы начали сначала нервно, неверяще, а потом весело, безудержно хохотать. Те загадочные «материалы», которые надлежало открыть только в воздухе, представляли собой всего-навсего ничего не говорящие о причинах снятия Хрущева вырезки из «Правды», тассовские информации, брошюру Политиздата об октябрьском Пленуме. И вдруг Суркова прорвало. Продолжая содрогаться от инерционного хохота, он в ярости затряс этими пустыми бумажками и, задыхаясь, с глазами, полными злости и слез, выкрикнул: «И вот так — всю жизнь! Всю жизнь!»

Кто знает, может быть, и у Поликарпова были подобные моменты, но я не был их свидетелем. Впрочем, однажды я был свидетелем его унизительного поражения. Это было осенью 1967 года. Я должен был ехать на месяц по приглашению Университета Сантьяго-де-Чили, но перед этим по пути остановиться на три дня в Копенгагене для поэтического вечера по приглашению Компартии Дании. И тут произошла классическая ситуация — меня вызвал Поликарпов.

— Что это за поездка? — раздраженно спросил он.— Какое отношение Дания имеет к Чили?

— Это по пути,— насколько можно терпеливей объяснил я.

— Мало ли что по пути. Вот побываешь в Чили, возвратишься домой, а потом уже и в Данию. Разъездились.

В психологии Поликарпова, человека, воспитанного и воспитывавшего других во времена железного занавеса, такая нормальная для нормального человека поездка была непредставимой.

— В общем, есть такое мнение — и не только мое — в Данию тебе сейчас ехать не резон,— твердо заключил Поликарпов.— Обойдешься.

— Дмитрий Алексеевич, но ведь у меня там послезавтра выступление. Объявлено во всех газетах, на улицах афиши. Это же Компартия Дании.

— Мы с ними разберемся,— сказал Поликарпов, вставая и давая мне понять, что вопрос с Данией закрыт.

Однако я не сдался. Выйдя от Поликарпова, я направился на следующий этаж, в приемную Суслова. Там стоял молодой солдат-охранник. Он узнал меня в лицо, улыбнулся и пропустил. А то ведь могли не пропустить — к членам Политбюро нужен особый пропуск.

В приемной Суслова светилась, как лампада, лысина его многолетнего помощника Воронцова. Воронцов считал себя литератором — он что-то писал о Маяковском и выпустил книгу афоризмов разных великих людей. Я как раз его и застал за этим занятием — он

наклеивал на белые листы бумаги распечатанные афоризмы. Я рассказал Воронцову о моем разговоре с Поликарповым, упирая в основном на тот факт, что мой отказ остановиться на каких-то три дня в Дании может выглядеть как оскорбление датских коммунистов советской стороной. И мной лично. Кроме того, я добавил, что Поликарпов преподносит это как не только его мнение, а мнение руководства ЦК. Воронцов снял одну из множества телефонных трубок на столе.

— Как у нас на сегодня взаимоотношения с Компартией Дании? Неплохо? Есть ли какие-нибудь противопоказания против поездок советских писателей, в частности товарища Евтушенко, по приглашению датских коммунистов? Нет? Спасибо за информацию.

Воронцов положил трубку и укоризненно покачал головой:

— Дурит Дмитрий Алексеич, дурит. Капризным стал. Все ему не так. Ну да ладно. У Михаил Андреича сейчас Янош Кадар,— ну да это надолго. Напиши-ка ему маленькую записочку, я ему со срочными документами на подпись подложу.— Я написал записку. Воронцов внизу прибавил: «Согласно информации международного отдела, никаких противопоказаний для поездки тов. Евтушенко в Данию нет».

Воронцов положил мою записку на серебряный поднос поверх других документов на подпись и вплыл в кабинет Суслова, стараясь не скрипнуть дверью. Через минуту лампада его лысины вплыла обратно, сияя от сделанного доброго дела. На моей записке стояло: «За поездку в Данию. М. Суслов».

— Идите к Поликарпову,— сказал Воронцов, который был весьма доволен тем, что поставил своего слишком самостоятельного коллегу на место. Когда я добрался этажом ниже к Поликарпову, тот еще держал трубку телефона и торопливо ее положил на место. Лицо у Поликарпова было скорбным. И мрачнее обычного.

Он опустил глаза и так и не поднял их до конца разговора.

— Ты где это был?

— Да так, зашел к знакомым.

— Хорошо, что вернулся. Значит, так, политическая ситуация с Данией переменилась. Есть такое мнение, и не только мое,— в Данию надо ехать.

Я хотел было сыграть с Поликарповым шутку, свалять ваньку, начать отказываться от Дании, но пожалел его.

Мастодонт уже чувствовал свой приближавшийся конец.

Я не стал мстить ему за старое, хотя счетов к нему у меня накопилось много.

Особенно большой счет у меня был за «Братскую ГЭС», когда редактурой, а проще говоря, цензурой, этой поэмы во мне убили первоначальную идею этой поэмы, в которой я поставил Братскую ГЭС как символ социализма выше вековой мудрости египетской пирамиды, а профессионального политика Ленина поставил в один ряд с гигантами нашей и мировой литературы — Пушкиным и Толстым, что несочетаемо. Однако «Братская ГЭС» при всех ее политических наивностях была моим самым любимым многострадальным детищем, а ее главы «Казнь Степана Разина», «Ярмарка в Симбирске», «Диспетчер света», «Нюшка», на мой взгляд, остаются моими личными, не превзойденными мною самим вершинами. Не все это понимали и тогда, не все понимают и сейчас.

Когда я читал «Казнь Степана Разина» еще по клочкам рукописного черновика трем нашим знаменитым поэтам — Вознесенскому, Ахмадулиной, Окуджаве, все они реагировали весьма скептически.

— Ну, Женя, это не из твоих лучших, но и не из худших вещей,— уклончиво пробормотал Вознесенский.

Окуджава, несмотря на свою обычную сдержанность кавказского аристократа, почти закричал на меня:

— Как ты можешь воспевать этого убийцу, разбойника?!

Самой мягкой была Белла:

— Женечка, ну ты же знаешь, я бы тебя любила, даже если бы ты и не писал стихов.

Но все было перекрыто тем, что мне позвонил восхищенный Шостакович и сказал, что он написал на «Казнь Степана Разина» ораторию.

Но кто же все-таки, кроме Шостаковича, высоко оценил поэму?

Цензура — лучшая читательница.

Ни одна моя поэма ни до этого, ни после этого не проходила сквозь такие чертовы зубы и медные трубы.

Вернемся к истории публикации поэмы. Эта история была уникальной.

В 1963 году я был в глубокой опале и находился у своих родственников на станции Зима. Мне позвонил руководитель клуба «Глобус» диспетчер Братской ГЭС Фред Юсфин и пригласил меня от имени строителей. Я приплыл в Братск на пароходе «Фридрих Энгельс». Меня встречали строители — любители поэзии, подплывая к пароходу на лодках и стреляя в воздух из охотничьих ружей. Со многими братчанами я подружился на всю жизнь. Поэму в четыре с половиной тысячи строк я написал за поразительно короткий срок — начал ее в сентябре 1963-го, закончил в апреле 1964-го.

Мне позвонил Гагарин, чувствовавший себя виноватым в том, что присоединил свой голос к газетной комсомольской кампании против меня, пригласил меня прочесть отрывок из поэмы на Дне космонавтики в Звездном городке 12 апреля. Концерт транслировался на всю страну, и для меня это было бы первым прорывом к многомиллионной аудитории. Я очень волновался и взад-вперед ходил за кулисами, повторяя строчки главы «Азбука революции», которую собирался читать. Это мое мелькание за кулисами было замечено генералом Мироновым, занимавшим крупный пост и в армии, и в ЦК.

— Кто пригласил Евтушенко? — спросил он у Гагарина.

— Я.

— По какому праву? — прорычал генерал.

— Как командир отряда космонавтов.

— Ты хозяин в космосе, а не на земле,— поставил его на место генерал.

Генерал пошел к ведущему, знаменитому диктору Юрию Левитану, показал ему красную книжечку, потребовал исключить меня из программы концерта. Я, чувствуя себя глубоко оскорбленным, опрометью выбежал из клуба Звездного городка, сел за руль и повел машину сквозь проливной дождь, почти ничего не видя из-за дождя и собственных слез. Было чудо, что не разбился. Так что с тех пор каждый раз в День космонавтики во мне невольно воскресает это чувство незабытого оскорбления. С такой неприятной истории началась история публикации поэмы «Братская ГЭС». Оскорбление в Звездном городке было полностью перекрыто восторженным приемом поэмы в Братске. Я читал поэму четыре с половиной часа без перерыва. В ДК строителей вместе с другими рабочими пришли многие матери-одиночки с детьми, которых им негде было оставить. Когда я закончил читать главу «Нюшка» о таких же матерях-одиночках, как они сами, то, словно по какому-то магическому сигналу, женщины одновременно встали с мест и показали мне детей — как свое женское материнское спасибо. Какая премия может сравниться с этим?! Я вернулся в Москву как на крыльях, но их мне быстро подрезали. Поэма была, правда, принята в журнале «Юность», но мне неожиданно предложили специально приглашенного редактора поэмы. Я ничего не имел против, ибо это был замечательно талантливый поэт Ярослав Смеляков, с которым я дружил. Биография у Смелякова невеселая: он стал знаменитым в ранних тридцатых, когда ему еще не стукнуло двадцати. Он тогда работал в типографии и сам набирал свою первую книжку. Его стихотворением «Любка Фейгельман» зачитывалась московская молодежь. После ранней славы жизнь не обделила Смелякова ни сталинскими лагерями, ни финским пленом, ни опять лагерями. Когда я с ним познакомился после его последней отсидки, он был похож на мешок с переломанными собственными костями. Талант не погиб, но тоже был искорежен. В своих политических суждениях Смеляков мог иногда быть агрессивным догматиком правее Поликарпова и в то же время мог иногда разразиться такой антисоветчиной, которая не снилась всем «континентам» и «граням», вместе взятым. Я инстинктом, конечно, почувствовал, что Смелякова берут в редакторы моей поэмы неспроста, но не подозревал, какие высокие инстанции в этом замешаны. Когда Смеляков начал делать мне совершенно не поэтические, а политические замечания, я подумал, что он рехнулся, и мы ругались с ним целыми днями. Особенную мою ярость вызывало то, что у него то и дело появлялись новые замечания к главам, казалось бы, уже полностью им отредактированным. Редактура происходила в атмосфере сплошного смеляковского мата. Предлагая мне новые поправки, сокращения, вырезания, Смеляков бесился, злился не только на меня, но и на самого себя и на весь свет божий. Если бы не моя любовь к Смелякову, если бы не годы, проведенные им в лагерях, я бы, наверное, поссорился с ним. Кроме того, я не сразу, но постепенно начал догадываться, что Смеляков просто служит мне передатчиком чьих-то других замечаний. Однажды он вдруг потребовал, чтобы я полностью снял главу «Нюшка».

— Нет,— на этот раз твердо сказал я.— Без этой главы поэмы нет.

Тогда он закричал на меня, затопал ногами:

— Но с этой главой они твою поэму не напечатают! Никогда не напечатают! Ты сам не понимаешь, что ты в ней написал. Это же образ России! Обманутой, всю жизнь унижаемой России, да еще с чужим дитем! Это же страшно читать, какую картину нашей жизни ты разворачиваешь в своей «Нюшке»: «Телефоны везде, телефоны, и гробы, и гробы, и гробы». Слушай, у меня вся юность прошла в лагерях. Если ты будешь продолжать писать так, ты тоже можешь в конце концов оказаться за решеткой. Пусть хоть у тебя будет то, что недополучил я в юности. Я хочу, чтобы хоть ты был счастлив, чтобы ты ездил по своим дурацким заграницам и пил свое любимое шампанское.

Он судорожно схватил бутылку и выпил прямо из горла. В его бешеных пьяных глазах были слезы.

— Нет, Ярослав Васильевич,— сказал я, — «Нюшку» я не сниму.

Впоследствии его жена, тайком от него, рассказала мне, как он стал редактором моей поэмы.

Смеляков, столько раз униженный государством, втайне всегда мечтал быть первым поэтом государства Российского. Но государство на него или не обращало внимания, или обращало такое внимание, от которого никакими молитвами не спастись. И вдруг Смелякову, бывшему лагернику, первый раз в его жизни позвонили из ЦК и очень вежливо пригласили на беседу к секретарю ЦК по идеологии — самому Ильичеву. Смеляков надел свой лучший костюм и торжественно направился в ЦК, наивно надеясь, что признание его государственным поэтом наконец-то состоится. Кроме Ильичева, в кабинете был еще Поликарпов. И вдруг выяснилось, что они пригласили этого действительно выдающегося русского поэта совсем не для того, чтобы говорить ему комплименты о его собственных стихах. Они пригласили его, чтобы попросить стать редактором, сиречь цензором, новой поэмы Евтушенко «Братская ГЭС». Они цинично объяснили Смелякову, что я его уважаю, люблю, и, следовательно, на меня могут подействовать их замечания только в том случае, если Смеляков мне будет передавать их как его собственные. Разумеется, они все это обставили, как их самое искреннее желание помочь мне выйти с моей новой поэмой из опалы и как самое высокое гражданское доверие Смелякову. Боже мой, они хотели уготовить полицейскую роль поэту, которого столько раз эта самая полицейщина бросала за колючую проволоку! Боже мой, моего учителя они превращали в моего цензора!

После нашего разговора о «Нюшке» Смеляков поехал в ЦК, потом позвонил мне — уже с дачи:

— Приезжай, но только с поллитрой. С тебя причитается. Отстоял я твою «Нюшку». Поэма идет в набор.

Я приехал к нему, и мы зверски напились.

Поэма стояла в 1-м номере 1964 года. И вдруг в декабре Ильичев позвонил редактору «Юности» Полевому:

— Снимайте «Братскую ГЭС».

Полевой своим ушам не поверил:

— Но ведь мы же выполнили почти все ваши замечания.

— Вы что, не слышали, что я вам сказал? — повысил голос Ильичев.

— Это что — совет или приказание?

— Если вам советует секретарь Центрального Комитета, то это приказание.— И Ильичев повесил трубку.

Полевой вызвал ответственного секретаря и велел ему снять поэму из номера. И вдруг произошло нечто по тем временам невероятное. Бывший личный помощник Фадеева, заместитель редактора «Юности» С. Н. Преображенский, был в то время секретарем первичной партийной организации журнала. Он немедленно собрал общее собрание членов партии редакции — человек двадцать. Партячейка приняла резолюцию — обязать коммуниста Полевого не снимать поэму Евтушенко «Братская ГЭС» из первого номера и обратиться в Политбюро ЦК КПСС с жалобой на действия секретаря ЦК Ильичева. Письмо было немедленно передано в ЦК. Через неделю позвонил Поликарпов и попросил, чтобы типография сделала 15 оттисков поэмы для членов и кандидатов в Политбюро. Это было сделано. Недели две типография «Правда», где печатается «Юность», простаивала. Наконец мне позвонил Преображенский, триумфально разламывая трубку голосом:

— Победа! Политбюро одобрило поэму! Я только что видел на всех пятнадцати оттисках «за». А Косыгин даже сделал приписку: «Замечательная поэма». Сегодня в три часа всех нас — тебя, Полевого, Смелякова, меня — ждет Поликарпов. У него какие-то мелкие замечания. Главное — победа! Правда, поэму придется перенести теперь в четвертый номер, потому что мы не успеем внести дополнения, но это все пустяки. Главное — победа! Ильичеву теперь не усидеть.

Поликарпов, подсчитав глазами всех присутствующих, водрузил на нос очки, вынув из папки с грифом «Совершенно секретно» один-единственный листок на пишущей машинке, начал читать. К сожалению, я никогда не держал в руках этого в своем роде замечательного документа и поэтому восстановлю его по памяти, сохраняя его неподражаемый стиль и основной смысл:

«Политбюро ЦК КПСС, ознакомившись с поэмой тов. Е. Евтушенко «Братская ГЭС», считает эту поэму произведением важным, как и для творчества самого автора, так и для всей советской литературы. В поэме говорится о важнейших этапах истории нашей страны — о борьбе русского народа против самодержавия, о победе Октябрьской социалистической революции, о сегодняшнем коммунистическом строительстве. В поэме правдиво подвергнут критике культ личности, в свое время осужденный партией, и связанные с этим периодом нарушения ленинских норм демократии. Политбюро ЦК КПСС рекомендует поэму «Братская ГЭС» для печати».

Все приглашенные с глубоким облегчением вздохнули. Однако торжество было преждевременным. Поликарпов с неожиданным для него проворством партийного Кио извлек откуда-то другую бумажку и начал читать по ней уже другим, не столь религиозным голосом, из чего я заключил, что эта бумажка уже другого уровня, пониже, чем Политбюро. Кто ее написал — то ли Ильичев, то ли сам Поликарпов,— так и осталось для меня и для редакции тайной за семью печатями. Преображенский, правда, гипотетически утверждал, что все эти предложения были творчеством самого Поликарпова. Текст дополнительной бумажки был таков:

«Учитывая художественную и политическую важность поэмы «Братская ГЭС», которая как бы является учебником истории Советского государства в поэтической форме, настоятельная просьба к товарищу Евтушенко внести следующие дополнения:

1. Отразить индустриализацию нашей страны и энтузиазм первых пятилеток.

2. Воспеть подвиг советского народа во время Великой Отечественной и его многомиллионные жертвы ради мира в мире.

3. В главе «Нюшка» подчеркнуть, что тяжкая жизнь в послевоенной деревне была не только следствием бюрократического пренебрежения, но прежде всего последствием самой войны.

4. Написать гимн Партии как вдохновляющей и организующей силе нашего народа».

Поликарпов закончил чтение этого выдающегося литературно-критического документа и победоносно оглядел собравшихся из-под очков. Все подавленно молчали.

Смеляков не выдержал:

— Вы что от него хотите — чтобы он вам новый Краткий курс ВКП(б) написал?! Это же никому не под силу...

— Нельзя же в одной поэме сказать обо всем сразу...— пожал плечами Полевой.

— Мы и так уже сняли поэму из первого номера и перенесли в четвертый...— покачал головой Преображенский.— Тут же как минимум месяца на три работы. Значит, придется поэму переносить на осень?

И я уловил в глазах Поликарпова насмешливое торжество. Я вспомнил слова моей жены Гали, пригрозившей мне, что она со мной разведется, если я и дальше буду уродовать поэму. Но я не забывал и о другом, все лихорадочно взвешивая в этот миг в поликарповском кабинете. Все труднее и труднее становилось напечатать что-нибудь о преступлениях сталинизма. Страна вступала в период помпезной брежневской стагнации. В цековских и военных кабинетах уже началась работа над документом о реабилитации Сталина. Такая реабилитация, пусть даже частичная, могла отшвырнуть страну назад. «Братская ГЭС», печатающаяся лишь по исторической инерции, на долгое время могла остаться одним из последних библиотечных источников для молодежи, чтобы узнать хотя бы часть правды о времени террора и пыток. «Ничего,— подумал я.— Когда-нибудь я выброшу все, что они меня заставляют вписывать. Был же я когда-то прав, напечатав «Наследники Сталина» с навязанными мне дополнениями... Ладно, беру грех на душу, сам и ответ буду нести. Но только перед Богом, а не перед теми, кто не сделал и десятой части сделанного мной. Главное в Галилее было то, что он сказал: «А все-таки она вертится...», а не то, что он говорил, когда ему приставляли нож к горлу...»

— Для того чтобы все сделать, мне нужно не три месяца, а три дня,— сказал я, и насмешливая победительность в глазах Поликарпова потускнела.

Через три дня все собравшиеся снова встретились в том же самом кабинете. Я прижал Поликарпова, и ему пришлось читать все в нашем присутствии. Было представлено все по пунктам:

1. Глава «Бетон социализма» — о первых пятилетках.

2. Глава «Я убит» — о многомиллионных жертвах во время войны.

3. Дополнения к главе «Нюшка» — о последствиях войны в деревне.

4. Глава «Партбилеты!» (всего 16 строчек — максимум, что я из себя смог выжать).

Поликарпов буквально въедался в дополнительные главы, но со смешанным чувством боязни пропустить что-нибудь идеологически ошибочное и с тайной гордостью частичного соавторства.

— Кажется, неплохо...— сказал он осторожно, обводя нас глазами и ища в нас союзников.— Но вот о партии как-то уж очень мало. Может быть, ты еще бы поработал — гроханул бы этак строк семьсот,— а то и тысячу?

Смеляков взорвался:

— Да вы что,— Маяковский и то за всю жизнь только десять строк о партии написал. А я вот, например, ни одной...

— Да?! — переспросил его Поликарпов, тяжелея глазами, которые сразу налились каким-то прокурорским свинцом. Он как будто первый раз увидел Смелякова и кое-что безусловно засек в своей крутой памяти.

Потом Поликарпов обратился к Полевому:

— Слушай, Борис,— может быть, эти шестнадцать строчек напечатать заглавными буквами, да хорошо бы красного цвета? Чтобы они выделялись в поэме, чтобы сразу бросались в глаза...

— Нет, это невозможно...— затряс головой Полевой.— Не по политическим причинам, конечно, а по типографским. Вы же прекрасно знаете, какие у нас неандертальские машины... Я уже три раза обращался с записками в ЦК...

Рисунок Алексея **МЕРИНОВА**

Поликарпов прервал его:

— Потом, потом...— и вдруг неожиданно обратился ко мне по имени-отчеству:— Ну как, Евгений Александрович, может, все-таки поработаешь еще, напишешь еще ну хоть сотню-другую строк для родной партии?

— Да не может он больше! Не может,— вскочил со стула Смеляков, наливаясь яростью.

Поликарпов холодно смерил его взглядом:

— Он все может.

Это был самый позорный, самый страшный комплимент, который я получил в течение всей своей жизни.

«Братская ГЭС» вышла в 4-м номере 1964 года. Из нее была выброшена глава «Прохиндей», вписано три главы, вписано огромное количество балансирующих прокладок, которые я потом выбросил. Строчечных поправок всего было 593. Когда в 1964 году в мастерской художника Олега Целкова я показал Артуру Миллеру верстку поэмы, испещренную красными карандашами, он был потрясен:

— Как вы можете писать в таких условиях? Что за люди, которые вас так мучают?

Я показал ему на картину Целкова, где самодовольные уроды кромсали ножами живое тело разрезанного арбуза.

Однажды я позвонил Поликарпову по какому-то делу. Секретарша расплакалась:

— А вы еще ничего не знаете, Евгений Александрович? Дмитрий Алексеевич вчера как раз отошли... Какой все-таки это человек был! Когда я последний раз его навестила, он так мне и сказал: «Видно, отхожу... Передай жене, чтобы за эту неделю паек в распределителе не брала — не отработал». Вот какие люди были в нашей стране, Евгений Александрович! Нам с вами повезло, что мы их застали.

Я был одним из немногих писателей, которые пришли хоронить Поликарпова. Мне говорили, что у него было лицо страшно искажено нечеловеческой предсмертной гримасой, и пришлось прибегнуть к помощи хирурга. В гробу он был слишком нагримирован, чтобы можно было увидеть его настоящее лицо, которое, возможно, он прятал при жизни и которое ухитрился под гримом спрятать от смерти.

А может быть, его трагедия заключалась именно в том, что у него не было своего лица, а лишь своеобразная лицевая униформа? Поликарпов был тоже жертвой того, во что он верил или старался верить. Но верил ли он на самом деле или нет — это все-таки он унес с собой в могилу. Смерть Поликарпова — этого мастодонта сталинской эры, трагически попавшего каким-то чудом в эпоху первоначального разложения всего того, чему он ревностно служил, была переломным моментом навязанной народу идеологии примата партии и государства над человеком.

От момента его смерти было еще далеко до отмены цензуры, шестой статьи Конституции, до плюрализации общества... Тогда нам, писателям, казалось, что стоит лишь добиться отмены цензуры и жизнь, как по мановению волшебной палочки, станет прекрасной. Все оказалось гораздо сложнее.

Политическая цензура отменена (?), но есть угроза цензуры коммерческой. Экономическая цензура все еще сковывает общество. Но не надо искать спасения в прошлом. Оно кончилось вместе со смертью его мастодонтов.

Спасение в нас самих, если мы не окажемся скованными никакой цензурой и все-таки в нас победят не темные животные инстинкты, а духовное человеческое начало.

А если мы не окажемся достойными свободы — тогда мы снова запросим цензуры и снова попадем в нее на долгие годы, как в звериную клетку.

ВАМ ХОЧЕТСЯ ПЕСЕН?

Столичный ресторан «Джелгоранга» славен не только индийской кухней, но и замечательным музыкальным ансамблем. В его репертуаре национальные индийские песни, исполняемые отечественными музыкантами почти на чистых хинди, бенгали, урду, пенджаби, малаялам, а также любых других индийских языках — в зависимости от желания клиента. Арабские граждане тоже, бывает, захаживают в ресторан, и, если гости изъявляют желание, музыканты не против спеть и по-арабски. Часто загулявшие арабские патриоты требуют исполнить песню в честь «великого гражданина мира Саддама Хусейна». Вот только что именно поют в его честь музыканты, руководитель ансамбля объяснить затрудняется. «Мы петь поем,— сказал он с обезоруживающей откровенностью,— но вы сами подумайте — откуда ж нам знать, какие там слова и что они означают? Может, про волшебную лампу Аладдина, а может, про Шехерезаду... Люди платят...»

Что ж, кто платит, тот и заказывает музыку, но как-то неспокойно за музыкантов: не зная смысла, немудрено спеть что-нибудь такое...

ВЯЦКИЕ — ЛЮДИ ХВАЦКИЕ!

«Мы, вячки, парни хвачки — семеро одного не боимся, а один на один и котомку отдадим...» — сказал нам один из главных московских вятичей.

Уроженцев города Вятки, больше известного под названием Киров, в Москве не так мало. Недавно они собрались вместе в зале Академии МВД СССР для того, чтобы поговорить о создании «Вятского землячества», и потрясли всех не только количеством, но и, можно сказать, качеством... Генерал А. Колодкин, профессор Н. Пушкарев, певец А. Ведерников, космонавт В. Савиных, писатель В. Крупин, академики, работники ЦК КПСС, писатели, журналисты, художники, послы, композиторы, известная актриса Наталья Варлей и очаровательная дикторша ЦТ Наталья Фуфачева... Она и объяснила нам: «Мы собрались здесь с чувством некоторой вины перед нашей малой родиной — ведь в свое время самая способная молодежь уезжала искать счастья в столицу, вы же видите, кем они здесь стали... И наша задача — помочь возродиться нашей родине, вернуть ей то, что мы когда-то от нее получили».

«Вятское землячество» впечатляет не только составом, но и планами: содействие возрождению Вятки, ее сел, деревень, народных промыслов, помощь в создании землячеств жителям других российских городов — Смоленска, Тулы... Планы конкретные: открытие в Москве постоянного представительства Вятки, своеобразного культурного центра — «Вятского подворья», где будут проходить выставки, деловые встречи и концерты. Землячество будет оказывать помощь талантливой вятской молодежи — как деньгами (стипендии), так и содействием в получении образования... Есть планы и почти космические — поиск французского города-побратима, поиск вятичей по всему миру и многое другое... Под конец президент землячества профессор Николай Федосеевич Пушкарев, улыбаясь в симпатичную бородку, сказал: «А еще в наши планы входит захват власти в Кремле мирным путем...» Шутки шутками, но кто их, вятичей, знает?

<u>**ИХ НРАВЫ**</u>

АНГЛИЧАНЕ НАХОДЯТ СЕКС ЗАБАВНЫМ

«Любите ли вы театр?» — спросили мы у административного директора фирмы «Ренк Ксерокс» Стивена Прайора. Оказалось, не только очень любит, но и сам играет в Русском самодеятельном театре (Russian's Amateur Theatrical Society, сокращенно «RATS»). По-английски «Рэтс» означает «крысы». «Это такая шутка»,— объяснил Стивен. Английский юмор — вещь не вполне нам доступная, поэтому придется поверить на слово. «При чем тут крысы?» — спросит кто-то. «А при чем тут русский?» — ответим мы. «Рэтс» — самодеятельный театр западных бизнесменов и дипломатов, работающих в нашей стране, которым было скучно и хотелось придумать что-нибудь веселенькое. Театр существует около года, в составе актеров — третий секретарь британского посольства, жена посла Швеции, третий секретарь шведского посольства... За время существования театра было дано три спектакля — «Суетливый человек», «Вне поля зрения», «Хабеас корпус», все три — комедии западных авторов. Успех потрясающий! Количество проданных билетов по сравнению с первым спектаклем возросло в три раза! На первый спектакль пришло сорок человек, а на третий — сто двадцать. Зрители — те же самые западные бизнесмены, их жены, дети, друзья, знакомые. Билет стоит три рубля для советских зрителей и четыре доллара для иностранцев. Куда пойдут средства, вырученные от спектаклей, коллектив театра еще не решил.

Последний спектакль, поставленный театром,— это, как выразился Стивен, «комедия вокруг секса», потому что англичане видите ли, находят секс страшно забавным делом...

ИНФЛЯЦИЯ

Венедикт Ерофеев, как известно, завещал продавать свою книгу «Москва — Петушки» по цене 3 рубля 62 копейки (старая добрая цена водки). Издательство «Интербук», ныне занявшееся изданием произведений автора, продает ее по 4.12. Если по-прежнему ориентироваться на цену водки, то издательство явно отстает от времени — теперь таких цен не бывает, так что, вероятно, в скором времени «Москва — Петушки» пойдет по тридцать пять рублей — у таксистов в ночное время.

ТАКАЯ РАЗНАЯ МАША...

Молодая, но уже достаточно популярная певица с запоминающимся голосом и имиджем, шокирующим людей консервативных, Маша Распутина перед Новым годом была приглашена для участия в передаче «Браво-90» одним из организаторов этой передачи. Другим организатором Маша и ее группа были выведены из зала, причем для этого была вызвана опергруппа в составе семи человек. Маша объяснила это старым конфликтом между нею и тем самым организатором, который вывел...

Согласитесь, крутой характер Маши бросается в глаза. Поэтому нечего удивляться, что в конфликты она вступает. И часто. А вот другую сторону ее характера мало кто знает, так как певица ее не афиширует: Маша посвящает довольно много времени детям, больным СПИДом и лежащим в инфекционной больнице на Соколиной горе, поет им, дарит подарки, играет с ними.

Машин администратор утверждает, что это как раз в ее характере — не спать ночей из-за больного ребенка, который не имеет к ней никакого, казалось бы, отношения.

СПОРТ ТОЛСТЫХ И ЛЕНИВЫХ

Много чего пришло к нам с Запада за последние годы, и среди прочего — модная последние два-три столетия игра, именуемая «дартс», которой увлекаются миллионы и даже Маргарет Тэтчер. Говорят, что положили этой игре начало английские лучники, которые обламывали стрелы и метали их в круг, нарисованный на двери. В современном дартсе кидают не обломки стрел, а специальные дротики, и не в дверь, а в доску в виде круга, поделенного на сектора.

На Западе дартс — полноправный вид спорта, пусть и не такой престижный, как теннис, но призовой фонд международного турнира в этом году составил 100 000 фунтов стерлингов. А атмосфера на соревнованиях какая! Многие приходят целыми семьями, цветы, улыбки, изобилие в баре... Кстати, хорошая традиция — совмещать дартс с пивом — к сожалению, у нас вряд ли приживется. Успехи наших спортсменов в этом виде спорта невелики — дальше первого, ну второго круга соревнований отечественных фамилий вы не увидите. Да и немудрено — у нас в стране нет настоящего дартс-клуба, где можно было бы собираться для тренировок и отдыха, нет досок, нет дротиков — есть только любители дартса. Большое оживление среди наших спортсменов вызвало выступление главы фирмы, выпускающей спортивное снаряжение, на презентации этой игры в Союзе. На полном серьезе капиталист заявил, что эта игра доступна каждому: пришел в магазин, заплатил 30 фунтов стерлингов, купил доску и дротики — и играй... Наши любители дартса нервно смеялись.

БЫСТРЕЕ, ВЫШЕ, СИЛЬНЕЕ...

ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ КОСТЮМЧИК... ВИСЕЛ

Где искать первого красавца Москвы? Конечно, в Доме моды Вячеслава Зайцева, скажет эстет; в «боди-билдинговых» подвалах, скажет «качок»; в театре «Ленком», скажет кинолюб — и все они будут не правы...

Ищите его в Дании и непременно в баскетбольном зале. Именно в эту страну занесла судьба, а точнее, студенческий обмен, гордость ГЦОЛИФКа, третьекурсника Кирилла Лучинского — победителя первого мужского конкурса красоты. Почти двухметровый (1 м 98 см) и почти неотразимый русоволосый мистер совмещает в себе не только красавца и студента, но еще и кандидата в мастера спорта по баскетболу. Причем последним титулом гордится гораздо больше, чем первыми двумя. «Я мало встречал таких серьезных и таких преданных баскетболу парней»,— заметил заслуженный тренер РСФСР Евгений Коваленко. Оказывается, в угоду баскетболу Кирилл собирался бросить институт и пойти в армию, чтобы в спортивной роте родного ЦСКА целиком сосредоточиться на повышении своего мастерства. Но тренер отговорил.

Так что, милые девушки, мода на Шварценеггеров проходит, гоните своих кавалеров под щит, может, подрастут на дециметр-другой и переплавят крутые бицепсы в элегантную и худощавую баскетбольную мускулатуру. Ибо только таким образом можно достичь идеального воплощения девиза сегодняшней моды: «Чтобы висело, как на вешалке».

Только «Светская хроника» (и только для молодых читательниц «Огонька») сообщает, что почти каждые студенческие каникулы Кирилл наведывается в столицу и лицезреть его можно, конечно, в ЦСКА на тренировке армейского дубля.

АЛКОГОЛИКИ ЕСТЬ ВЕЗДЕ...

...и это очень сближает людей разных национальностей. Как, впрочем, и борьба с алкоголизмом. По какому еще поводу могли собраться за праздничным столом «звезда» эстрады в ослепительном вечернем туалете, бывший клиент вытрезвителей, ответственный работник Министерства культуры, иностранный дипломат, инвалид в коляске и подросток панковой внешности?

Примерно в таком составе собрались недавно в одном из ресторанов гостиницы «Россия» члены общества анонимных алкоголиков на безалкогольное празднование Нового года и Рождества, устроенное по инициативе и за счет двух совместных советско-американских конференций — по благотворительному сотрудничеству и по борьбе с пьянством и наркоманией.

Д. Кенти, которого без преувеличения можно назвать отцом этих движений, уже три года, с небольшими перерывами, живет в Советском Союзе. «Здесь огромное, как нигде в мире, поле деятельности для меня!» — лучась глазами, восторженно восклицает пастор. Не согласиться с ним так же трудно, как и разделить его радость по этому поводу. Цель и смысл его деятельности — нравственное возрождение людей. «Пастор, кроме всего прочего, хороший политик,— говорит один из его советских помощников.— Столкнувшись с нашими бюрократами, он понял, что бесполезно пытаться пробить эту железобетонную стену головой. Лучше пригласить на банкет две-три сотни чиновников, если это даст надежду, что пожертвованные миллионы пойдут именно на благое дело».

Но вернемся к праздничному столу. Здесь все сыты и веселы. «Звезда» с отличающей ее простотой, хлебнув «на посошок» пепси-колы и осведомившись на весь зал: «А танцы будут?», уехала на концерт. Звучат проникновенные безалкогольные речи, гремят бодрые марши в исполнении Образцового оркестра Военно-Морского Флота СССР, и кто-то сдавленно шепчет, не выдержав: «Эх, к такой бы закуске...»

КНЯЗЬЯ ВОЗВРАЩАЮТСЯ?

Недавно Москву посетил правнук русского декабриста Андрей Владимирович Муравьев-Апостол. Он прибыл из Швейцарии по делам, связанным с организацией обучения социальных работников, и остановился в гостинице ЦК КПСС.

Андрей Владимирович успел навестить могилу прадеда, посетить Музей декабристов. Он надеется присмотреть небольшой особняк где-нибудь под Москвой для того, чтобы возродить дворянское гнездо семьи Муравьевых-Апостолов, которых сейчас в разных странах мира живет четырнадцать человек. Андрей Владимирович с интересом относится к деятельности Дворянского собрания, но, к сожалению, пока не получил приглашения принять в ней участие.

— Я с удовольствием пообщался бы с ними, может быть, чем-то помог, но только если они не влезают в политику.

Этот выпуск подготовили Светлана Бавыкина и Юлия Сударенко. Им помогали Наталья Латушкина, Евгений Андросов, Вероника Боде.

Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону 212-23-07.

Рисунки Евгении ДВОСКИНОЙ

14 января исполнилось двадцать пять лет со дня смерти Сергея Павловича Королева. Предлагаем вниманию читателей отрывки из дневниковых записей Н. П. Каманина о встречах и беседах с С. П. Королевым. Публикация Л. Н. КАМАНИНА

Николай КАМАНИН

«ЕГО ИМЯ ДОЛЖНО БЫТЬ ВПЕРЕДИ...»

21 марта 1965 года

Хоть я и не сомневался, что Беляев и Леонов благополучно перенесут еще одну ночь в таежном лесу, но спалось мне неспокойно. В шесть утра я уже говорил по телефону с Москвой. Дежурный по КП ВВС доложил, что доставка космонавтов в Пермь будет осуществляться вертолетами «на перекладных» — с пересадкой из Ми-4 в Ми-6... Только около 10 часов пришло сообщение: «Вертолет Ми-6 с космонавтами Беляевым и Леоновым приземлился на аэродроме Пермь».

Назначенный на 11.00 вылет космонавтов из Перми в Тюра-Там задержался на час из-за переговоров Беляева и Леонова с Брежневым. Незадолго до выезда на аэродром для встречи новых героев космоса группа главных конструкторов и руководителей полета (Королев, Келдыш, Тюлин, Руденко, Пилюгин, Бармин, Керимов и другие) собралась в «маршальской» столовой десятой площадки. Королев провозгласил тост за сотрудничество: «Друзья! Перед нами — Луна. Давайте же все вместе работать ради великой цели освоения Луны. Помните, как дружно трудился наш коллектив?» И тут я услышал, как сидевший рядом со мной В. П. Бармин негромко произнес: «Работали дружно, когда все были главными... А теперь — один главный теоретик и один главный конструктор...»

Да, Владимир Павлович прав: былой дружбы между членами «космической кооперации» давно уже нет, и в этом есть доля вины и самого Королева. Он нередко принимает опрометчивые решения и бывает деспотичным во взаимоотношениях со своими помощниками. Не без оснований местные остряки прозвали его «Скорпионом-4». Дело в том, что при возникновении угрозы Байконуру со стороны иностранной агентуры Генштаб немедленно оповещает соответствующие службы полигона кодированными сигналами. Код «Скорпион-1» означает, что в районе полигона по железной дороге проезжают иностранцы — они могут запеленговать работающие радиостанции и тем самым определить дислокацию и количество пусковых площадок. Сигнал «Скорпион-2» означает пролет разведчиков в самолетах гражданской авиации, «Скорпион-3» — другие, более серьезные акции иностранной разведки. По любому из этих сигналов жизнь на Байконуре на несколько минут замирает...

Королев узнал о «Скорпионе-4» три дня назад и в самый неподходящий момент. Оставалось около двух часов до пуска «Восхода-2», подготовка ракеты, корабля и экипажа шла строго по графику, обстановка на старте была спокойной. Наверное, именно поэтому предстартовые минуты казались нам особенно долгими. Чтобы как-то скоротать время в ожидании пуска, Королев, Бармин, Северин и я решили обсудить наши планы на будущее. Завязавшийся деловой разговор проходил в непринужденной манере и лишь изредка прерывался небольшими паузами. И вот в одну из таких пауз Северин, неожиданно обратившись к Бармину с вопросом: «А знаете ли вы, как на полигоне называют Сергея Павловича?» — начал рассказывать о «Скорпионах»... Реакция Королева была бурной. Вспыхнув, он заявил срывающимся голосом: «Фашистским скорпионом я никогда не был! «Скорпион-4» — это неумная выдумка недалекого человека. Я надеюсь, что мои друзья не станут распространять обо мне подобные пошлости...» Выпалив эту тираду, Сергей Павлович отошел от нас — наступило неловкое молчание. Больше всех, конечно, переживал Г. И. Северин, ненароком оскорбивший своего старшего друга. Королев относится к Гаю Ильичу с отеческой добротой, высоко ценит его инженерное дарование и возлагает на него большие надежды. Что и говорить, очень неудачно пошутил тогда Северин...

...В 17.30 мы встретили космонавтов на аэродроме Тюра-Там. Все дружно расхохотались, когда в дверях самолета Ан-10 показались Беляев и Леонов в летном обмундировании и унтах.

31 марта

Мне позвонил Королев и попросил организовать поездку Беляева и Леонова в Калугу. Сергей Павлович сказал, что в первых числах апреля он должен вылететь на полигон для руководства пуском лунника: Совет Министров рассмотрел вопрос о наших «неудачах с Луной» и настоятельно рекомендовал всем главным конструкторам лично участвовать в пусках ракет на Луну. По тону, каким было передано это сообщение, я почувствовал, что Королеву очень не хочется отрываться от больших дел здесь, в Москве, но он вынужден повиноваться требованию Совмина и опять лететь в опостылевший ему Байконур. Я понимаю Сергея Павловича: его здоровье серьезно подорвано, к тому же здесь у него много забот по руководству всей космической программой.

2 апреля

Более часа беседовал с Королевым один на один в его ОКБ. Сообщив Сергею Павловичу о возможной встрече космонавтов и руководства ВВС с Брежневым и Косыгиным, я сказал, что если такая встреча состоится, то мы будем добиваться «объединения космоса» на базе ВВС, заказа на постройку 8—10 учебных космических кораблей типа «Восход» и преобразования ЦПК в космический научно-исследовательский испытательный институт. Королев обещал поддержать все наши предложения, сказав, что со мной и Вершининым он будет работать с удовольствием, но его смущает перспектива необходимости взаимодействия с Руденко и Пономаревым. «Это сейчас вы очень хорошие, а когда объедините все в своих руках, к вам и не подступишься»,— добавил он полушутя, полусерьезно. Я заверил Сергея Павловича, что мы как обходили, так и будем впредь обходить «трудные характеры» некоторых высоких руководителей ВВС и будем делать все для того, чтобы интересы дела не страдали.

Потом мы согласовали три варианта экипажа для очередного полета: Волынов — Катыс, Береговой — Демин и Шаталов — Артюхин. Я считаю, что основным должен стать экипаж Волынова, однако за его кандидатуру надо еще бороться. Маршал Руденко настроил Главкома в пользу Берегового, но я сделаю все возможное, чтобы полетел Волынов, который уже в течение пяти лет готовится к полету и четыре раза был в роли дублера. Королев согласился со мной, что традиция подго-

товки дублеров очень полезна, ее нужно укреплять, а не ломать, как этого хотел бы Руденко (Береговой, конечно, сильный кандидат, но мы еще не видели его в роли дублера).

Последний вопрос нашей беседы был более деликатный. Я очень хорошо помню все наши переживания во время полета Терешковой. Волнений было много, и, когда Терешкова наконец приземлилась, Королев сказал: «Чтобы я еще когда-нибудь связался с бабами...» И все-таки с «бабами» дело иметь надо. Я предложил Королеву готовить повторение полета Беляева и Леонова в женском варианте и назвал возможный состав экипажа для такого полета: Пономарева — Соловьева. Это свое предложение я мотивировал тем, что выход женщины из космического корабля с более широкой программой исследований, а может быть, и с использованием автономных средств передвижения в космосе вызовет во всем мире не менее широкий отклик, чем полет «Восхода-2». Излагая свои соображения, я наблюдал за Королевым. Сначала он помрачнел, глаза его потускнели, чувствовалось, что он с трудом сдерживает себя, чтобы не сказать какую-нибудь колкость. Когда же до него дошло все значение предлагаемого мною эксперимента, он начал улыбаться, а потом промолвил с легкой усмешкой: «Надо же, старая мышь, что придумал...» Мы договорились, что Сергей Павлович серьезно обдумает мое предложение. Я просил его не торопиться с ответом.

12 апреля

В связи с Днем космонавтики вчера в ЦПК состоялась встреча космонавтов с Королевым, Глушко и другими главными конструкторами. Я не был на этой встрече, но, по словам генерала Кузнецова, она прошла хорошо. Кузнецов сказал также, что между Королевым и Глушко наметилось заметное примирение. В последнем я сомневаюсь — уж очень крепко они поссорились и слишком долго и упорно избегали встреч друг с другом. Но если примирение состоялось, оно пойдет только на пользу общему делу.

13 апреля

Вчера был во Дворце съездов на торжественном собрании по случаю Дня космонавтики. Впервые в президиуме собрания, кроме Вершинина и космонавтов, были еще три представителя ВВС: Руденко, Рытов и Каманин. К сожалению, в президиуме не было Королева и других главных конструкторов космической техники. Я говорил об этом с секретарем МК партии Егорычевым — он сказал, что этот вопрос неоднократно поднимался в ЦК, но пока решено ничего не изменять в сложившейся традиции «игры в секретность». Разговаривал с Келдышем о женском варианте полета с выходом в космос. Мстислав Всеволодович хорошо помнит Пономареву и Соловьеву — он сразу оценил и обещал поддержать мое предложение. Итак, Королев, Вершинин и Келдыш проявили определенный интерес к полету женского экипажа, но, пока Королев по-настоящему не загорится этой идеей, «обработку» руководителей нельзя считать завершенной.

14 апреля

Только что говорил по телефону с Королевым. Я назвал ему три варианта экипажа для длительного полета с экспериментом по искусственной тяжести и столько же — для полета с выходом в открытый космос. Королев в основном согласился с предложенными вариантами, но не удержался, чтобы не высказаться о «занудном характере» Пономаревой. Подобное выражение по адресу Пономаревой я уже неоднократно слышал от Гагарина и других космонавтов. Не сомневаюсь, что все они будут против женского экипажа, но через два-три дня я все равно дам официальное распоряжение о подготовке Пономаревой и Соловьевой к полету.

Королев высказал пожелание включить в состав экипажа для эксперимента с искусственной гравитацией подходящего врача из Института Минздрава. Я не стал спорить с Сергеем Павловичем по этому вопросу, но при очередной встрече предложу ему вместо того, чтобы еще раз посылать в космос врача и подопытных животных, установить на корабле дополнительный двигатель для осуществления маневра по изменению орбиты. Я уже говорил об этом с Вершининым — он тоже высказался за такую поправку к планам космических полетов и поручил мне попытаться убедить Королева в ее целесообразности.

23 апреля

На сегодня назначен запуск ретрансляционного спутника «Молния». У нас уже было несколько попыток создания спутников для ретрансляции телевизионных передач, однако все они окончились неудачно. В предыдущем пуске «Молния» вышла на орбиту, но ее антенны не развернулись — эксперимент снова был сорван. К сожалению, досадных срывов в реализации нашей программы пусков автоматических межпланетных и орбитальных станций накопилось слишком много, и срывы эти не случайны: их причины кроются в самой системе разработки, испытаний и запуска беспилотных аппаратов, при которой все отдано на откуп Королеву. Работы, проводимые им в этом направлении, никем серьезно не контролируются. Ему необходима помощь, особенно в организации наземных испытаний космической техники. Такую помощь Королеву могли бы оказать ВВС, но из-за ведомственных барьеров и косности руководства Министерства обороны нас совершенно не привлекают к отработке космических автоматизированных систем и устройств. Мы помогаем Королеву лишь в создании и подготовке полетов пилотируемых кораблей, но и здесь делаем далеко не все возможное — очень вредит делу отсутствие «единоначалия в космосе».

16 августа

Мне позвонил Королев и выразил недовольство тем, что Челомей начинает строить корабли для облета Луны. Королев давно вынашивает мысль о монополии на строительство космических кораблей в своем ОКБ и пытается в этом вопросе найти поддержку со стороны военных. Решение ЦК КПСС и Совета Министров обязывает Челомея до начала второго квартала 1967 года построить двенадцать кораблей для облета Луны. Возглавляемое Челомеем ОКБ-52 больше года работает над выполнением этого задания, и сейчас уже было бы неразумно передавать его другому исполнителю. Для развития космонавтики полезно, чтобы космические корабли создавались не какой-либо одной, а разными фирмами.

20 августа

Говорил по телефону с Королевым, он жаловался на плохое самочувствие из-за пониженного (100 на 60) кровяного давления. Я советовал Сергею Павловичу поехать домой и отлежаться, да разве его уложишь... Обсудил с ним кандидатуры на роль командиров двух первых кораблей «Союз». Королев согласился с моими предложениями (я назвал Гагарина, Николаева, Быковского и Комарова) и сказал, что Николаева и Быковского он считает наиболее вероятными участниками первого пилотируемого облета Луны. Я, в свою очередь, поддержал предложение Сергея Павловича о том, что вторым членом экипажа «Союза» при осуществлении стыковки в космосе должен быть инженер. Я назвал кандидатов от ВВС инженеров Демина и Артюхина, Королев не возражал, но выдвинул и своего кандидата — Феоктистова. Договорились возобновить обсуждение предполагаемых составов экипажей для «Союзов» при личной встрече.

1 сентября

Договорились с Королевым встретиться сегодня в ОКБ-1. За пять минут до назначенного срока я уже был у него в приемной. Обычно Сергей Павлович всегда сам встречал меня, но на этот раз мое появление вызвало небольшое замешательство у его секретарши. Попросив меня «минуточку подождать», она скрылась в дверях кабинета, но вскоре вернулась и пригласила войти. Вид у Королева был немного помятый — я понял, что он отдыхал. Сергей Павлович давно уже жалуется на головные боли и низкое кровяное давление. На мой вопрос о самочувствии он ответил: «Я ведь недавно был в отпуске, а чувствую себя неважно. Мечусь вот между рабочим кабинетом и поликлиникой на Грановском...» В ходе нашей беседы Королев несколько раз возвращался к своим недомоганиям, он даже обратился ко мне с такими словами: «По-видимому, я уже не смогу быть техническим руководителем полетов. Как вы, Николай Петрович, смотрите на кандидатуру Шабарова? Сможет ли он заменить меня? А может быть, ВВС выделят своего технического руководителя»? Я ответил, что сейчас, по-моему, его никто не сможет полноценно заменить в этой должности, но заменять надо — он обязан обратить внимание на состояние своего здоровья и сосредоточить все силы на самом главном. Конечно, Шабаров — подходящий кандидат на роль технического руководителя полетов, но, чтобы равноценно заменить Королева, надо обладать его талантом и пережить новое «утро космической эры».

Я сообщил Королеву, что для полета на «Союзе» мы приступаем к подготовке Гагарина, Николаева, Быковского, Комарова, Колодина, Артюхина и Матинченко. Сергей Павлович оставил за собой право присоединить к этой группе космонавтов нескольких инженеров из ОКБ-1. Надо признать, что он поступает предусмотрительно, подготавливая своих инженеров для будущих полетов,— опыт полета Феоктистова на «Восходе» оказался очень полезным для совершенствования пилотируемых кораблей.

Договорились мы и о кандидатах на очередной полет: основной экипаж — Волынов и Катыс, запасной — Береговой и Демин. Королев считает, что этот полет, рассчитанный на 15—10 суток, мы сможем осуществить уже в ноябре, но, по моему убеждению, он не состоится раньше января будущего года (экипаж готов лететь хоть в октябре, но корабль еще не скоро будет подготовлен к полету). Согласился Сергей Павлович и с моим предложением продолжать подготовку женского экипажа для полета с выходом из корабля. Я выразил твердую уверенность, что Пономарева и Соловьева способны осуществить десятисуточный полет с выходом второго пилота в открытый космос.

Заключительную часть нашего разговора мы посвятили «лунной проблеме». Решили, что в сентябре целесообразно провести совещание с докладами Королева и Челомея о ходе подготовки к облету Луны и высадке экипажа на ее поверхность. Одобрив наше намерение выделить 6—8 космонавтов для специальной подготовки по лунной программе, Сергей Павлович с видимым удовольствием рассказал мне о состоянии

дел с ракетой Н-1. Это его детище должно быть готово в металле к концу 1965 года. Носитель Н-1 будет способен выводить на орбиту 90 тонн, а после установки форсированных двигателей — и все 130 тонн полезной нагрузки. Что это будет за нагрузка, пока не очень ясно. Королев думает, что полезной нагрузкой для первых экземпляров ракеты Н-1 может быть «горсть» кораблей «Союз». Первый 90-тонный космический корабль планируется построить в начале 1966 года.

18 сентября

Сегодня утром я позвонил Королеву, чтобы напомнить о его обещании встретиться с группой самодеятельных конструкторов, участвующих в разработке лунохода. Королев довольно сухо ответил: «Николай Петрович, сейчас у меня много людей и я не могу говорить вам всего, что хотел бы сказать. Позвоню через час, разговор будет неприятный...» Опять что-то вывело Сергея Павловича из равновесия...

Вчера я отослал Королеву письмо с предложениями ВВС к программе использования «Восходов». Не сомневаюсь, что он встретит их в штыки и опять будет много шума. Но шум шумом, а дело делом: Королев, к сожалению, нередко шумит понапрасну.

20 сентября

В субботу, в конце рабочего дня, состоялся обещанный Королевым «неприятный» разговор. Сергей Павлович возмущен нашим письмом, в котором вместо 15-суточного полета одного из «Восходов» с экипажем из двух человек с медицинскими заданиями мы предлагаем полет с одним космонавтом на 20—25 суток с решением ряда военных задач. Королев сказал мне примерно следующее: «Я всегда очень хорошо относился к ВВС и лично к вам... Мне казалось, что прежде чем предпринять что-то важное, вы должны посоветоваться со мной. Сейчас я оказался в глупом положении, мне звонят из МОМ и ВПК и с ехидцей спрашивают, буду ли я переделывать корабли под программу ВВС? Я знаю, что вы инициатор этого дела, вы заставили Вершинина подписать это письмо — старик подписывает все, что вы ему предлагаете... Так работать я не могу. Мы можем сами, без помощи ВВС, готовить космонавтов. Мы обойдемся без вашего космоцентра и подготовим для очередных полетов не только инженеров и врачей, но и командиров кораблей...»

Пытаясь успокоить Сергея Павловича, я сказал, что мы, по существу, повторили свои предложения, уже дважды выдвигавшиеся нами в текущем году, и что в нашем письме, формально являющемся ответом на августовское решение ВПК, речь идет не только о предстоящих полетах на «Восходах». Королева кто-то так сильно «подогрел», что он не понял всей ценности предложений ВВС для его ОКБ. Он мог бы поддержать наши планы в принципе, чтобы получить от Министерства обороны специальный заказ на постройку новых кораблей.

Угрозы Королева, что он откажется от «услуг» ЦПК, звучат не впервые, но я твердо убежден: его намерения иметь «все свое» для полетов в космос никто не поддержит. Подготовка космонавтов слишком сложное и дорогое дело, чтобы осуществлять ее келейным образом. У нас уже есть официальные письма президента АН СССР и министра здравоохранения с просьбой готовить в ЦПК ВВС кадры ученых и врачей для космических полетов. Думаю, не случайно эти два документа направлены против королёвской тенденции к автономии.

Я не придаю большого значения состоявшемуся разговору — это не первая и не последняя схватка между нами. Я не хотел и не хочу портить отношения с Королевым, но часто сам Сергей Павлович ведет себя так резко и необдуманно, что от него постепенно отходят даже те, кто ценит и любит этого умного, но капризного, с деспотическими замашками человека. Королев, по существу, одинок, у него мало настоящих друзей, и в этом больше всего виноват он сам. И все же, несмотря ни на что, я за Королева и буду стараться делать все от меня зависящее для улучшения наших взаимоотношений.

1 ноября

День за днем, месяц за месяцем неумолимо приближают старость — все чаще чувствуется груз прожитых лет. Но сдаваться рано: мне хочется быть активным организатором полетов людей на Луну. Вероятно, облет Луны состоится в 1967 году, а еще года через два-три земляне смогут и побывать на своем вечном спутнике. Я всегда верил, что первым человеком, ступившим на поверхность Луны, будет советский космонавт. Но теперь у меня нет былой уверенности. Американцы, развернувшие грандиозные силы для освоения космоса, кое в чем уже опережают нас. Мы выделяем на космос меньше средств и, главное, очень неразумно их используем.

О наших недостатках в подготовке космических полетов я и космонавты написали письмо на имя Первого секретаря ЦК КПСС. Несколько дней назад Юрий Гагарин лично вручил его одному из помощников Брежнева. Прошла неделя, но Леонид Ильич даже не ознакомился с содержанием письма. Он находит время заниматься делами Алжира, Замбии и другими «срочными» проблемами, но не может выкроить одного часа, чтобы поинтересоваться причинами нашего отставания в космосе. Надежды на маршала Гречко также минимальны: он не пойдет против позиции Малиновского. Наши «космические усилия» продолжают оставаться разъединенными, плохо управляемыми.

Сегодня я собирался встретиться с Королевым, чтобы попытаться уточнить с ним сроки и программы будущих полетов. Но Сергей Павлович улетел в командировку — он, видимо, давно забыл о своем обещании осуществить очередной пилотируемый полет в середине ноября. Больше того, мне стало известно, что Королев намерен отказаться от запланированного ранее эксперимента по созданию искусственной тяжести на орбите, а также прекратить строительство кораблей, приспособленных для выхода в открытый космос. Если месяц назад еще были надежды на прояснение наших планов, то сейчас стараниями Королева все окончательно запутано и «сплошной туман» вряд ли рассеется в ближайшее время.

Промышленность, Академия наук, Министерство обороны целиком зависят от капризов Королева. Все «смотрят ему в рот» и ждут от него гениальных решений, а он и сам, по существу, топчется на месте да еще создает помехи другим главным конструкторам — Глушко, Челомею, Воронину, Северину, Ткачеву. В такой тяжелой обстановке иногда опускаются руки... Но отступать нельзя — до конца года мы с космонавтами должны дать решительный бой всем, кто сейчас тормозит наше продвижение в космос, и прежде всего Малиновскому, Смирнову и Крылову. Надо сделать все возможное, чтобы пробить эту «стенку».

Говорил по телефону с Цыбиным и Ивановским. Оба подтвердили намерение Королева отменить эксперимент с искусственной гравитацией (на его разработку ушло полгода) и готовиться к полету продолжительностью до 15—20 суток. Я советовал Сергею Павловичу еще в марте готовить такой полет, но тогда он не согласился с моим предложением.

24 ноября

Больше часа беседовал с Королевым. Мы не виделись почти три месяца — за шесть лет нашей совместной работы это самый большой промежуток между встречами. Правда, мы часто переговаривались по телефону, перебрасывались бумагами, но настоящего дела было мало.

Сергей Павлович выглядит усталым и очень озабочен тем, что серия из тридцати строящихся кораблей «Союз» налезает на незавершенное производство недоукомплектованных «Восходов». Королев рассказал о том, как на коллегии министерства его пытались «поколотить», но он сумел доказать, что выпуск космических кораблей задерживается по вине смежников. Пожалуй, впервые я видел этого человека в состоянии некоторого смятения и даже растерянности. «Все жмут: давай, давай... А что я могу дать, если нет поставок от «кооперации»? Вот и буксую...» — с горечью признался он мне.

Жаловался Сергей Павлович и на Глушко, который на заседании Военно-промышленной комиссии выступил с резкой критикой деятельности его ОКБ. Критика, по словам Королева, была не товарищеской, со стремлением загнать в угол. «Глушко считает,— сказал Королев,— что он главный последователь и наследник Циолковского, а мы делаем лишь консервные банки...»

Дважды Герой Социалистического Труда академик Валентин Петрович Глушко — интеллигентный, очень тактичный человек, и я не могу поверить, чтобы он строил козни против Королева. Скорее всего Сергей Павлович слишком болезненно воспринимает критические замечания. Ссора двух наших талантливейших ученых очень вредит делу. Надо бы попытаться воскресить их былую дружбу.

В конце разговора Королев еще раз подтвердил, что на Совете Обороны и везде, где будут рассматриваться проблемы космонавтики, он будет выступать за предложения ВВС и космонавтов. «Рожденный ползать — летать не может»,— снова и снова повторял он свою любимую поговорку.

За годы совместной работы мне не раз приходилось крепко спорить с Королевым, но после обстоятельного обсуждения крайних позиций мы почти всегда находили пути к сближению. Сегодняшняя встреча, как никакая другая, была мирной и дружеской.

22 декабря

Сегодня имел очень неприятный разговор по телефону с Королевым. Поводом для разговора послужила жалоба одного из гражданских кандидатов в экипаж корабля «Восход-3», Г. П. Катыса, которого руководство ЦПК якобы отстранило от подготовки к полету. В раздражении Королев обрушился на меня с совершенно необоснованными обвинениями: «ВВС продолжают политику отстранения от полетов космонавтов из числа гражданских лиц. Так было при подготовке полета «Восхода-1», так это продолжается и теперь. Мне надоело такое поведение военных — я буду ставить перед Государственной комиссией вопрос о формировании для «Восхода-3» гражданского экипажа».

Я был возмущен заявлением Королева, но постарался возражать ему как можно спокойнее: «Из ЦПК Катыс не отчислен — ему лишь объявили, что сейчас вероятность включения его в состав экипажа «Восхода-3» значительно меньше, чем в ноябре, поскольку для 20-суточного полета гораздо лучше подготовлены Волынов и Горбатко. Кстати, это решение было согласовано с вами три недели назад. Ваши угрозы отказаться от наших космонавтов не новы и не делают вам чести. Поступайте, как хотите. Нам тоже надоели ваши постоянные капризы и истерики». В ответ я услышал: «Ну, будем считать, что мы с вами ни до чего не договорились. Пока».

Королев очень часто скатывается к мелочам, дергает и нервирует людей, вмешивается в детали и упускает главное — сроки и качество подготовки космических кораблей. Он слишком разбрасывается и стремится все держать под своим контролем — этим объясняются его постоянные конфликты с Глушко, Пилюгиным, Ворониным, Косбергом и другими главными конструкторами. Королев пытается влиять и на деятельность ВВС. В ряде случаев мы шли и будем идти ему навстречу, но бесцеремонно вмешиваться в наши дела не позволим.

24 декабря

Вчера был у Королева в ОКБ-1 на праздновании 60-летия П. В. Цыбина. С приветствиями выступили более 70 человек и, конечно же, наговорили в сто раз больше хорошего, чем может сделать за всю свою жизнь одна талантливая личность. Хорошо, что Павел Владимирович Цыбин скромный и рассудительный человек: этот поток восхвалений, я уверен, его не испортит.

Юрий Гагарин и Алексей Леонов приветствовали Цыбина от имени космонавтов, а я — от имени Военного совета ВВС. Очень удачным было приветствие Леонова. Обращаясь к юбиляру, которому выступивший ранее академик В. В. Парин подарил двух собачек, Леонов сказал: «Мы не предлагаем вам собачек. Мы предлагаем вам свое сердце, умелые руки, а если потребуется, то и саму жизнь... Для нас, космонавтов, жизнь — это полеты в космос!»

Юбилейное собрание блестяще вел Королев. Со мной он держался так, будто между нами и не было накануне неприятного разговора. Умный он, очень умный человечище! Жаль только, что ему мешает горячность собственного характера.

5 января 1966 года

Беседовал вчера с Гагариным, Титовым, Поповичем, Николаевым, Терешковой, Быковским, Комаровым, Беляевым. Все космонавты настроены, как никогда, пессимистично. Их безграничной вере в Королева нанесен серьезный удар самим Королевым — Сергей Павлович приезжал в Центр, встречался с космонавтами, но не смог сказать им ничего определенного об очередном полете. На настроении космонавтов сказывается и то, что прошло уже три месяца, как их письмо вручено Л. И. Брежневу, но за это время никто даже не побеседовал с ними по содержанию письма. Полнейшее равнодушие высокого руководства к проблемам космонавтики можно объяснить только растерянностью и боязнью разворошить целую серию наших провалов.

9 января

...Несколько дней назад Королев лег в больницу на 2—3 недели: ему предстоит операция по удалению опухоли в двенадцатиперстной кишке. По предварительным данным, операция нетяжелая, хотя и довольно неприятная.

17 января

Только что вернулся из Дома союзов, стоял там в почетном карауле у гроба Сергея Павловича Королева. Уже трое суток, как он умер, а до сих пор не хочется верить, что его уже нет среди живых...

В пятницу я был весь день в ЦПК, советовался с космонавтами и руководством Центра о составе экипажей для трех «Восходов» и трех «Союзов». Принял решение на ближайший полет назначить основной экипаж в составе Волынова и Шонина, дублерами утвердил Берегового и Шаталова. Приказал с 17 января возобновить подготовку женщин для полета продолжительностью 15—20 суток. Основной женский экипаж — Пономарева и Соловьева, дублеры — Сергейчик и Пицхелаури. Поручил Терешковой руководить подготовкой женского экипажа.

Прямо из Центра я уехал домой, а Кузнецов и Гагарин собирались вслед за мной поехать в ОКБ-1.

Около семи часов вечера раздался телефонный звонок — генерал Кузнецов передал мне страшную весть: умер Сергей Павлович...

Как горная лавина, внезапно и неотвратимо обрушилось на нас это тяжелейшее несчастье. Страна потеряла одного из самых выдающихся своих сынов, а космонавтика наша осиротела. Королев — главный автор и организатор всех наших космических успехов. Его личные заслуги перед космонавтикой, советским народом и всем человечеством безграничны. Он многое еще мог совершить, он ушел от нас в расцвете своего таланта.

Я не думаю, что смерть Королева затормозит наше продвижение вперед в освоении космоса. У нас созданы мощные научные и промышленные коллективы, они способны успешно решать самые сложные задачи. Последние 2—3 года Королев допускал много ошибок, он не использовал советы и инициативу своих помощников и друзей и, не желая этого, иногда тормозил дело (так было с центрифугой ЦФ-16, с «Восходом-3» и «Союзом»). Руководителем ОКБ-1 назначен первый заместитель Королева — Василий Павлович Мишин. Конечно, Мишин не Королев, Сергея Павловича трудно заменить одним человеком. Только общая дружная работа коллективов может в какой-то степени заполнить зияющую брешь.

Все три дня космонавты по очереди дежурят около Нины Ивановны, она, бедняжка, совсем выбилась из сил. Сегодня космонавты уже несколько раз стояли в почетном карауле у гроба, а в 9 часов вечера будут присутствовать при кремации тела. Оперировал Королева сам Петровский — министр здравоохранения. Сергей Павлович пришел в больницу, как говорится, своими ногами, врачи заверили его, что операция продлится несколько минут, а фактически она продолжалась более пяти часов: ослабленное сердце не выдержало такой нагрузки, и наступил паралич.

19 января

Вчера на Красной площади хоронили Сергея Павловича. Урну с его прахом из Дома союзов вынесли члены правительственной комиссии Смирнов, Келдыш, Тюлин, Гагарин и другие, от Исторического музея до Красной площади ее несли космонавты. После митинга Брежнев, Подгорный и другие руководители подняли урну и понесли ее к Кремлевской стене. Л. В. Смирнов поставил урну в нишу, которую затем закрыли мраморной плитой с надписью:

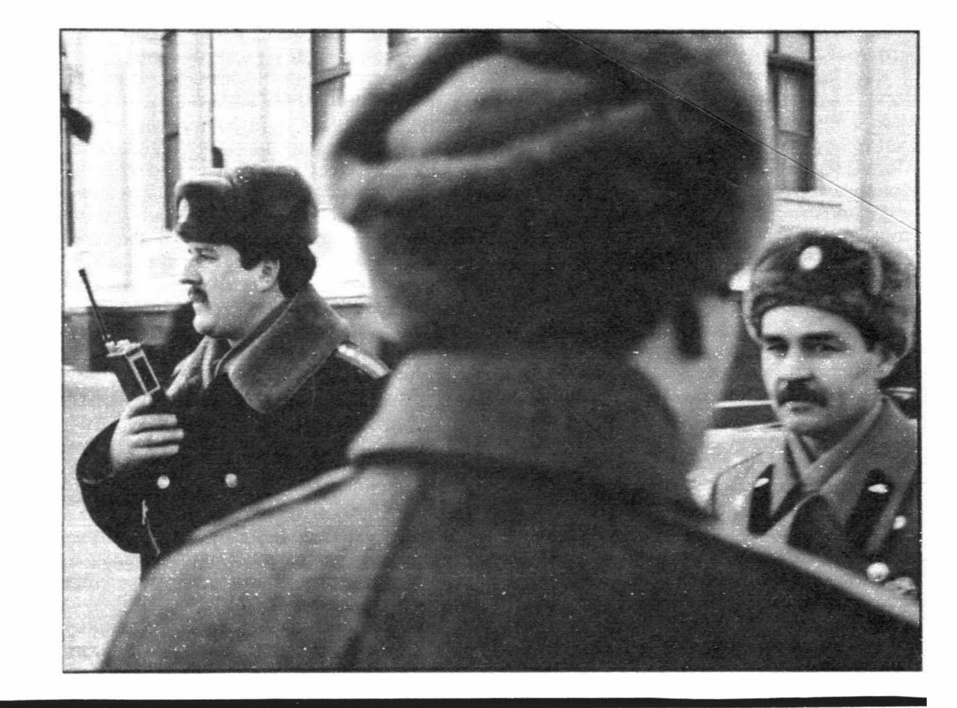
КОРОЛЕВ
Сергей Павлович
30.12.1906—14.01.1966

Королев занял место в Кремлевской стене рядом с С. В. Курашовым (министром здравоохранения СССР). Меня покоробило от такого соседства — оно лишний раз напомнило о большой вине нашей медицины в преждевременной смерти Сергея Павловича.

Все ораторы на траурном митинге особенно заботливо подчеркивали мысль о том, что Королев большой ученый, но не самый главный руководитель космических исследований, что у нас немало таких, как Королев. Это неправда. Я знаю, что рядом с Королевым работали тысячи рядовых и десятки главных конструкторов, но именно он был Главным конструктором космических кораблей, и не только по должности, но и по существу.

Я всегда безгранично ценил талант Королева. Знал я и не самые лучшие черты его характера, но они не могут заслонить величия фигуры нашего Главного конструктора. Его имя должно быть впереди имен всех наших космонавтов. Глубоко убежден, что так и будет.

ВОЙСКА НА УЛИЦАХ

Начало на стр. 3.

паритет в совместных действиях, если армия неизмеримо больше милиции по численности, а по вооруженности и по технической оснащенности несравнима вообще. Понимаю, что маршал Язов собирается заставить маршировать по улицам не все наше войско. А предусмотренный его приказом резерв в составе роты-батальона в каждом гарнизоне, да еще с БТР, да еще с вооружением и боеприпасами — этого что, мало? И ведь это только резерв в помощь тем солдатам и офицерам, которые уже разбрелись по улицам. Какое городское или областное УВД сравнится с такой уймой помощников и тем паче сможет главенствовать над ними?

А теперь повторю все тот же вопрос: иным образом мы с преступностью бороться не пытались? Хотя бы в самое последнее время не принимали более взвешенных, более грамотных решений?

Приглашаю читателя к делу, сегодня не весьма приятному,— вспомнить ряд документов, принятых центром хотя бы на исходе прошлого года. Вот первый — постановление Совета Министров СССР о неотложных мерах по укреплению законности и правопорядка в стране, о нем мы узнали 13 октября. Правительство признает, что возросшая преступность отрицательно сказывается на нравственно-политическом климате в обществе, создает неуверенность граждан в личной безопасности. Сложившаяся ситуация прямо оценивается как кризисная — на мой взгляд, тревоги в этом документе куда больше, чем в декабрьском приказе Язова и Пуго. Спасать положение Совмин призывает практически все государственные структуры — от МВД и КГБ вкупе с Прокуратурой и до Минфина и Госбанка. А Министерство обороны, на которое теперь все надежды? От него в столь деликатном и сугубо внутреннем деле требовалось лишь одно: незамедлительно принять дополнительные меры по обеспечению сохранности оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Подчеркиваю — еще тогда, в октябре, когда правительство в полном смысле этого слова объявляло тотальную войну разом всей уголовщине, к услугам военного ведомства прибегать не решились.

Более того, его руководителей обязали, начиная с осеннего призыва 90-го года, обеспечивать первоочередное и полное выделение молодого пополнения на укомплектование численности внутренних войск МВД СССР. И если бы военное ведомство не пожадничало, не продолжало упрямо держать под своими знаменами сотни тысяч новобранцев, а поделилось бы ими с внутренними войсками — вот тогда бы мы могли надеяться на реальное укрощение преступности. Потому что именно оперативные части ВВ, а вовсе не подразделения Советской Армии и ВМФ не только умеют, но и законом обязаны охранять общественный порядок и нашу с вами безопасность. Как это ни коробит слух, но только этих военнослужащих учат, как грамотно и без дуроломства рассеять беснующуюся толпу, какие и когда применять средства нападения и защиты, только им адресован Закон «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка». И если их сегодня явно не хватает, то не только из-за того, что то тут, то там вспыхивают межнациональные конфликты и парни в краповых беретах выстраиваются живой цепью между враждующими сторонами то в Закавказье, в Осетии, но прежде всего из-за все той же жадности Министерства обороны, выделяющего МВД почти крохи из каждого призыва. Стало быть, выполни они в полном объеме то октябрьское постановление Совмина, по улицам ходили бы не пехотинцы и моряки, а лишь те военные люди, которым это положено по закону и здравому смыслу,— солдаты и офицеры ВВ, по долгу службы обязанные сотрудничать с милицией.

Стоит ли сейчас вспоминать, сколь стремительно с того октября ухудшалась обстановка в стране — все чаще и чаще и в речах Президента, и премьера, и парламентариев стали звучать тревожно режущие слух слова о радикальных и даже чрезвычайных мерах, какой близкой к панике тревогой исполнено постановление Верховного Совета СССР от 23 ноября 1990 года «О положении в стране». Один только пункт из него есть смысл напомнить снова: «Предложить Президенту СССР в случае нарушения... прав граждан и возникновения угрозы их жизни, здоровью и имуществу принимать все ...меры вплоть до чрезвычайных». Сколь наивным я оказался, когда гадал в «Огоньке», как именно подобная чрезвычайщина поможет Президенту отвратить от нас руку убийцы, хулигана, грабителя. Не только мне — всем нам следовало бы внимательнее вчитаться в сделанное сразу же после этого постановления, 27 ноября, заявление маршала Язова, которым он оглушил нас с экранов телевизоров. Успокоив напоминанием того, что главная функция армии заключена в обороне государства и обеспечении его безопасности, министр обороны тут же приказывает принимать все меры для «пресечения действий, наносящих оскорбление чести и достоинству воинов Советской Армии и членов их семей», велит «решительно противодействовать сооружению памятников и других форм прославления фашистов и их наймитов, ликвидировать уже имеющиеся символы такого рода». Кто спорит — хамить воинам, унижать их и их семьи преступно и безнравственно, воспевать осанну фашистам оскорбительно для каждого из нас. Но не военным же, не командующим войсками округов и флотами, как этого требует маршал, противодействовать всему этому вандализму — а правоохранительные, а местные советские органы на что? Милиция, Прокуратура, органы КГБ, наконец?

Теперь, после памятного совместного приказа двух министров, у меня больше нет сомнений, кто был солистом в этом дуэте. Перечитав ноябрьское заявление Язова, я отчетливо вижу именно его руку уже в первых фразах удивившего нас документа: «Совершаются акты вандализма и надругательства над памятниками истории Советского государства, местами захоронений погибших воинов. ...Не единичны факты блокирования военных объектов и городков, покушений на жизнь, честь и достоинство военнослужащих и членов их семей». И если бы министр обороны обратился за содействием к министру внутренних дел для пресечения именно этих безобразий — это было бы и правомерно, и логично, я тут же с извинениями снял бы с маршала недавние обвинения в самочинной защите своих подчиненных. Но дальше-то в приказе совсем о другом идет речь — теперь, оказывается, милиции надлежит патрулировать по улицам наших городов вместе с военными. В самой этой идее помочь милиции навести порядок я лично ничего предосудительного пока не вижу, некомплект патрульно-постовой службы всем известен, лишняя пара крепких рук никогда не помешает. Пусть себе ходят по темным переулкам, чаще заглядывают в подворотни — если и не изловят злоумышленника, то хотя бы спугнут его грохотом кованых сапог.

Беспокоит другое — что именно оба министра вкладывают в давно знакомое мне понятие «осложнение оперативной обстановки». До сих пор и я, и все мои коллеги по недавней службе в МВД полагали, что эту самую обстановку осложнить могут прежде всего преступники — то начнут в каком-то районе повально раздевать прохожих, то разбойничать в вечерних электричках, а то и вламываться в одну за другой квартиры. Бывает, конечно, и хуже — то количество разбоев подскочит, а то и убийств, вот вам и осложнение.

И ТУТ КОНЧАЕТСЯ ИСКУССТВО...

Дмитрий ДЬЯЧЕНКО
Фото Юрия ГРИППАСА

Двое министров теперь разъясняют, что тревогу следует бить прежде всего в двух случаях: во-первых, при массовых выступлениях граждан, во-вторых — при подготовке и проведении общественно-политических мероприятий. Подозрительными для них стали теперь праздничные и выходные дни.

Любопытно, конечно, узнать, что авторы приказа подразумевают под массовыми выступлениями граждан? Это когда те собираются на митинг, демонстрацию или пикетирование? Когда выскакивают на проезжую часть с требованием табака? Когда давятся в многотысячных очередях за башмаками или стиральным порошком? Или гурьбой выскакивают на летное поле после суточных бдений в аэропорту? Или когда снова отменят какую-нибудь купюру и велят ее заменить в 24 часа?

Так вот — все эти столпотворения положено отныне считать осложнением оперативной обстановки и в соответствии с этим немедля вооружать стрелковым оружием военнослужащих. Чтобы воины не заплутали, каждому из них будет вручена памятка с указанием «мест массового пребывания граждан, расположения предприятий с непрерывным циклом работы, железнодорожных и морских вокзалов, аэропортов, автобусных станций...». Уверен: попадись такая памятка бдительному гражданину, он мигом снесет ее куда следует — заговор, путч, мятеж!

И опять-таки если министры хотят уверить нас, что затеяли только лишь совместное патрулирование ради нашего с вами блага, зачем тогда приказывать «утверждать расчеты сил и средств органов внутренних дел, частей и подразделений внутренних войск, Советской Армии и Военно-Морского Флота, необходимых для выполнения совместных задач»? Зачем «в этих целях максимально использовать служебный автотранспорт, бронетранспортеры, средства связи, специальные и индивидуальные средства защиты»? Какие задачи, какие цели требуют такой боевой готовности, какого врага объединенные силы милиции, внутренних войск, армии и флота хотят сокрушить?

Знаете что — не хватит ли нам морочить голову, что все эти военно-полицейские игрища затеяны против уличной преступности, будто она и только она не дает спокойно жить нашим согражданам. Неужели Борис Карлович Пуго за месяц пребывания в должности министра внутренних дел не успел узнать из сводок и подсказать своему коллеге, что преступления против личности вкупе с убийствами, тяжкими телесными повреждениями, изнасилованиями и хулиганством, которые в случае особого везения может предупредить или пресечь патрульно-постовая служба, составляют всего 14,8 процента в общей структуре преступности? Что оправдывать такой молох планируемого возмездия именно этой задачей по меньшей мере наивно? Что страну, общество рушат прежде всего организованная преступность, коррупция практически во всех государственных структурах? Какая армия, какой флот с ней справятся, когда профессионалы и то пасуют? Им бы отдать угроханные на «патрулирование» деньжата, с ними бы поделиться бензином, транспортом, средствами связи, оружием и бронежилетами — в пояс бы поклонились и армии, и флоту, и маршалу Язову.

И еще об одном должен был новый шеф МВД предупредить своего коллегу прежде, чем тот взялся за перо подписанта. Что военнослужащие, вступая на тропу войны с преступностью, лишены той правовой защиты, которую закон предоставил работникам милиции. Что если, скажем, некий гражданин, пойманный на месте преступления, посягнет на жизнь сержанта милиции — он тут же загремит по статье 191-два на срок от пяти до пятнадцати лет, а при отягчающих обстоятельствах схлопочет и смертную казнь. А соверши он то же самое в отношении, скажем, сержанта ВВС — кара будет куда меньшей.

Тревожит меня и более серьезный вопрос: успел ли Б. Пуго узнать, что его предшественник В. Бакатин своим приказом строжайше запретил всем органам внутренних дел и внутренним войскам оснащать автоматы патронами, пули которых калибра 5,45 мм? Те самые пули, которые, попав, скажем, в ногу, могут потом блуждать по всему телу человека и практически в любом случае убивают его. Те самые пули, которые совсем недавно выпустили в мирных граждан Литвы бравые десантники. А если новый шеф МВД уже наслышан об этом, предостерег ли он своего военного коллегу о нежелательности пользоваться столь варварским боезапасом при совместной с милицией охране нашего с вами покоя? Уж если театральному ружью положено выстрелить, то уж боевому оружию и подавно — не будет же военный человек таскать его на манер парадного карабина?

Надеюсь, никто не сможет заподозрить меня в зряшном паникерстве или больных фантазиях — все эти вопросы возникли у меня после внимательного прочтения все того же приказа двух побратавшихся министров. Единственная вольность, которую я себе позволил,— вообразил, что я его непосредственный исполнитель и должен досконально знать, что именно велят мне сразу оба командира. Не исключено, что такие же раздумья посетят и исполнителей подлинных — как милиционеров, так и военных. А это уже заставляет меня предполагать, что упомянутый документ не случайно далек от суховатой конкретики воинского приказа, не случайно не засекречен и потому тоже не случайно попал и на телевидение, и в редакции многих газет и журналов, в том числе и на мой стол в «Огоньке». Непривычно видеть в нем и словесный идеологический камуфляж, словно бы не на военных людей, а на нас, обывателей, рассчитанный. Отсюда и следующий мой домысел, который вольны опровергнуть оба министра,— а не подготовили ли они заодно и других, более предметных указаний для высшего эшелона МВД и МО, не прояснили ли для него подлинные цели этой небывалой совместной акции, о которых нам надлежит только догадываться?

Впрочем, стоп — а не обратиться ли мне с разъяснениями в Главное управление охраны общественного порядка МВД СССР, которому вместе с Генеральным штабом Вооруженных Сил СССР предписано контролировать исполнение приказа?

Звоню по кремлевской «вертушке» начальнику главка генерал-майору милиции Э. Калачеву. Знакомы мы едва ли не четверть века, когда Эдуард Васильевич жил еще в «комсомольской деревне» в Останкине и еще ерзал плечами в непривычной для него форме милицейского политработника. Призванию своему он не изменил и в последующие годы, если не ошибаюсь, усидел даже в кресле секретаря парткома МВД СССР при трех министрах безвылазно. Теперь вот генерал, под его началом вся та милиция страны, которую мы с вами иногда видим на улицах. Я был тронут, когда после уймы лет мой давний знакомый назвал меня по имени и даже на «ты», чем придал начавшемуся было официальному разговору этакую простецкую непринужденность.

Спрашиваю, чем вызван приказ и его, и еще его министров.

— Старик, люди стонут, на улицах черт знает что делается! Прихожу домой, жена в крик — у знакомой шапку сняли! Знаешь, сколько на всю страну у нас милиционеров в патрульно-постовой службе? Записывай — 60 тысяч, плотность нарядов в 2—3 раза меньше, чем в странах Запада. Мы просили Совмин — увеличьте численность личного состава на 100 тысяч, народ вздохнет! Черта с два, отказали. А у наших ребят перегрузки, они каждый день головой рискуют — год еще только начался, а уже шесть человек погибли, восемнадцать ранены. Что ж тут странного, что к армии обратились? Да и без нашего приказа такие совместные патрули ходят в Крыму, в Ташкенте, плохо разве?

Понял, говорю, тронут, благодарен, кланяюсь, но высокий мой собеседник трубку не кладет, едва не кричит знакомой скороговоркой:

— Старина, пойми сам, другим разъясни — мы не против демократии все это затеяли, не для разгона митингов или там демонстраций, пусть себе собираются.

Перебиваю:

— У военных при патрулировании какое оружие будет? Палки резиновые? Флаконы с «Черемухой»? Автоматы?

— Никакого оружия! С голыми руками пойдут!

Снова тронут, снова благодарен — и генералу Калачеву, и тому, что приказ, который передо мной сейчас лежит и едва не все его заверения опровергает начисто.

В последние дни января, когда военно-милицейская инициатива уже вызвала лавину протестов и многих газет, и сотен их читателей, и Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека, и сдержанное недоумение председателя Комитета Конституционного надзора СССР Алексеева, звоню на всякий случай в Управление охраны общественного порядка ГУВД Москвы, говорю исполняющему обязанности начальника подполковнику милиции Захарову: вдруг были какие-то изменения, поправки к приказу, вдруг он если не отменен, то хотя бы приостановлен?

Приказ есть приказ, и он будет выполнен — таков ответ, иного, признаюсь, не ждал.

Оставалось только пробиваться к Пуго или Язову, задать им один-единственный вопрос: почему они взяли на себя смелость принять те чрезвычайные меры, которые Верховный Совет СССР поручил вовсе не им — Президенту? Откуда у них такое небрежение к законам, лихость такая?

Пока разыскивал столь высоких лиц, пока собирался с духом — Указ Президента СССР «О взаимодействии милиции и подразделений Вооруженных Сил СССР при обеспечении правопорядка и борьбе с преступностью» от 29 января сего года, надеюсь, его прочли все и цитировать не придется. Понадобится, думаю, другое — понять, насколько правомерна ссылка Президента на пункт I статьи 127^3 Конституции СССР, якобы оправдывающий его волю. Этот пункт и привожу полностью, он открывает перечень полномочий главы государства: «Президент СССР: 1) выступает гарантом соблюдения прав и свобод советских граждан, Конституции и законов СССР».

Вчитываюсь в каждое слово и никак не могу понять, каким образом Вооруженные Силы могут помочь Горбачеву стать именно таким гарантом? Неужели та же Конституция видит их долг в «поддержании общественного порядка на улицах и в общественных местах», обязывает их во взаимодействии с милицией «осуществлять с этой целью в городах и населенных пунктах совместное патрулирование...»? Нахожу в Конституции главу 5-ю, статью 31-ю: «Долг Вооруженных Сил СССР перед народом — надежно защищать социалистическое Отечество, быть в постоянной боевой готовности, гарантирующей немедленный отпор любому агрессору».

То, что и после приказа МО и МВД, и после Указа Президента Вооруженные Силы обязаны будут повысить свою боевую готовность, очевидно. Вопрос: кто агрессор? Кому обещан немедленный отпор?

21 февраля, ровно через три недели после выхода на наши улицы военно-милицейских патрулей, исполнится сорок дней после кровавой бойни в Вильнюсе. Мы помолчим и ответим на оба эти вопроса.

... Вот уже показался передний танк — легкий, десантный, следом одна бээмпэ, другая, грузовик под брезентом и танк замыкающим...

... мимо Патриарших, по периметру которых медленно ехал полицейский патрульный танк, скользя прожекторным лучом по фасадам, окружающим пруд, мимо какого-то посольства, обложенного мешками с песком...

... сегодня стачка продолжается, и за Москву-реку не пройдешь — на мостах танки...

Вместе с боем курантов толпа шарахнулась и отступила... это со стороны Маросейки, от памятника героям Плевны, свернув снизу, от Старой, несется кортеж.

Вот они влетели на площадь — семеро всадников клином на одинаковых белых конях, в форменных белых полушубках, а следом — одинокий танк в белой же, зимней окраске, с ворочающейся вправо-влево, на толпу башней. Вот засвистела охрана у Спасских ворот — и все, проехали, скрылись... Рабочий день господина генерала начался...

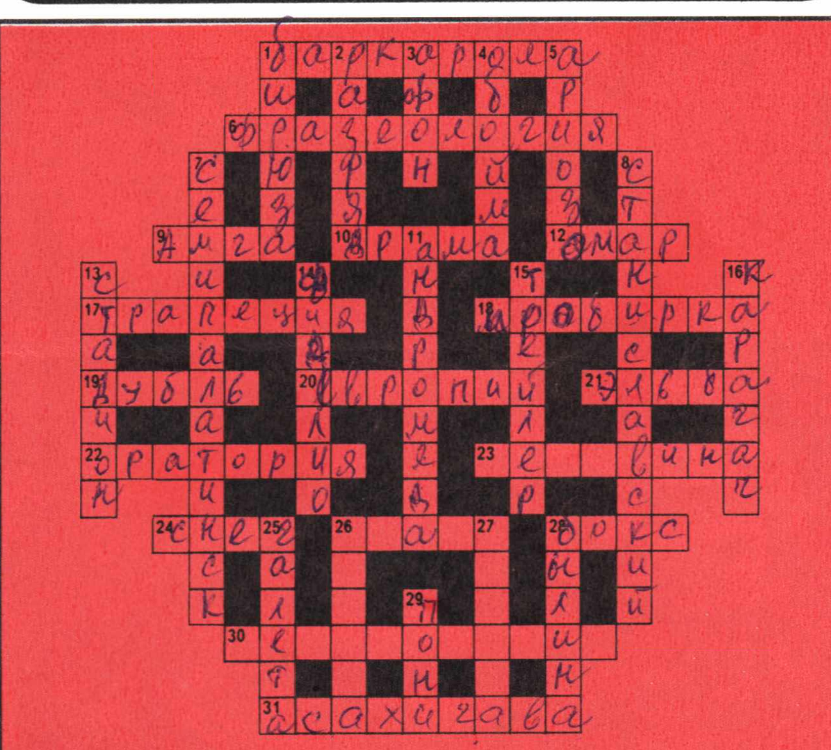
Нет, это, слава Богу, не репортаж в номер. Так весной 1988 года описал зиму 1993-го писатель Александр Кабаков. Еще не было ни Вильнюса, ни Баку, ни Тбилиси. Еще только формируется демократическое движение в Прибалтике и России, еще только выбирают делегатов на XIX партконференцию, и мы сидим перед экранами телевизоров, замирая от первых прорывов гласности во всесоюзный эфир...

Опубликованная летом 1989 года журналом «Искусство кино» повесть А. Кабакова «Невозвращенец» имела колоссальный успех. Ее перепечатывали провинциальные комсомольские газеты. Радиоспектакль Юлиана Панича несколько раз вышел на волнах «Свободы». «Невозвращенец» был включен в несколько сборников, а недавно был выпущен отдельной книжкой. Повесть перевели и опубликовали в семнадцати странах... Смутный страх перед грядущей социальной катастрофой, перед кошмаром будущего впервые был сформулирован с такой обжигающей ясностью и простотой. И вот уже второй год поклонники «Невозвращенца» сверяют с книжкой последние номера газет. И невольно вздрагивают: то от невинных совпадений — вроде аварии на Красноярской ГЭС, то от пугающей точности предчувствия — вроде саперных лопаток в руках десантников.

Ленинградский режиссер Сергей Снежкин сейчас экранизирует повесть. Накануне Нового года снимал на Красной площади. Именно здесь и сделан этот фоторепортаж. Затея Снежкина с самого начала была рискованной — коллеги предупреждали его: как бы не пришлось снимать фильм не в павильонах и декорациях, а на натуре, в реальных интерьерах и репортерской камерой...

Сегодня в Центральных Рядах поступают в выдачу: мясо яка по семьдесят талонов за килограмм, по четыреста граммов на получающего... хлеб общегражданский по десять талонов за килограмм, производства Общего Рынка — по килограмму...
Господа, соблюдайте очередь!..

Итак, время действия повести и фильма — 1993 год. Однако точка отсчета, перелом, о котором с ужасом вспоминают герои А. Кабакова,— год 1991-й. Когда пару месяцев назад мы поднимали бокалы, встречая Новый, 1991 год, могли ли мы поверить, что их хрустальный звон обернется лязгом гусениц танков?

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Песня венецианских гондольеров. 6. Раздел языкознания. 9. Приток Алдана. 10. Литературное произведение для исполнения на сцене. 12. Крупный морской рак. 17. Четырехугольник. 18. Лабораторная посуда. 19. Повторная съемка эпизода в фильме. 20. Химический элемент, лантаноид, металл. 21. Остров в Средиземном море. 22. Крупное музыкальное произведение для хора, солистов-певцов и оркестра. 23. Бобовое растение. 24. Атмосферные осадки. 26. Плата за перевозку грузов или пассажиров различными видами транспорта. 28. Вид спорта. 30. Русский композитор и театральный деятель. 31. Город в Японии на острове Хоккайдо.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Драгоценный камень. 2. Степень квалификации в профессии, спорте. 3. Гора в Греции. 4. Рамка, коробка для патронов. 5. Небольшое лирическое вокальное произведение. 7. Областной центр в Казахстане. 8. Режиссер, педагог, теоретик театра, народный артист СССР. 11. Северное созвездие. 13. Спортивное сооружение. 14. Опера Л. Бетховена. 15. Прицеп для перевозки тяжеловесных грузов. 16. Южное лиственное дерево, вид вяза. 25. Сушеная лепешка, печенье из пресного теста. 26. Живопись водяными красками по сырой штукатурке. 27. Промысловая рыба северных морей. 28. Русская народная эпическая песня о богатырях. 29. Лошадь малорослой породы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Акционер. 8. Движение. 10. Изотоп. 12. Гнатюк. 13. Приключение. 14. «Накипь». 16. Трубач. 18. Трико. 20. Кабарга. 21. Гогланд. 23. Честь. 24. Снасти. 26. Малага. 30. Александров. 32. Корень. 33. Романс. 34. Единение. 35. Ситуация.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Окрошка. 2. Пирол. 3. Телекс. 4. Свинец. 5. Гейне. 6. Чистота. 9. Плюшкин. 11. Преподаватель. 12. Гидроэлеватор. 15. Китайка. 17. Бойница. 18. Тягач. 19. «Огонь». 22. Эстрада. 25. Награда. 27. Гамалия. 28. Скопин. 29. Здание. 30. Анонс. 31. Волан.

ЛИЗИНГ
В БУРНОМ ОКЕАНЕ
СЕГОДНЯШНЕЙ ЭКОНОМИКИ
НАДЕЖНЫЙ ЛОЦМАН —
СП «КОЛУМБ».
СЕГОДНЯ
ФИРМА «ЛИЗИНГ»
СП «КОЛУМБ»
ПРЕДЛАГАЕТ:
ОПТОВЫЕ ПАРТИИ
ИМПОРТНОЙ ТЕХНИКИ
ВЫСОКОГО КАЧЕСТВА
И ВОЗМОЖНОСТЬ
ОПЛАТИТЬ ЕЕ
В РУБЛЯХ
ПО БЕЗНАЛИЧНОМУ
РАСЧЕТУ.
● кнопочные телефонные аппараты;
● настольные бухгалтерские калькуляторы;
● видеомагнитофоны и телевизоры;
● одно- и двухкассетные магнитолы;
● автомобильные магнитофоны и приемники;
● электронные пишущие машинки.
А ТАКЖЕ:
АВТОМОБИЛИ ФИРМЫ «РОВЕР»
(ВЕЛИКОБРИТАНИЯ) —
СЕДАНЫ И ДЖИПЫ ПЯТИ МОДИФИКАЦИЙ.
ЦЕНЫ В ВАЛЮТЕ СООТВЕТСТВУЮТ
ЕВРОПЕЙСКИМ ПРЕЙСКУРАНТАМ.
ВОЗМОЖНОСТЬ СКИДКИ
ПРИ ОПТОВЫХ ЗАКУПКАХ!
ОПЛАТА В СОВЕТСКИХ РУБЛЯХ
В СООТВЕТСТВИИ С АУКЦИОННЫМ КУРСОМ!
Адрес: 107061, Москва, Преображенский вал, 24, корп. 1, 50А.
Телефоны: 963-24-22, 963-23-13, 963-27-66.
EAST WEST INDUSTRIAL
«КОЛУМБ»
ЭСКАРТ
1 руб. Индекс 70663